

9(с2)1

С 82

Стороженко А.В.
Очерки переяслав-
ской старины.

А. В. Стороженко.

О Ч Е Р К И ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ СТАРИНЫ.

Исслѣдованія, документы и замѣтки.

КІЕВЪ.

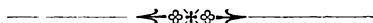
Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская ул., д. № 3.

1900.

Дозволено цензурою. Київ, 22 апрѣля 1900 года.

Содержаніе.

	Стр.
I. Какой юбилей предстоитъ праздновать г. Переяславу?	1.
II. Мѣсто пролитія крови святого князя Бориса.	18.
III. Гдѣ жили Переяславскіе Торки? . . .	33.
IV. Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ.	44.
V. Старые владѣльцы Переяславскаго по- бережья.	72.
VI. Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко, пол- ковникъ Переяславскій, и его родъ . .	126.
VII. Вукъ Сербинъ, полковникъ Переяслав- скій (1675—1682)	187.
VIII. Изъ первоначальной исторіи мѣстечка Борисполя.	196.
IX. Къ біографіи козацкаго гетмана Ивана Михайловича Сулимы	204.
X. Время построенія Покровской церкви въ с. Сулимовкѣ	216.
XI. Старинное поученіе Переяславскому се- минаристу	222.
XII. Дополнительные параграфы къ преды- дущимъ статьямъ	228.

КАКОЙ ЮБИЛЕЙ ПРЕДСТОИТЪ ПРАЗДНОВАТЬ Г. ПЕРЕЯСЛАВУ?

Въ № 6448 газеты „Новое Время“ отъ 9 февраля 1894 г. помѣщено было описаніе юбилея, который праздновалъ въ понедѣльникъ 7 февраля инженеръ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ по случаю 50-лѣтія своей государственной службы, а равно ученой и литературной дѣятельности. Въ концѣ описанія замѣчено было, что А. И. Савельевъ работаетъ ежедневно и теперь, несмотря на свой преклонный возрастъ, по разнымъ вопросамъ: по военному дѣлу, по фортификаціи, по исторіи и по литературѣ. „Онъ тутъ же разсказалъ присутствующимъ“, добавляетъ репортеръ, „что 1893 г. долженъ быть отмѣченъ, какъ 900-лѣтній юбилей г. Переяслава, Полтавской губерніи, и что онъ объ этомъ напомнить въ печати“. Такимъ образомъ А. И. Савельевымъ поставленъ вопросъ, когда основанъ былъ г. Переяславъ, и цѣль нашей статьи—отвѣтитъ на этотъ вопросъ и установить, когда и какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ.

Источникомъ нашихъ свѣдѣній о древнемъ Переяславѣ является исключительно первоначальная русская лѣтопись, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ въ разныхъ ея спискахъ. Имя Пе-

реяслава встрѣчается въ первый разъ на ея страницахъ подъ 6415 г. отъ С. М. или подъ 907 г. отъ Р. Х. въ разсказѣ о походѣ князя Олега на Царьградъ *1. Среди нашихъ ученыхъ историковъ существуетъ троякое отношеніе къ этому разсказу: одни считаютъ его вполне согласнымъ съ историческою дѣйствительностью и цѣликомъ вносятъ въ свои повѣствованія; другіе признаютъ его отъ начала до конца сказкою и совсѣмъ выбрасываютъ изъ достовѣрной исторіи; наконецъ, третіе, подвергнувъ его болѣе глубокой критикѣ, доказываютъ, что онъ составленъ изъ двухъ отдѣльныхъ разсказовъ: историческаго, написаннаго немедленно послѣ событія, и сказочнаго, появившагося въ видѣ народнаго преданія, спустя, быть можетъ, цѣлое столѣтіе. Последнее мнѣніе особенно убѣдительно развито въ статьѣ г. Ламбина подъ заглавіемъ: „Дѣйствительно-ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?“, помѣщенной въ Журналъ Мин. Народн. Просв. за 1873 г. *2, и мы вполне его раздѣляемъ.

Главные положенія г. Ламбина можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

1) Лѣтописное сказаніе о походѣ князя Олега на Грековъ есть чисто механическая сшивка двухъ

*1 См. Лавр. стр. 29—31, Ипат. стр. 17—19, Никон. стр. 18—19. Ссылки на лѣтописи мы дѣлаемъ главнымъ образомъ по слѣдующимъ изданіямъ:

1) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изд. археогр. ком. Спб. 1872.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. археогр. ком. Спб. 1871.

3) Лѣтописный сборникъ, именуемый патріаршею или Никоновскою лѣтописью. П. С. Р. Л. Т. IX, Спб. 1862.

*2 См. ч. 168, № 7, стр. 115—127. Принята во вниманіе и другая статья того-же г. Ламбина: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ въ Ж. М. Н. Пр. 1874, ч. 173, № 6, стр. 225—263 и ч. 174, № 7, стр. 53—119,—гдѣ обстоятельныѣ развиты взгляды этого ученаго на извѣстія первоначальной лѣтописи.

совершенно различных и разновременных извѣстій о походѣ.

2) Одно изъ этихъ сказаній, заключающее въ себѣ мирный договоръ съ Греками съ предпосланнымъ ему краткимъ извѣстіемъ о дѣлахъ Олеговой рати подѣ Царьградомъ,—не позднѣйшая сказка, а современный, вполне достовѣрный памятникъ, писанный въ началѣ X вѣка.

3) Второе сказаніе—баснословно, сказочно, однако не сказка, не вымыселъ книжника, а народная легенда, передающая подѣ сказочною оболочкою историческій фактъ. Записана эта легенда, по всей вѣроятности, при Ярославѣ I († 1054 г.).

4) Письменное сказаніе начала X вѣка о походѣ князя Олега было таково (приводимъ его въ переложеніи на современный языкъ):

„Пошелъ Олегъ на Грековъ и подошелъ онъ къ Царьграду, а Греки перегородили свою гавань *1, крѣпость-же заперли. И высадился Олегъ на берегъ, и велѣлъ своимъ воинамъ вытащить корабли на сушу, и пограбилъ окрестности города, и убилъ многихъ Грековъ, и разорилъ много каменныхъ домовъ *2, и сжегъ церкви. А кого изъ Грековъ взяли въ плѣнъ, то однихъ зарѣзали, другихъ замучили, третьихъ разстрѣляли, а иныхъ бросили въ море. Вообще много зла причинила Русь Гре-

*1 *Замкоша Судъ*—перегородили гавань; подразумѣвается: цѣпью. *Судъ* названа здѣсь Царьградская гавань, такъ называемый *Золотой Рогъ*. Слово это германскаго происхожденія и заключаетъ въ себѣ понятіе о водѣ, раздѣляющей два берега. До сихъ поръ одинъ изъ проливовъ въ Даніи называется Sund.

*2 *Полаты рабишиа*. Словомъ *полаты* на древнерусскомъ языкѣ обозначалось каменное зданіе.

камъ, какъ это постоянно бываетъ во время войны. И начали Греки просить мира и умолять Олега, чтобы онъ не грабилъ греческой земли. Олегъ-же, отступивъ немного отъ города, началъ вести переговоры о мирѣ съ царями греческими Львомъ и Александромъ и послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида съ словами: „Соглашайтесь на дань“. И сказали Греки: „Что захотите, дадимъ вамъ“. И приказалъ Олегъ дать воинамъ на 2,000 кораблей по 12 гривенъ на весло *1 и потомъ давать дань на русскіе города: прежде всего на Кіевъ, потомъ на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полоцкъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочіе города, такъ какъ въ этихъ городахъ сидятъ князья, подчиненные Олегу *2. Кромѣ того, Олегъ предложилъ Грекамъ заключить договоръ на будущее время на слѣдующихъ условіяхъ:

а) Если русскіе послы пріѣдутъ въ Царьградъ, то должны получить отъ Грековъ продовольствія, сколько захотятъ *3;

*1 *На ключъ. Ключъ* мы считаемъ равнозначущимъ съ *уключина*, т. е. столбикъ съ петлею или два столбика, между которыми ходитъ гребное весло. Дань расчислялась по числу *уключинъ* на русскихъ корабляхъ или иначе по числу *веселъ*, такъ какъ въ каждой *уключинѣ* было уложено весло.

*2 Г. Ламбинъ ставитъ вопросъ: „Кто эти князья *подъ Ольгомъ сущіе*, которые сидятъ по разнымъ городамъ русскимъ, и для которыхъ, конечно, а не для жителей городовъ, Олегъ вытребовалъ отъ Грековъ *улады*, то-есть, дань ежегодную, постоянную?“ и отвѣчаетъ на него: „Очевидно, что они не посадники или намѣстники Олега, а лица владѣтельные, государи городовъ и волостей, въ которыхъ сидятъ“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Князья эти не принадлежали къ одной княжеской династіи. Нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ князей мы знаемъ по именамъ. Таковы: князь Древлянскій *Малъ*, князь Полоцкій *Рогволодъ*, князь Вятичей *Ходотъ*. См. статью о походѣ Олега стр. 121—122.

*3 Неясное слово лѣтописныхъ списковъ *алъбное*, *слабное*, *слаубное* мы вслѣдъ за Карамзинымъ (примѣчаніе 311 къ т. I. Ист. госуд. росс.—изд. 1842,

б) Если приѣдутъ русскіе купцы, то должны получать отъ Грековъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ съѣстные припасы въ видѣ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; они могутъ мыться въ баняхъ, сколько хотятъ *1;

в) Если Русскіе станутъ собираться домой, то должны получить отъ греческаго царя на дорогу провизію, канаты, паруса, якоря и все остальное, что имъ понадобится.

Греческіе цари и ихъ вельможи приняли эти условія съ слѣдующими измѣненіями:

а) Если Русскіе приѣдутъ въ Царьградъ безъ товаровъ, то не должны получать мѣсячнаго продовольствія;

б) Русскій князь долженъ строго приказать своимъ подданнымъ, являющимся въ Царьградъ, чтобы они не причиняли вреда греческимъ селеніямъ въ странѣ;

в) Приѣзжающіе Русскіе должны останавливаться у св. Мамы *2, и когда они приѣдутъ, то цари должны послать чиновниковъ записать ихъ имена и выдать имъ мѣсячное продовольствіе, сначала купцамъ кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ и другихъ городовъ;

т. II, стр 88) читаемъ, какъ *солбиное* отъ *солба* = посольство. *Солбными* называлось то, что давалось чужестраннымъ посламъ на содержаніе.

*1 *Да творятъ имъ мось*. *Мось* въ смыслѣ *мытья*, *бани* принимается всѣми учеными изслѣдователями древней лѣтописи.

*2 Между городскими стѣнами и Босфоромъ находились церковь и монастырь св. Мамы или Маманта. Около нихъ находились: пристань, которая служила мѣстомъ стоянки для приходившихъ русскихъ кораблей, и слобода съ подворьемъ, въ которомъ останавливались приѣзжіе Русскіе. См. Голубинскій, Исторія рус. церкви, томъ I, первая половина, М. 1880, стр. 63, примѣчаніе.

г) Русскіе должны входить въ городъ однимъ воротами въ сопровожденіи царскаго чиновника, безъ оружія, въ числѣ не болѣе 50-ти человекъ, и могутъ торговать, сколько имъ укажетъ надобность, не платя пошлины ни за что.

Цари Левъ и Александръ заключили миръ съ Олегомъ и согласились на дань.

Греки и Русскіе принесли другъ другу присягу. Греки цѣловали крестъ, а Олегъ и воины его клялись по русскому закону оружіемъ своимъ, и Перуномъ, и Волосомъ, скотыимъ богомъ⁴.

б) Авторомъ этого письменнаго сказанія могъ быть кто-либо изъ членовъ византійской православной миссіи въ Кіевѣ, которая водворилась здѣсь тотчасъ послѣ перваго набѣга Руси на Царьградъ, съ епископомъ во главѣ, и крестила Русь Аскольда и Дира *1. Подъ ея воздѣйствіемъ появились въ Кіевѣ люди грамотные и притомъ Славяне, которые могли быть очевидцами и участниками тогдашнихъ историческихъ событій и затѣмъ записывали свои воспоминанія на память потомству.

6) Авторъ, записавшій изъ народныхъ устъ легенду о походѣ Олега, вѣроятно, при Ярославѣ I, не зналъ о существованіи письменнаго разсказа объ этомъ-же походѣ съ протоколомъ мирныхъ переговоровъ между Русскими и Греками, и даже не подозрѣвалъ объ его существованіи. Вотъ почему онъ смѣло записывалъ сказочныя подробности народной легенды, не стремясь нисколько согласить

*1 Проф. Голубинскій отрицаетъ возможность принятія христіанства Аскольдомъ и Диромъ, но находитъ вѣроятнымъ и возможнымъ, что „христіанство впервые явилось въ Кіевѣ именно еще при нихъ.“—См. Ист. рус. цер. I, 1, стр. 19—27. Доводы его не исполнѣ доказательны.

ихъ съ подлинными обстоятельствами дѣла, и нигдѣ не упомянулъ объ утвержденіи мира письменнымъ актомъ.

7) Записка о походѣ Олега хранилась вмѣстѣ съ другими бумагами въ архивѣ византійской миссіи и по упраздненіи ея въ исходѣ X вѣка могла попасть въ княжескій архивъ, а затѣмъ въ библиотеку, устроенную Ярославомъ I при храмѣ св. Софіи („Ярославъ любимъ бѣ книгамъ, и многы списавъ положи въ церкви святой Софіи, юже созда самъ“) *1, гдѣ позднѣе могъ ее открыть составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Такимъ образомъ изъ изслѣдованія г. Ламбина вполне выясняется историческая достовѣрность разсказа о походѣ князя Олега на Царьградъ, и поэтому мы имѣемъ полное право положиться на сообщаемыя имъ свѣдѣнія о г. Переяславѣ.

Что касается года, къ которому относится походъ Олега, то г. Ламбинъ не провѣряетъ лѣтописнаго счисленія. Въ недавнее время занялся этимъ академикъ Шахматовъ въ статьѣ: „Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1897, апрѣль, стр. 463—482) и пришелъ къ заключенію, что 907 годъ—„заимствованъ изъ договора, отрывокъ котораго приводится подъ этимъ годомъ. Что мы имѣемъ дѣло съ официальнымъ документомъ, ясно изъ того, что греческими царями названы въ немъ Леонъ и Александръ, между тѣмъ какъ въ договорѣ 6420 (912) года—Леонъ, Александръ и Константинъ; дѣйствительно, Константинъ коронованъ въ 911 году отцомъ своимъ Леономъ“ (стр. 472).

*1 См. Ипат., стр. 107.

Убѣдившись такимъ образомъ въ надежности источника нашихъ свѣдѣній о появленіи г. Переяслава въ исторіи и въ точности даты его, резюмируемъ эти свѣдѣнія:

1) Городъ Переяславъ существовалъ еще до похода князя Олега на Грековъ, т. е. до 907 года;

2) Онъ былъ административнымъ центромъ извѣстной области и въ немъ имѣлъ пребываніе отдѣльный князь, подчиненный кievскому великому князю Олегу;

3) Въ Переяславѣ жили купцы, которые торговали съ Византією и, по договору князя Олега съ Греками, наравнѣ съ купцами другихъ русскихъ городовъ, въ случаѣ прибытія въ Византію, получали право на беспошлинную торговлю, на безмездное продовольствіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ и проч.;

4) Греки обязывались постоянно платить извѣстную сумму въ пользу правившаго въ Переяславѣ князя.

Права Переяславскихъ пословъ и купцовъ подтверждены были вновь и позднѣйшимъ договоромъ съ Греками, заключеннымъ при великомъ князѣ Игорѣ (въ 945 году) *1.

Такимъ образомъ мы имѣемъ самыя точныя и неопровержимыя извѣстія, что г. Переяславъ не только существовалъ, но и игралъ извѣстную историческую роль, какъ третій городъ земли русской, съ самаго начала X столѣтія нашей эры.

Но перечитывая лѣтопись далѣе, мы наталкиваемся подъ 992 г. Лаврентіевскаго или подъ 993 г.

*1 См. упомянутую ст. Шахматова, стр. 475.

Ипатскаго списка—на цѣлый рассказъ объ основаніи г. Переяслава св. Владимиромъ *1. Рисуется такая картина:—г. Переяслава какъ-будто вовсе еще не существуетъ. Черезъ р. Трубежъ у того мѣста, гдѣ позднѣе заселился г. Переяславъ, пролегалъ бродъ, по которому степные кочевники вторгались въ Русь. Святой Владимиръ только-что возвратился пѣз похода на прикарпатскихъ Хорватовъ. Между тѣмъ Печенѣги подошли со стороны р. Сулы. Владимиръ выступилъ противъ нихъ и встрѣтился съ ними у брода черезъ р. Трубежъ. Владимиръ расположился лагеремъ на правомъ берегу р. Трубежа, а Печенѣги на лѣвомъ, и обѣ стороны не рѣшались перейти черезъ рѣку. И вотъ подъѣхалъ къ берегу князь Печенѣжскій и, вызвавъ Владимира, сказалъ ему: „Выпусти ты своего воина, а я выпущу своего, и пусть они сразятся. Если твой воинъ одолѣетъ моего, то мы не будемъ воевать три года и разойдемся въ разныя стороны; если-же случится наоборотъ, то мы будемъ воевать три года“. Владимиръ возвратился въ лагерь *2 и послалъ по лагерю глашатая съ запросомъ: „Нѣтъ-ли такого воина, который могъ-бы сразиться съ Печенѣгомъ?“ и никого не нашлось. На другой день утромъ пріѣхали Печенѣги и привели своего воина, а съ русской стороны никого не было. И началъ Владимиръ печалиться, но продолжалъ вызывать охотниковъ до единоборства. И вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: „Князь! я вышелъ въ походъ съ четырь-

*1 См. Ипат., стр. 38—85 и Лавр., стр. 119—121.

*2 Въ подл. *въ товары.*

мя сыновьями, а одинъ, меньшій, остался дома *1; съ самаго дѣтства никто не могъ побороть его; однажды я его бранилъ, а онъ мялъ кожу, и вотъ, разсердившись на меня, онъ разорвалъ ее руками" *2. Князь-же, услышавъ это, обрадовался и тотчасъ послалъ за юношею. И привели его къ князю и князь разсказалъ ему все. Тотъ-же отвѣтилъ: „Князь! не знаю, одолѣю-ли я его. Лучше испытайте меня. Нѣтъ-ли здѣсь большого и сильнаго быка“? И нашли сильнаго быка, раздразили его горячимъ желѣзомъ и пустили. Быкъ побѣждалъ мимо юноши, и вотъ онъ ухватилъ быка рукою за бокъ и вырвалъ столько кожи съ мясомъ, сколько захватила рука. И сказалъ Владимиръ: „Ты можешь съ нимъ сразиться“. На другой день подошли Печенѣги и начали кричать: „Гдѣ-же вашъ воинъ? Нашъ уже здѣсь“! Владимиръ-же приказалъ своимъ воинамъ надѣтъ въ ту ночь оружіе. Печенѣги выставили своего воина: онъ былъ очень великъ ростомъ и страшенъ. И выступилъ воинъ Владимира. Посмотрѣлъ на него Печенѣгъ и разсмѣялся, ибо онъ былъ средняго роста. Размѣрили мѣсто между двумя войсками и пустили бойцовъ другъ противъ друга. Крѣпко они схватились. Воинъ Владимира удушилъ Печенѣга руками до смерти и бросилъ на землю. Русскіе радостно закричали. Печенѣги побѣжали, а Русскіе погнались за нимъ, нанося имъ раны, и прогнали ихъ. Влади-

*1 Никоновская лѣтопись, сообщающая весьма часто имена лицъ, упоминаемыхъ безъ имени въ древнѣйшихъ спискахъ, называетъ отрока Яномъ Усмошвецомъ, говоря о немъ, какъ о богатырѣ, подобномъ Александру Поповичу или Рагдаю удалому. См. Никон. стр. 68.

*2 Преторже черевии Преторгнуть=расторгнуть, разорвать. Черевии=кожа; отсюда малоросс. черевики, кожаная обувь.

миръ былъ радъ, и заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ, ибо юноша *перя* (отнял) *славу* у Печенѣга. Владимиръ сдѣлалъ его и отца высокопоставленными людьми, а самъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и съ великою славою.

Большинство ученыхъ историковъ согласно въ томъ, что рассказъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего достовѣрно-историческаго, а есть народная легенда, записанная въ концѣ XI вѣка книжникомъ-собирателемъ народныхъ рассказовъ о минувшемъ. Н. И. Костомаровъ находилъ этотъ рассказъ чрезвычайно важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ служитъ образчикомъ того способа, какимъ древніе общечеловѣческіе мифы, видоизмѣняясь, прилегаютъ къ мѣстностямъ, историческимъ условіямъ и данному времени. „Онъ не что иное, какъ видоизмѣненный и локализованный глубоко-древній мифъ о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ, мифъ, воплощавшійся у древнихъ грековъ въ исторіи Тезея, Персея, Беллерофона, и у насъ преимущественно связавшійся съ легендою о Егоріи Храбромъ. Въ Запискахъ о южной Руси Кулиша онъ является въ сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ, приуроченной къ Кіеву“ *1. Другіе ученые съ гораздо большимъ основаніемъ видятъ въ этомъ рассказѣ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ такъ называемой народной этимологіи (Volksetymologie), поясненной легендой. Можно думать, что легенда составилаь подъ вліяніемъ библейскаго рассказа о единоборствѣ Давида съ Голіа-

*1 См. Историч. монографіи и изслѣд. т. XIII, Спб. 1881, стр. 163—164.

фомъ *¹ въ концѣ XI вѣка въ г. Переяславѣ, который въ это время, благодаря заботамъ митрополита Ефрема, сдѣлался важнымъ церковнымъ центромъ. Авторомъ ея могъ быть кто-либо изъ мѣстнаго клира. Приурочена она ко времени Владимира св., такъ какъ личность равноапостольнаго князя очень скоро послѣ его кончины сдѣлалась эпическою и сохранила этотъ характеръ въ великорусскихъ былинахъ до позднѣйшаго времени. Намъ кажется, что въ этой легендѣ есть и историческій элементъ, а именно—фактъ возобновленія Владимиромъ св. переяславскихъ укрѣпленій, такъ какъ мы имѣемъ извѣстіе той-же первоначальной лѣтописи подъ 988 г., что Владимиръ вообще укрѣплялъ оборонительную линію отъ степныхъ кочевниковъ по р. Трубежу; при этомъ онъ могъ выстроить вновь и переяславскую крѣпость. Къ этому-же времени В. Б. Антоновичъ относитъ и насыпку тѣхъ двухъ огромныхъ валовъ, которые двумя параллельными линіями окружаютъ г. Переяславъ съ юго-востока, начинаясь у берега р. Днѣпра и сходясь за селомъ Строковою въ одинъ валъ, который затѣмъ подходитъ къ берегу р. Трубежа противъ села Гланишева *².

Г. Ламбинъ указалъ на то, что изъ этой легенды видно незнакомство составившаго ее книжника съ договорами Русскихъ съ Греками. „Если-бы книж-

*¹ См. Маркевичъ, О лѣтописяхъ, вып. 1-й, Одесса 1883, стр. 135.

*² См. Кіевская Старина 1884, т. VIII, № 3, стр. 355—370, статья: „Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли“. Ср. статью Максимовича: „О древнемъ валѣ, бывшемъ еще при Владимірѣ святомъ южнѣе Кіева, на границѣ земли Печенѣговъ“. Полн. собр. соч. т. II, 1877, стр. 340—342.

никъ зналъ, что Переяславль упоминается въ договорахъ, какъ городъ существовавшій уже при Олегѣ и Игорѣ, то вѣдь онъ могъ-бы пояснить и оправдать народную сказку своею догадкою, до того естественною, что и намъ пришлось-бы признать ее за истину, а именно—догадкою, что этотъ прежній городъ былъ разрушенъ и сожженъ Печенѣгами, тѣми самыми, которые, пользуясь отсутствіемъ Святослава, осадили Ольгу съ ея внуками въ Кіевѣ, и что Владимиръ построилъ теперь новый Переяславль на мѣстѣ прежняго. Книжникъ могъ-бы, пожалуй, еще прибавить, что прежній городъ и назывался-то не Переяславль, а какъ-нибудь иначе, напри-мѣръ, хоть Переплавль, — и мы не могли-бы не повѣрить ему и въ этомъ, такъ какъ въ нашихъ позднѣйшихъ спискахъ прежнее имя города легко могло въ договорахъ замѣниться новымъ, общеизвѣстнымъ. Вотъ здѣсь представлялся книжнику или нашему лѣтописцу, знакомому съ договорами, превосходный, даже вполне законный случай пофантазировать, присочинить кое-что отъ себя, изложить фактъ по своимъ соображеніямъ и домысламъ, согласить народную сказку съ договорами; однако онъ, не мудрствуя лукаво, передаетъ намъ только то, что донесло до него преданіе“ *1.

Изъ всего предыдущаго ясно, что припомянутый А. И. Савельевымъ на его юбилейномъ торжествѣ 993-й годъ нашей эры, къ которому приурочена въ Ипатскомъ спискѣ легенда объ основаніи Переяслава Владимиромъ св., не имѣетъ ни-

*1 См. ст. о походѣ Олега, стр. 124—125

какого значенія въ исторической жизни г. Переяслава, какъ не имѣетъ исторической цѣны и самая легенда, хотя подъ ея сказочною оболочкою и скрывается, быть можетъ, фактъ укрѣпленія св. Владимиромъ Переяслава при общихъ фортификаціонныхъ работахъ для обороны линіи р. Трубежа. Г. Переяславъ существовалъ гораздо ранѣе и съ самаго начала X-го вѣка нашей эры игралъ извѣстную историческую роль, какъ третій городъ земли русской, имѣвшій своего князя, торговавшій съ Византією и т. д. Такимъ образомъ г. Переяславъ имѣетъ право ознаменовать какимъ-либо торжественнымъ празднованіемъ не тысячный годъ своего основанія, которое затеряно во мракѣ вѣковъ и годъ котораго не можетъ быть даже приблизительно опредѣленъ, а тысячный годъ со времени вступленія своего на поприще исторической жизни. Говоря короче: *г. Переяславъ въ 1907-мъ году имѣетъ право отпраздновать тысячелѣтній юбилей своей культурной, торговой и промышленной жизни.* Такого рода юбилей гораздо почтеннѣе, нежели обыкновенная годовщина рожденія. Какъ отдѣльный человѣкъ обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ не столько своимъ существованіемъ, сколько дѣятельностью на пользу общества, какъ въ частномъ быту публичный характеръ пріобрѣтаетъ не простая годовщина рожденія, а юбилей болѣе или менѣе продолжительной общественной, государственной, литературной или ученой дѣятельности, такъ и въ городской жизни важна ея историческая роль, и городу гораздо почтеннѣе отпраздновать юбилей его исторической дѣятельности, нежели только существова-

нія, первые годы котораго бываютъ по большей части ничтожны и безвѣстны. А Переяславъ имѣетъ чѣмъ повеличаться въ прошедшемъ, и его юбилей напомнитъ всей Россіи такія событія, какъ борьба русскаго міра съ степными кочевниками: печенѣгами, торками, половцами и, наконецъ, татарами; какъ возникновеніе южнорусскаго козачества, для котораго Переяславъ былъ однимъ изъ первыхъ гнѣздъ; какъ соединеніе Малороссіи съ царствомъ московскимъ въ 1654 г.; какъ борьба съ уніей въ юго-западномъ краѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда Переяславъ былъ духовнымъ центромъ для православныхъ, оставшихся подъ владычествомъ Польши. Напомнитъ онъ и величавые образы такихъ дѣятелей старины, какъ Владимиръ Мономахъ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій и Богданъ Хмѣльницкій, изъ коихъ первый былъ наслѣдственнымъ княземъ Переяслава и по-долгу въ немъ проживалъ *¹, второй почти наново основалъ Переяславъ въ 1585 году послѣ трехвѣковаго его запустѣнія, а третій въ немъ совершилъ свой важнѣйшій историческій подвигъ—объединеніе Руси, и изъ него взялъ свою первую жену Анну Сомковну.

Къ какому дню слѣдуетъ приурочить празднованіе этого юбилея въ 1907 году? Русскія рати первыхъ князей отправлялись обыкновенно въ Византію со вскрытіемъ рѣкъ *², а возвращались обратно домой позднею осенью. Такъ было, конечно, и въ

*¹ См. извѣстное мѣсто изъ поученія Владимира Мономаха: „И сѣдѣхъ въ Переяславѣ 3 лѣта и зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды, прияхомъ отъ рати и отъ голода“. Лавр. стр. 240.

*² Напр. въ хроникѣ Амартола о нападеніи Игоря 941 года отмѣчено, что оно произошло 18 іюня. Если русскіе выступили изъ Кіева въ половодье,

907 г. Второй договоръ князя Олега съ Греками 912 года былъ заключенъ 2-го сентября—очевидно, передъ отплытіемъ Русскихъ въ обратный путь. Можно думать, что и первый договоръ, относящійся къ 907-му году, состоялся приблизительно въ эту-же пору года и что только къ морозамъ, т. е. къ 1-му ноября, торжествующіе побѣдители могли появиться въ родныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Переяславѣ, съ радостною вѣстью о выгодномъ мирѣ съ Греками. Весьма вѣроятно, что возвращеніе участниковъ похода къ сородичамъ было ознаменовано торжественнымъ пиромъ. Тысячелѣтній юбилей можно было-бы приурочить также къ этому времени, какъ, напримѣръ, къ 1-му ноября. Но въ осенней половинѣ года имѣется для г. Переяслава иной знаменательный день,—Успенія Пресвятой Богородицы 15-го августа,—какъ престольный праздникъ Переяславскаго соборнаго храма, созданнаго нынѣ на развалинахъ древней церкви Владимира Мономаха *¹. И по климатическимъ условіямъ, и по церковному значенію, день Успенія Пресвятой Богородицы долженъ быть признанъ самымъ подходящимъ для торжественнаго празднованія въ г.

около половины апрѣля, то при тогдашнихъ способахъ судоходства они едва могли успѣть подплыть къ Константинополю черезъ два мѣсяца, т. е. въ половинѣ іюня. См. ст. Шахматова, стр. 474, пунктъ 21.

*¹ О zaloженіи ея сказано въ лѣтописи по Іпат. списку подъ 1098 (6606) годомъ: „Владимѣръ заложѣ церковь камяну святоѣ Богородицѣ, Переяслави, на княжѣ дворѣ“. При рытѣ канавъ для фундамента новаго собора открытъ фундаментъ Мономахова храма почти на всемъ его протяженіи и сохраненъ для потомства подъ поломъ новаго собора. Для желающихъ осмотрѣть его оставленъ входъ въ подполье. Планъ фундамента приложенъ къ статьѣ проф. Лашкарева: „Остатки древней церкви въ г. Переяславѣ“. См. книгу Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. К. 1898, стр. 221—229.

Переяславъ его тысячелѣтняго юбилея. Хотя этотъ день не совпадетъ вполне со временемъ возвращенія изъ Византіи побѣдоносныхъ Переяславцевъ въ 907 году, но упрежденіе дѣйствительнаго срока на какихъ-нибудь 2½ мѣсяца не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ объ истекшемъ тысячелѣтіи.

Хотя г. Переяславъ страшно упалъ и обѣднѣлъ въ послѣднее столѣтіе, хотя онъ заглохъ, остался въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и нынѣшняго развитія культурной жизни, хотя онъ сдѣлался даже городомъ болѣе еврейскимъ, нежели русскимъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ думать, что день 15 августа 1907 г. не пройдетъ въ г. Переяславъ совершенно безслѣдно....

МѢСТО ПРОЛИТІЯ КРОВИ СВЯТОГО КНЯ- ЗЯ БОРИСА.

Въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ при разсказахъ о событіяхъ XI и XII вѣка неоднократно встрѣчается топографическое названіе: Лто, Лъто, Алто, Альто, Олто. При этомъ точнѣе не опредѣляется, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ названіемъ: городъ или село, озеро или болото, рѣку или ручей и т. д.? Въ одномъ только случаѣ видно, что къ неопредѣленному: Лто, Лъто, Алто, Альто, Олто—примыкало поле, слывшее подъ именемъ Летскаго, Летьскаго или Лядьскаго. Вотъ мѣста изъ лѣтописей, относящіяся къ интересующему насъ названію:

1) Лѣтомъ 1015 года сынъ Владимира Святого, князь Борисъ, выступилъ въ походъ противъ Печенѣговъ. Онъ не нашелъ ихъ кочевьевъ въ тогдашней безбрежной южно-русской степи и возвращался назадъ, въ Кіевъ. На встрѣчу ему послано было извѣстіе, что 15 іюля скончался отецъ его Владимиръ Святой. Онъ горько оплакивалъ смерть отца, горячо его любившаго, и, приближаясь къ Кіеву, „ста на Алтѣ пришедъ“ (Лавр. стр. 129, Ипат. стр. 92, Ник. стр. 71). Здѣсь настигли его посланные Святополкомъ убійцы (Путьша, Талець, Еловичъ и Ляшъко), напали на него ночью (24-го іюля)

и пронзили копьями. Борисъ еще дышалъ, когда его увертѣли въ полотно шатра, подъ которымъ онъ спалъ въ ночь убійства, и повезли, положивши „на кола“, въ Кіевъ. Когда Бориса доставили сюда и Святополкъ убѣдился, что онъ еще живъ, то посланы были два Варяга прикончить его. Одинъ изъ нихъ пронзилъ ему сердце мечомъ.

2) Въ 1019 году Святополкъ пригласилъ въ помощь себѣ Печенѣговъ и шелъ къ Кіеву противъ брата своего Ярослава. Ярославъ выступилъ ему на встрѣчу „на Альто“. „Ярославъ же ста на мѣстѣ, пдеже убиша Бориса“ и послѣ молитвы двинулъ войска свои въ бой. „И покрывша поле Летьское (Лядьское) обои отъ множества вой“ (Лавр. стр. 140, Ипат. стр. 101, Никонов. стр. 76). Сѣча кончилась поражениемъ Святополка.

3) Въ 1068 году „придоша иноплемьеници на Рускую землю, Половци мнозѣ, Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лѣто“. (Лавр. стр. 163, Ипат. стр. 118, Никон. стр. 94). Половцы одержали побѣду и русскіе князья обратились въ бѣгство.

4) Въ Лаврентіевскомъ и Ипатскомъ спискахъ лѣтописи подъ 1117 годомъ отмѣчено: „Володимеръ Всеволодичъ (Мономахъ) заложи церковь камену святою мученику“ (Лавр. стр. 277, Ипат. стр. 205). Въ Никоновскомъ спискѣ (стр. 150) сказано опредѣленіе: „Владимеръ Всеволодичъ заложи церковь камену на Алтѣ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба“.

5) О смерти Владимира Мономаха лѣтопись по Лаврентіевскому списку (стр. 280, ср. Ипат. стр. 208) говоритъ такъ: „И в лѣто 6633 отъ начала ми-

ру (въ 1125 году) преставися, мая мѣсяца въ 19 день живъ отъ рожества своего лѣтъ 73 лѣта; преставися на Лтѣ у милое церкви, юже созда потщаньемъ многымъ; сынове же его и бояре несоша и Киеву, и положенъ бысть в святѣй Сооѣи, у отца своего“. При характеристикѣ усопшаго князя, нѣсколькими строками выше, сказано было о церкви „на Лтѣ“ слѣдующее: „Велику же вѣру стяжа к Богу и сродникама своими, к святыма мученикома Борису и Глѣбу, тѣмъ и церковь прекрасну созда на Лтѣ (въ Нпкон. сп. стр. 153: „на Алтѣ“), во имя ею, идеже святаго Бориса кровь прольана бысть“.

6) Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ, князь Кіевскій, затѣялъ походъ противъ дяди своего Юрія Суздальскаго, желая поддержать Черниговскихъ князей. Выступивъ изъ Кіева, онъ переплылъ черезъ Днѣпръ, „иде же на Лто, и оттолѣ иде къ Нѣжатину, и отъ Нѣжатины шедъ и ста у Русотины полкы своими“ (Ипат. стр. 243).

7) Въ другомъ походѣ Изяслава противъ Юрія, происходившемъ въ 1149 году, „Изяславъ же ста пришедъ у Витечева, и ту приде къ нему братъ его Ростиславъ, силою многою и тако удумавша ту перебрѣдѣста Днѣпръ и оттуду поидѣста в Олто, и ту приде к нима вѣсть в полуднѣ, оже уже стрѣльци переѣхали чересъ Стряковъ къ городу (Переяславу). Изяславъ и Ростиславъ двинулись далѣе къ Переяславу; „пришедша к Переяславлю и переѣхавше Лтицю, поидѣста за городъ полкы своими и стаѣста по Трубежю; а Гюрги стоя 3 дни у Стряквѣ“ (Ипат. стр. 265).

8) Черезъ два года послѣ этого, въ 1151 году, Юрій сидѣлъ въ Переяславѣ. Онъ не имѣлъ ни откуда

помощи, дружина его была частью избита, частью захвачена въ плѣнъ, и по неволѣ онъ долженъ былъ согласиться на миръ съ Изяславомъ. „Приспѣвшю же празднику святою мученику (2-го мая) иде Гюрги на Лъто и з дѣтми своими“ (Лавр. стр. 318, Ипат. стр. 306). Въ Никоновскомъ спискѣ (стр. 190) къ этому пзвѣстію добавлены нѣкоторыя подробности: Андрей Юрьевичъ Боголюбскій „ото Алта иде къ Суждалю“; „князь же Юрьи Долгорукій ото Алта возвратися паки въ Переяславль и з дѣтми своими“.

9) Въ 1152 году „Вячѣславъ (Владимировичъ) съ Изяславомъ (Мстиславичемъ) поидоста на Святослава Олговича к Новугороду, и на Василка Дюргеви-ча. И якоже стаѣта на Лѣтъ... (Ипат. стр. 316), Изяславъ уговорилъ Вячеслава возвратиться въ Кіевъ, а самъ отправился въ дальнѣйшій походъ.

10) Въ 1154 или 1155 году было нападеніе Половцевъ на Переяславскую область. Отдѣльные списки лѣтописи излагаютъ это событіе нѣсколько различно. По Лаврентіевскому списку (стр. 326): „Тогда же много зла створиша Половци около Переяславля; пожгоша бо села вся, и Летскую божницу святою Мученику зажгоша“; по Ипатскому списку (стр. 328): „Тогда же много зла сотвориша Половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и Лятскую божницу, и святою мученику Бориса и Глѣба храмъ зажгоша“; по Никоновскому списку (стр. 201): „Того же лѣта паки приидоша Половци, и много зла сотвориша около Переяславля, власти и села пожгоша, и монастырь Рожество пречистыа Богородици и монастырь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, и монастырь святаго Савы и Летскую божницу, въ ней же множество богатства,

все разграбиша и пожгоша, а люди въ плѣнъ поведоша“. Послѣднія два извѣстія вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣній:--Слѣдуетъ-ли разумѣть подъ названіемъ „*Летской божницы*“ именно ту каменную церковь, которую построилъ Владимиръ Мономахъ въ 1117 году въ честь Бориса и Глѣба, или эта церковь и „*Летская божница*“—два отдѣльные сооруженія? Если вѣрнѣе послѣднее, то стояли-ли эти сооруженія въ одномъ мѣстѣ, или въ разныхъ? Что разумѣтъ Никоновская лѣтопись подъ именемъ „*монастыря*“ святыхъ Бориса и Глѣба: ту-же ли самую Мономаховскую церковь, или-же какое-то иное, третье, сооруженіе?—По нашему мнѣнію, правдоподобнѣе всего можно объяснить эти недоумѣнія такимъ образомъ: Текстъ Лаврентіевскаго списка является наиболѣе древнимъ и точнымъ. Въ XII-мъ вѣкѣ подъ словомъ „*божница*“, какъ мы знаемъ изъ другихъ памятниковъ, разумѣлась вообще „*церковь*“, „*templum*“. Маленькая часовня (*templum parvum*, *sacellum*) называлась „*боженкой*“ *1. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію М. А. Максимовича*2 (Соч. II, стр. 333, примѣч.), со стороны значенія слова „*божница*“ нѣтъ никакого препятствія считать „*Летскую божницу*“ именно церковью Владимира Мономаха. Позднѣйшіе переписчики, утративъ пониманіе слова „*божница*“, находили не вразумительнымъ, почему прекрасная каменная церковь Владимира

*1 См. Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русского языка, Т. I, Спб. 1893, стр. 140—141.

*2 Слова Максимовича: „Но невѣроятно, чтобы великолѣпная каменная церковь называлась божницею“.

Мономаха могла называться „*божницею*“ (по ихъ понятію: часовнею), и, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, внесли въ текстъ лѣтописи поправку въ томъ смыслѣ, что добавленіемъ союза „и“ и слова „*храмъ*“ (Ипат. сп.) представили Летскую божницу и Мономахову церковь двумя отдѣльными сооруженіями. Переписчикъ Никоновской лѣтописи пошелъ еще дальше въ произвольныхъ домыслахъ и назвалъ Мономахову церковь—монастыремъ, а „*Летской божницѣ*“ приписалъ богатство, котораго она не могла-бы имѣть, если-бы была простою часовнею, а не храмомъ на чтимомъ православными мѣстѣ убіенія св. Бориса.

Дѣлая выводы изъ приведенныхъ выше извѣстій древнихъ лѣтописей о мѣстѣ, называемомъ *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*, мы можемъ установить слѣдующія положенія:

1) Мѣсто, носившее это названіе, находилось гдѣ-то на лѣвомъ берегу Днѣпра между Кіевомъ и Переяславомъ; изъ того и изъ другого города нужно было сдѣлать нѣкоторый *путь*, чтобы до него достигнуть.

2) Мѣсто это служило для Кіевскихъ князей первымъ *приваломъ*, когда они выступали изъ Кіева въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра противъ степныхъ кочевниковъ, или противъ своихъ родичей, князей Черниговскихъ, Суздальскихъ и т. д.

3) Мѣсто это нельзя отождествлять съ рѣчкой *Альтой*, по народному: Ильтицей, потому-что рѣчка эта въ XII-мъ вѣкѣ называлась *Лтицей*; ее пере-

ѣзжали Изяславъ и Ростиславъ, маневрируя около Переяслава въ 1149 г. противъ войска дяди своего Юрія.

4) На этомъ мѣстѣ произошло четыре историческихкія событія: а) убіеніе Бориса, б) побѣда Ярослава надъ Святополкомъ, в) побѣда Половцевъ надъ Русскими, г) смерть Владимира Мономаха.

б) Самымъ точнымъ признакомъ для опредѣленія положенія этого мѣста въ теперешнее время можетъ служить построенная Мономахомъ каменная церковь. Если-бы удалось найти остатки этой церкви или, по крайней мѣрѣ, выполнѣ точное извѣстіе о ея мѣстоположеніи, то этимъ самымъ разрѣшался-бы и вопросъ о мѣстоположеніи и значеніи загадочнаго *Лто, Лъто, Алто, Алъто, Олто*.

Въ настоящее время такое извѣстіе нашлось. Оно заключается въ документѣ, находящемся въ собраніи актовъ Кіевской Археографической Коммиссіи и переданномъ намъ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи О. И. Левицкимъ, которому приносимъ за это искреннюю благодарность. Документъ этотъ—выпись изъ книгъ земскихъ воеводства Кіевского отъ 30 іюня 1629 года. Изъ него видно, что игуменъ Кіевского Пустынно-Николаевского монастыря Серапіонъ Бѣльскій съ братією—вели процессъ съ Софією Станиславовною Даниловичъ, урожденною Жолкѣвскою, за земли, присвоенныя отцомъ ея, короннымъ канцлеромъ Станиславомъ Жолкѣвскимъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра изъ владѣній монастыря. Жалоба монаховъ записана такъ: „Вельможно-

сти ваше антецессоръ*¹, небожчикъ*² канцлеръ коронный, маючи добра*³ свои, село Иванковъ, въ какой колвекъ посесыи*⁴ за Днепромъ, о границу з добрами церковными вышъ речоного монастыра пустынского, з кгрунтомъ и селисчомъ Полукняжецкимъ, отъ летъ больше ста в спокойномъ уживанью*⁵ поводовъ*⁶ будучимъ, также и з другимъ добромъ монастырскимъ, поводовъ, селомъ Княжичами, въ той же стороне коло того селища и кгрунту Полукнязского, яко в одной державе, лежачим, в певныхъ ограниченяхъ и обрубехъ своихъ будучими,—прилеглые; и не zostавуючи на своемъ кгрунтѣ Иванковскомъ, але подчас през разные особы надвонтленя и наднищеня*⁷ помененого монастыра, пспустошеня отъ Татаръ добръ сихъ помененыхъ заднепрскихъ, посадаючи тые то кгрунты церковные, впрод дворъ на кгрунте церковномъ Полукняжевскомъ, въ окне albo въ вале Полукнязскомъ, въ котормъ и церковь спустошона на крве, иде княжати русского, именемъ Бориса Володимировича, забито, змурованая и до сего часу стоитъ, который кгрунтъ поводе од давныхъ летъ у Солътаца Албеевича толмача купили и въ спокойной посесыи были, збудовавши*⁸, фолварокъ уфундовавъ, а потомъ, наступившы на воеводство Киевское, свежо прошлыхъ часовъ и тымъ способомъ кгрунты помененые не толко по тамъ той стороне, але и по сей стороне того валу и церкви од Киева, оседати и посягнути почавшы, коло того валу, церкви и дворца, черезъ себе збудованое местечко оса-

*¹ Наслѣдодатель. *² Покойникъ. *³ Имѣнія. *⁴ Во владѣніи. *⁵ Въ пользованіи. *⁶ Пствовъ. *⁷ Wątlenie=ослабленіе, niszczenie=истребленіе. *⁸ Построивши.

дилъ и Барышполемъ назвалъ. А кгда поводе, фолгуючы*¹, и през убожество свое, съ потугою*² о то с нимъ до права се не вдавали, теды онъ, а по немъ вже и вы, скоро се *местечко тое Барышполь, albo Полукнязовъщина*, уфундовало, подданнымъ его, слобожаномъ тымъ, поля, дубровы Полукнязевские, Княжипцкие, поводовъ, робити, пустоштити и поседати рассказали, а потомъ и далей, под самыя преречоныя села Княжича, в кгрунты церковныя вдираючысе, слободы, футоры, albo села—на некоторыхъ месцахъ посаживали, меновите: на кгрунте Княжецкомъ, на селищу Трыбуховъ, надъ рекою Старыцею, село Трыбуховъ назвавши, которою слободою и тые два урочищи: Городчане и Ивановичи—посягнули; другое село, на урочищу Дудоркове, Дудорковомъ тежъ назвавши, и къ тому Дудоркову селище Ладыжичи осягнули. И такъ, яко антецессоръ вельможности ваше помененный, такъ по немъ и вельможность ваша, на тые добра наступившы, тые вси вышъменованыя селища, урочысча и кгрунты одъ добръ церковныхъ до уживаня своего неправне, кромъ вшелякое слушности, посажанемъ того-то местечка и сюль осягнувши, и до сего часу уживаете, што вельможности вашей зъ правъ и диспозыцый поводовое стороны на термине пришлому ширей показано будет, о которое то посягнене и посажене безправное вышъменованныхъ добръ, селищъ и кгрунтовъ, ку снесеню с тихъ слобод, местечка Барышполя и преречонныхъ сюл, подданныхъ, а уступеню одъ нихъ поводомъ, ку цер-

*1 Относясь снисходительно. *2 Potucha=увѣренность, твердая надежда.

кве Божой, поводове вельможность вашу впрод до заплаченя вины первого нестайного судови и стороне, а потомъ и до усправедливеня се самое речы, — на термни вышъозначоный позываютъ, где правне абысте стали и в том се поводомъ скүтечне усправедливилл.⁴

Изъ этой жалобы монаховъ Пустынно-Николаевского монастыря можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Мѣстность, на которой расположено нынѣ мѣстечко Борисполе Полтавской губ., въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка называлось „*кирунтомъ Полукняжевскимъ*“.

2) Она была куплена Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ у толмача Солтана Албѣевича болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до 1629 г. и цѣлое столѣтіе находилась въ спокойномъ владѣніи монастыря*¹

1* Въ „Актахъ Южной и Западной Россіи“ (т. I, Спб. 1863 г., стр. 36, № 48) напечатана купчая запись на Полукняжевскую землю, проданную Кіевскому Пустынно-Николаевскому монастырю королевскимъ толмачомъ Солтаномъ Албѣевичемъ, отъ 13 августа 1508 г. Позволиемъ себѣ привести здѣсь изъ нея важнѣйшія мѣста: „Я Солтанъ Албѣевичъ, толмачъ господарьскый, и съ своею женою Кунькою, и съ своими сынами съ Иванкомъ и съ Васкомъ,... продалъ есми землю бортную, мою вѣрную у господаря выслугу, што есми выслужилъ у короля Казимира и у его милости сына, у короля Александра,... продалъ есми Матеею, игумену обители святого Николы, и всѣмъ старцемъ Пустыньского монастыря... а тая земля есть отъ Кіева за Днѣпромъ, а прислухала къ Халеплю, на имя Полукняжевская, што мнѣ дана и въ вотчину и въ дѣдину; а судеревью пдетъ съ землею пречистоѣ Печерської и съ Никольского Пустыньского монастыря и съ Мелечевичемъ п съ Печерскими людьми и съ слобожаны, и за рѣчку пошла за Черницу, и съ Савою съ Русановичемъ судеревь, и съ Иваньковици судеревь. А продалъ есми имъ обель вѣчно и непорушно, со всѣмъ, што тамъ у ней есть подъ ее знаменемъ, што съ нею къ Халеплю слухало, селища и пашнын земли, боры и дубровы... рѣчки и перевѣсы, куды тоѣ земли знамя пошло, гдѣ его найдутъ, то все Божье и ихъ... А указалъ есми на свое мѣсто, отвести имъ тую землю бортнику Іакову Микитиничу, штожъ онъ передъ симъ сколько-съ лѣтъ ходилъ отъ мене тую землю, знамя тоѣ земли знаетъ и вси границы еѣ вѣдаеть,... А взялъ есми за тую землю чотыреста копѣ грошей; а для того есми дешевлѣй продалъ имъ, помогаючи души своей и родителемъ своимъ... Писанъ въ Кіевѣ, въ лѣто 7016, мѣсяца августа въ 13 день, индиктъ 11.“ Копія этой купчей имѣется въ церк.-арх. музеѣ. См. Описаніе рукописей церк.-арх. музея Н. Петрова. Стр. 163.

3) Среди этой мѣстности находился *окопъ* или *валъ Полукнязевскій*, внутри котораго въ 1629 г. стояла („и до сего часу стоитъ“) опустошенная каменная („змурованая“) церковь, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была пролита кровь русскаго князя Бориса Владимировича. Около церкви находился „дворецъ“, т. е. усадьба, усадебное мѣсто, — пожалуй, остатки какихъ-нибудь жилищъ, ведшихъ свое начало отъ временъ Владимира Мономаха.

4) Коронный канцлеръ Станиславъ Жолкѣвскій захватилъ эту мѣстность у монастыря и вокругъ окопа или вала (съ развалинами церкви внутри его) основалъ мѣстечко, которое называлъ Борисполемъ, конечно, въ память убіенія на этомъ мѣстѣ кн. Бориса.

Сопоставляя эти данныя съ заключеніями, сдѣланными нами при изученіи лѣтописныхъ цитатъ, относящихся къ мѣстности *Лто, Лъто, Алто, Альто, Олто*, мы необходимо должны прійти къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ изъ нашего изслѣдованія:

1) Каменная церковь, построенная Владимиромъ Мономахомъ на мѣстѣ пролитія крови св. Бориса, называвшаяся иначе „*Летской божницей*“, разграбленная Половцами въ 1154 или 1155 г., достояла тѣмъ не менѣе до начала XVII вѣка, какъ видно изъ словъ жалобы Пустынно-Николаевскихъ монаховъ: „*церковь спустошонная... змурованая и до сего часу стоитъ*“. Свидѣтельство монаховъ подтверждается свѣдѣніемъ, сообщаемымъ г. Богдановичемъ въ его книжкѣ: Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи (Полт. 1877, стр. 151), что при построеніи въ

м. Борисполѣ церкви св. князей Бориса и Глѣба „*быль отрытъ фундаментъ изъ дикаго камня*“ *1. Церковь Мономаха точно опредѣляетъ мѣстоположеніе лѣтописнаго урочища: *Лто, Лѣто, Алто, Альто, Олто*.

2) Этимъ именемъ обозначалось окруженное болотами и лѣсами земляное укрѣпленіе (лѣтопис. „городъ“, „окопъ“ или „валь“ XVII в.), служившее Кіевскимъ князьямъ мѣстомъ первой стоянки въ случаѣ выступленія въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Здѣсь въ 1015 г. былъ пронзенъ Борисъ, здѣсь въ 1117 г. была построена Мономахомъ каменная церковь, здѣсь онъ умеръ въ 1125 г., сюда въ 1151 г. приходилъ на богомолье Юрій Долгорукій. Около этого земляного укрѣпленія тянулось *поле* (поляна, прогалина среди лѣса), называвшееся *Летскимъ*. На немъ происходили кровопролитныя битвы Ярослава съ Святополкомъ (1019 г.) и Русскихъ съ Половцами (1068 г.).

3) Земляное укрѣпленіе, носившее въ XI—XII в. названіе *Лто, Лѣто, Алто, Альто, Олто*, въ XVII в. называлось *Полукнязевскимъ окопомъ* или *валомъ*. Оно послужило ядромъ, около котораго сложилось основанное Станиславомъ Жолкѣвскимъ мѣстечко Борисполе.

4) Нынѣшнее мѣстечко *Борисполе*, какъ и древнее городище *Лто, Лѣто, Алто, Альто, Олто*, находится какъ разъ на срединѣ разстоянія между Кіевомъ и Переяславомъ, и по своему географическому положенію вполне соотвѣтствуетъ тѣмъ призна-

*1 Въ актахъ новая Борисо-Глѣбская церковь въ м. Борисполѣ упоминается впервые въ 1663 г. Послѣ пожара 1812 года вмѣсто сгорѣвшей деревянной была построена каменная церковь, опять подновленная нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

камъ, которые мы установили выше для лѣтописнаго урочища.

Послѣ всего вышеизложеннаго возникаетъ вопросъ: Почему древнее земляное укрѣпленіе или городище называлось въ среднемъ родѣ: *Лто, Лѣто, Алто, Альто, Олто*?

Намъ кажется, что названіе это оно получило отъ прилегающаго обширнаго болота, изъ котораго беретъ начало рѣчка Ильтица (лѣт. Лтица). И въ настоящее время болото это захватываетъ обширное пространство на востокъ отъ м. Борисполя, по направленію къ селеніямъ Кучакову и Иванькову, и весною представляетъ почти сплошное море воды. Насколько-же оно должно было быть богаче водою семь-восемь столѣтій назадъ, когда вокругъ него стояли еще сплошной стѣной дѣвственные лѣса, въ которыхъ запасы зимняго снѣга таяли медленно, напитывая почву водой, не сбѣгавшей такъ быстро, какъ это происходитъ въ настоящее время! Въ древнемъ русскомъ языкѣ озера или болота, служившія истоками рѣкъ, иногда назывались среднимъ родомъ того названія, которое служило для рѣчки въ женскомъ родѣ: такъ, напримѣръ, озеро Нево (Ладожское) и р. Нева и др. Въ нашемъ случаѣ болото *Лто* давало начало р. *Лтицѣ*.

Затѣмъ остается намъ разрѣшить еще одинъ вопросъ: почему позднѣе, въ 1660-мъ году, Кіево-Межигорскіе монахи получили отъ царя Алексѣя Михайловича грамоту на построеніе монастыря *на крови святого страстотерпца Бориса* въ трехъ вер-

стахъ отъ Переяслава на лѣвомъ берегу Ильтицы, и почему въ 1664-мъ году, Переяславскій протопопъ Григорій Филоновичъ Бутовичъ и стрѣлецкій голова Селиванъ Кирилловичъ Бѣлый водрузили тамъ-же каменный крестъ,—и тѣ и другіе желая почтить мѣсто пролитія крови св. Бориса,—и дали поводъ позднѣйшимъ поколѣніямъ благочестивыхъ людей и ученыхъ—считать именно мѣсто, указанное Межигорцами и отмѣченное крестомъ, мѣстомъ, на которомъ былъ пронзенъ копьями князь Борисъ и на которомъ стояла церковь Мономаха? Мы полагаемъ, что съ ихъ стороны это былъ домыслъ, неудачный комментарий къ лѣтописному тексту. Ни Межигорцы, ни Бутовичъ съ Бѣлымъ не знали уже, что мѣсто пролитія крови св. Бориса точно отмѣчено остатками Мономаховой церкви, что на старомъ фундаментѣ выстроена уже Борисоглѣбская церковь въ м. Борисполѣ, и на основаніи извѣстія лѣтописи, что убійство совершилось „на Алтѣ“, произвольно отыскивали его тамъ, гдѣ думали строить монастырь одни и поставили крестъ другіе *1. Ошибка эта была еще болѣе закрѣплена въ 1839 году, кода около креста построена была стараніемъ

*1 Въ объясненіе этого недоразумѣнія можно сдѣлать еще такое предположеніе:

Вблизи Переяслава въ XII в. находился какой-то городъ *Глѣбовъ* (Глѣбовъ у Переяславя—Ипат. стр. 433). Онъ упоминается въ Ипатской лѣтописи только одинъ разъ подъ 1185 годомъ въ той рѣчи, которую лѣтописецъ влагасть въ уста плѣннаго князя Игоря: „Я теперь только припоминаю грѣхи мои передъ Господомъ Богомъ моимъ; вѣдь я совершилъ много убійствъ и кровопролитій въ христіанской землѣ; вѣдь я не пощадилъ христіанъ, но взялъ приступомъ *города Глѣбовъ воцвѣтъ Переяслава*; тогда не мало зла претерпѣли невинные христіане; отецъ разлучался съ дѣтьми, братъ съ братомъ, другъ съ другомъ, жены разлучались съ мужьями, дочери съ матерями, подружки съ подругами; все пришло въ смятеніе отъ плѣненія и отъ скорби, охватившей тогда всѣхъ; живые завидовали мертвымъ, а мертвые радовались, что

Полтавскаго и Переяславскаго архіепископа Гедео-на каменная церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, въ которой ежегодно 2-го мая, въ память перенесенія мощей князей-мучениковъ въ Вышгородѣ въ 1072 и 1115 гг., совершается крестный ходъ изъ Переяслава*¹. Между тѣмъ, по существу дѣла, особаго почитанія заслуживаетъ Борисоглѣбская церковь въ м. Борисполѣ, стоящая, какъ мы убѣдились, именно на мѣстѣ пролитія крови св. князя Бориса.

они, какъ святые мученики, выдержали испытаніе огнемъ въ сей жизни, старцы были толкаемы, юноши получали лютые и безпощадные удары, мужи бывали пересѣкаемы и разсѣкаемы; жены—насилуемы; и все это я совершилъ; не слѣдовало мнѣ жить; и вотъ теперь получаю я возмездіе отъ Господа Бога моего“. Объ этомъ г. Глѣбовѣ, гдѣ Игорь произвелъ такой разгромъ, мы ничего не знаемъ; гдѣ находился этотъ городъ, кто его основалъ, какое значеніе онъ имѣлъ—все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Одно несомнѣнно, что городъ находился гдѣ-то у *Переяслава* т. е. рядомъ съ Переяславомъ, очень близко отъ него. Такъ какъ въ 3-хъ верстахъ отъ Переяслава на берегу р. Ильтицы расположена д. *Глѣбовка*, а возлѣ нея имѣются остатки какихъ-то старыхъ валовъ, то невольно хочется думать, что *Глѣбовка*—ведетъ свое названіе отъ *Глѣбова*, а что остатки городища—это именно остатки разгромленнаго Игоремъ города Глѣбова. Если въ XVII-мъ вѣкѣ названіе „Глѣбовка“ существовало (документальныхъ данныхъ объ этомъ къ сожалѣнію нѣтъ), то очень можетъ быть, что оно *потлнуло ва собою и воспоминаніе о Борисѣ*, такъ какъ въ народномъ представленіи оба князя: Глѣбъ и Борисъ—составляли одну нераздѣльную пару, какъ-бы даже сливавшуюся въ одно лицо. Такъ какъ къ тому-же Глѣбовка расположена при р. Ильтицѣ, которую смѣшивали и смѣшиваютъ съ лѣтописнымъ урочищемъ *Ал(ѣ)томъ. Ал(ѣ)томъ*, то легко могло случиться, что изъ *Глѣбовки* т. е. къ старому городищу *Глѣбову* Межигорскіе монахи *пріурочили и мѣсто убійца Бориса*. Бутовичъ съ Бѣлымъ поставили у Глѣбовки свой крестъ (1664), а Межигорцы—капличку (167...) Позднѣе, когда преосвященнымъ Гедеономъ была выстроена около креста и каплички Борисоглѣбская церковь, то сосѣдняя деревушка Кондоповка начала называться Борисовкой и теперь рядомъ стоятъ двѣ деревушки: Глѣбовка (34 двора, 181 д. об. п.) и Борисовка (22 двора, 141 д. об. п.).

*¹ См. Максимовичъ, Собр. сочин., т. II, 1877, стр. 330—339, статья: „Сказаніе о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ“.

ГДѢ ЖИЛИ ПЕРЕЯСЛАВСКІЕ ТОРКИ?

Исторія Торковъ прекрасно разработана проф. Голубовскимъ въ книгѣ: *Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ* (Кіевъ, 1884 г.). Припомнимъ важнѣйшія его положенія.

1) Печенѣги, Торки, Половцы, Турки-Сельджуки и Турки-Османь—представляютъ одну семью *тюрковъ*. Все это—вѣтви одного племени, кочевавшаго нѣкогда въ областяхъ центральной Азіи.

2) Торки нашихъ лѣтописей въ мусульманскихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ источникахъ называются Узами (Гузами).

3) Русскимъ Торки—Узы (Гузы) становятся извѣстными въ X вѣкѣ, потому-что въ 985 г. они являются уже союзниками Владимира Святого въ его походѣ на Волжскихъ Болгаръ. Они жили въ это время по берегамъ Волги и Дона—тамъ, гдѣ эти рѣки сближаются между собою.

4) Половцы, появившись изъ-за Яика или Урала, вытѣснили Торковъ съ береговъ Волги и Дона далѣе на западъ, ближе къ границамъ русскихъ поселеній.

5) Въ 1055 году Всеслодъ Ярославичъ долженъ былъ ходить на Торковъ для защиты отъ ихъ набѣговъ Переяславскаго княжества. Въ 1060

году князья Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ предприняли огромный походъ противъ Торковъ. Они такъ напугали Торковъ, что послѣдніе разбѣжались въ разныя стороны (одни — къ Дунаю и далѣе въ предѣлы Византійской Имперіи, другіе — обратно на востокъ на встрѣчу Половцамъ) и во множествѣ погибли отъ зимней стужи, отъ голода и отъ моровыхъ болѣзней.

6) Немногіе оставшіеся въ сосѣдствѣ съ Русскими Торки подчинились верховной власти русскихъ князей и являются впредь, или въ составѣ княжескихъ дружинъ, или въ видѣ пограничнаго населенія, имѣвшаго назначеніемъ давать первый отпоръ набѣгамъ Половцевъ.

Извлеченные изъ сочиненія проф. Голубовскаго выводы достаточно поясняютъ, какъ намъ кажется, общія судьбы Торковъ.

Обратимся теперь къ Переяславскимъ Торкамъ.

Помѣщаемое во всѣхъ спискахъ древней лѣтописи подъ 1080 годомъ извѣстіе о бунтѣ Переяславскихъ Торковъ („*заратишася Торци Переяславьстии на Русь*“ — Лавр. стр. 198, Ипат. стр. 143, Воскр. стр. 3, Никон. стр. 110), который удачно усмирить Владимиръ Мономахъ, даетъ намъ право утверждать, что часть Торковъ послѣ 1060 года поселилась въ окрестностяхъ г. Переяслава. Гдѣ-же именно жили эти *Переяславскіе* Торки?

Если мы развернемъ трехверстную карту Переяславскаго уѣзда, остановимъ взоръ на берегу р. Днѣпра верстахъ въ 8—15-ти ниже Переяслава и

оттуда начнемъ слѣдить за направлеиіемъ нанесенныхъ на карту двухъ валовъ, идущихъ сначала параллельно на сѣверо-востокъ, а затѣмъ поворачивающихъ на сѣверъ, сближающихся и, наконецъ, соединяющихся за селомъ Строковою въ одинъ валъ, доходящій до самаго берега рѣки Трубежа противъ села Гланшева, а потомъ осмотримъ пространство отъ валовъ до г. Переяслава, то въ промежуткѣ между внутреннимъ валомъ и г. Переяславомъ и между дорогами изъ г. Переяслава на г. Золотоношу и на м. Яготинъ мы замѣтимъ два большихъ селенія: *Малую Каратулъ* и *Великую Каратулъ*, расположенныхъ вдоль рѣчки Каратулъки (Броварки), вытекающей изъ *пологихъ* болотъ, по которымъ получили первыя части своихъ названій села: Пологи-Чоботъки, Пологи-Вергуны и Пологи-Яненки, и впадающей въ р. Трубежъ ниже хутора Чирскаго.

Извѣстно, что въ древней лѣтописи всѣ мелкія тюркскія племена, осѣвшія постепенно по границамъ Руси, (Печенѣги, Торки, Берендѣи, Ковуи, Турпѣи и проч.)—носятъ общее родовое названіе: *Черные Клобуки*. „Черные Клобуки“—ничто иное, какъ переводъ тюркскихъ названій Кара-Калпакъ или Кара-Тули т. е. черныя шапки^{*1}. Вѣроятно, подобныя названія стали общераспространеннымъ

^{*1} Цитованное сочин. проф. Голубовскаго, стр. 149. *Клобуки* тоже слово восточное (=гурек. *калобакъ*), но оно очень рано вошло въ русскій языкъ и было понятнѣе, нежели другія восточныя названія для головныхъ уборовъ: калпакъ, туль. См. П. Саввантовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. 1896. Стр. 44—45, 57, 169—171 подъ словами: калпакъ, клобуки, шапки.—Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій Вып. 7, ст. 132, 268.

вслѣдствіе того, что эти кочевники носили высокія шапки изъ черныхъ барашковыхъ смушковъ или другихъ темныхъ звѣриныхъ шкурокъ (*тулы бобровые*—Ипат. стр. 528). *¹ Въ имени селъ Малая и Великая *Каратуль* точно сохранилось съ XI вѣка древнее названіе для Торковъ и другихъ тюркскихъ племенъ: *Кара-Тули* (=Кара-Калпаки=Черные Клобуки или Черныя Шапки), и не можетъ быть сомнѣнія, что Переяславскіе *Торки* иначе *Кара-Тули* или Черные Клобуки жили именно тамъ, гдѣ теперь расположены селенія Малая и Великая *Каратули* и гдѣ протекаетъ рѣчка *Каратулька*.

Но въ одномъ мѣстѣ древней лѣтописи мы имѣемъ указанія и на другія мѣста торкскихъ поселеній въ окрестностяхъ г. Переяслава. Къ сожалѣнію то извѣстіе, въ которомъ они находятся, дошло до насъ въ 2-хъ редакціяхъ и отличается значительною неясностью. Вотъ его тексты:

Лавр. спис. изд. 1872
г. стр. 280 *².

1125 г. Потомъ же
услышавше Половци, яко
умерлъ есть Володимеръ
князь, присунушася вбор-

Ипат. спис. изд. 1871
г. стр. 208.

1126 г. Слышавше же
севрази Половци смерть
Володимерю, и прису-
нушася къ Баручю, рек-

*¹ Въ древнерусскомъ языкѣ было, по нашему мнѣнію, въ употребленіи два созвучныхъ слова: *тула*, муж. р., =коланъ для стрѣлъ [напр. въ Словѣ о п. Игг: луци у нихъ напряжени, *тули* отворени;... сыпахуть ми тѣщими *тулы* поганыхъ тѣловинъ великій женчугъ на лоно] и *туль* жен. р., =шапка Въ Ипат. лѣт., какъ видно изъ контекста [Андрѣй же не удоси (не застигъ) его, но удоси владыку и слуги его разыграби гордые, и *тули* ихъ бобровые раздра, и *прильбицы* ихъ волчье и борьсуковые раздраны быша—раздирали два вида головныхъ уборовъ: тули и прильбицы], *тулы*=шапки. Слово это въ живомъ русскомъ языкѣ сохранилось въ видѣ *туля*, жен. р.,=верхъ шапки. См. Максимовичъ, Собр. соч., т. I, стр. 130.

*² Въ Воскр. спискѣ текстъ Лавр. списка нѣсколько сокращенъ. См. стр. 26.

зе и наворопиша изгономъ къ Барочю и ко Бронь княжю, хотяче полонити Торкы проклятыя, и с тѣми повоевати Русску землю *1; но Богъ въ изумѣнье положи совѣтъ ихъ, и не успѣша ничтоже.

Ярополку бо вѣсть бысть, и въгна Торкы в городъ тое ночи.

И егда воротишася опять Половцы, князь же Ярополкъ укрѣпивъся Божьею помощью, не жда иное помощи, ни брата, ни другаго, токмо с Переяславци своими испостиже я у Полкѣстѣня.

Далѣе въ обоихъ спискахъ рассказывается, какъ Половцы были разбиты на голову.

Изъ извѣстія Лаврентіевскаго списка получается такая послѣдовательность событій.

Половцы, очевидно въ небольшомъ числѣ,

ше: возмемъ Торкы ихъ.

Вѣ же вѣсть Ярополку, и повелѣ гнати люди и Торкы в Баручь и въ прочая грады, наворопивше же врази и не въспѣвше ни въ что же положи; увѣдавъ же Ярополка в Переяславли, вратишася на Посулье воевать, Ярополкъ же князь укрѣпився и иде по нихъ, с Божьею помощью, не жда отъ брата помощи, ни отъ другаго, толко с Переяславци постиже я.

*1 Въ Никоновскомъ спискѣ сказано: „Пригнаша скоро изгономъ съ Торкы проклятымы, съ тѣми хотяще воевать Русскую землю“ (стр. 153), но это, очевидно, передѣлка позднѣйшаго переписчика.

прискакали на коняхъ къ Баручю и къ Бронь-княжю, чтобы взять въ плѣнъ проживавшихъ тамъ Торковъ, переманить ихъ на свою сторону и вмѣстѣ съ ними опустошить русскую землю. Но Ярополкъ, сидя въ г. Переяславѣ, раньше узналъ о приближающемся набѣгѣ Половцевъ и въ ту самую ночь, когда они должны были напасть, онъ насильно перегналъ Торковъ изъ Баручи и Бронь-князя въ Переяславъ (мы принимаемъ *городъ* въ извѣстнѣмъ Лаврентіевскомъ спискѣ въ значеніи *Переяслава*, какъ города *κατ'ἐξουχίαν* для Переяславской области). Половцы, не увеличивъ своихъ силъ Торками, не рѣшились продолжать набѣгъ и вернулись обратно. Ярополкъ погнался за ними и разбилъ ихъ у Полкстѣня (нынѣ с. Полстинъ въ Пирятинскомъ у. на берегу р. Удая).

По извѣстію Ипатскаго списка дѣло представляется нѣсколько иначе:

Половцы приблизились къ Баручю, чтобы захватить Торковъ и замануть ихъ съ собою на набѣгъ. Узнавши заранее о предстоящемъ набѣгѣ, Ярополкъ усилилъ гарнизоны въ Баручѣ и иныхъ укрѣпленныхъ городкахъ другими Торками и мѣстными русскими людьми. Половцы, узнавши, что Ярополкъ въ Переяславѣ и что онъ приготовился ихъ встрѣтить, усиливъ гарнизоны въ тѣхъ именно торкскихъ городкахъ, гдѣ они рассчитывали найти не отпоръ, а поддержку, повернули обратно въ Посулье. Ярополкъ нагналъ ихъ и разбилъ (не сказано, гдѣ).

Можно думать, что извѣстіе о набѣгѣ Половцевъ въ годъ смерти Владимира Мономаха и о побѣдѣ надъ ними Ярополка записано не на мѣстѣ

въ г. Переяславѣ, а въ г. Кіевѣ, по слухамъ и при томъ въ передачѣ двухъ лицъ. Этимъ объясняется и разннца въ описаніи распоряженій Ярополка, благодаря которымъ Русь счастливо избавилась отъ угрожавшаго ей опустошительнаго набега.

Для вопроса собственно о торкскихъ поселеніяхъ изъ обѣихъ редакцій можно сдѣлать тотъ выводъ, что Торки жили въ Баручѣ, въ Бронь-княжѣ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ городкахъ, и что всѣ эти городки были невдалекѣ отъ г. Переяслава, такъ какъ Ярополкъ могъ или *въ одну ночь* перегнать изъ нихъ Торковъ въ Переяславъ, или, по крайней мѣрѣ, *быстро* подкрѣпить тамошнихъ Торковъ другими Торками и мѣстными людьми. Имѣя въ виду, что *Баручь*, или *Барочь*—является темой нынѣшняго названія селенія *Барышевки*, которое произошло отъ прибавки къ темѣ *Баручь*—, *Барочь*—суффикса *евка*, при чемъ *уч*, *оч* могло перейти въ *иш* подъ вліяніемъ народной этимологіи (Volksetymologie), которая названіе *Барышевки* производитъ отъ словъ *барышь шевскій*, будто-бы по выгодности издавна здѣсь существующаго *шевскаго* (сапожнаго) промысла *1, имѣя въ виду, что отъ Барышевки до Переяслава 35 верстъ—разстояніе, которое легко могли проѣхать въ одну ночь конные Торки въ особенности при поспѣшности, съ которою *иная* ихъ Ярополкъ (*„взгна Торки в городъ тое ночи“*),—имѣя это въ виду, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью:

*1 См. Богдановичъ, Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи, 1877, стр. 150. Интересныя соображенія о вліяніи народной этимологіи на мѣстные названія можно найти въ книжкѣ чешскаго ученаго Примуса Собоутки: *Vyklady prstonarodni z oboru jazykozpytu, bajeslovi, psychologie národní atd.* V Praze 1882. Стр. 44—56.

предполагать, что *Баручь* находится на мѣстѣ нынѣшней *Барышевки*. Что касается *Бронь - князя* и прочихъ городковъ („... *въ прочая грады*“), то нужно думать, что они были расположены вдоль праваго берега р. Трубежа между Барышевкой и Переяславомъ. Такое предположеніе подтверждается еще и слѣдующими соображеніями.

Изучая по картѣ и на мѣстѣ окрестности г. Переяслава, мы можемъ понять планъ обороны отъ кочевниковъ, который составили себѣ строители Переяславскихъ валовъ. Г. Переяславъ стоитъ на мысѣ, образуемомъ слияніемъ Трубежа съ Ильтицею (Льтицею). Противъ него Трубежъ мелокъ и имѣлъ *бродъ*, о которомъ упоминаетъ и древняя лѣтопись въ легендарномъ разсказѣ объ основаніи г. Переяслава Святымъ Владимиромъ (993 г. — „*Володимерь... срите я* (Печенѣговъ) *на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславъ*“; Лавр. стр. 119, Ипат. стр. 84, Воскр. стр. 314). Въ виду этого, для защиты города и брода, отъ берега р. Днѣпра до берега р. Трубежа выше „Дубовой Шей“ насыпано было полукругомъ два параллельныхъ вала, сходящихся въ одинъ валъ только за селомъ Строковою. Между городомъ и валами поселены были Торки на мѣстѣ нынѣшнихъ селъ „Каратулей“. Выше „Дубовой Шей“ Трубежъ становится глубокимъ и страшно болотистымъ, такъ-что перебираться черезъ него и теперь затруднительно, а 9 столѣтій назадъ, когда берега его были покрыты непроходимыми пущами, было и того труднѣе. Поэтому строители валовъ правильно разсуждали, что выше „Дубовой Шей“ (можетъ быть, это урочище называлось тогда со-

всѣмъ пначе) теченіе р. Трубежа лучше всякаго вала будетъ ограждать русскія поселенія и что только по правому берегу его должны быть устроены укрѣпленные городки съ гарнизонами, которые могли-бы задерживать враговъ въ случаѣ прорыва ихъ въ зимнее время черезъ замерзшія, а потому и доступный Трубежъ. Вдоль праваго берега Трубежа мы, дѣйствительно, находимъ нѣсколько городищъ, которыя можно признать современными валами. Вотъ мы и полагаемъ, что въ этихъ городищахъ вдоль праваго берега р. Трубежа намъ и слѣдуетъ видѣть остатки Бронь-князя и другихъ городковъ, въ которыхъ жили Переяславскіе Торки. Есть, напримѣръ, огромное городище на берегу Трубежа недалеко отъ дороги изъ с. Пристромъ въ с. Волошиновку приблизительно на половинѣ разстоянія отъ Переяслава до Барышевки. Не это-ли остатки *Княжской Обороны* (Бронь князя), называвшейся такъ тогда, когда уже имя князя, руководившаго насыпкой ея валовъ, было забыто?

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ достаточно обоснованный, по нашему мнѣнію, отвѣтъ на поставленный вопросъ:

Переяславскіе Торки жили вдоль той оборонительной линіи, которая прикрывала древній Переяславъ и его область отъ кочевниковъ, а именно вдоль валовъ, на мѣстахъ нынѣшнихъ Малой и Великой Каратулей, и вдоль Трубежа, на правомъ берегу его, между г. Переяславомъ и с. Барышевкой.

Баручь былъ послѣднимъ на сѣверъ торкскимъ городкомъ. Можетъ быть, названіе его пропзносилось Торками нѣсколько иначе, чѣмъ написано въ

лѣтописи, можетъ быть, онъ назывался *Барычъ*. Въ такомъ случаѣ имя это легко объясняется изъ тюркскихъ нарѣчій и значить оно: *торгъ, базаръ*. Слово *барычъ* близко родственно со словомъ *барышъ*, которое также восточнаго происхожденія. Такимъ образомъ народная этимологія, производящая названіе *Барышевки* отъ *барышъ шевскій*, до нѣкоторой степени права. Въ смыслѣ *торга, базара* слово *барычъ* употреблялось въ XVI вѣкѣ въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, въ сочиненіи знаменитаго Николая Рея *Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego* 1560 года, гдѣ находимъ слѣдующее двустипіе (изд. С. Пташицкаго 1881—1888 гг., стр. 106, стихи 381—82):

By miał z dzyećmi pozdychać tedy go wyłupią,
A iáko ná Baryczy nigdy nic nie kupią *1.

Торки могли назвать одинъ изъ своихъ городковъ *Барычъ* (Баручъ, Барочъ)=торгъ, базаръ на томъ основаніи, что въ немъ происходили торги или базары, на которыхъ пріѣзжіе купцы снабжали Торковъ товарами, необходимыми въ ихъ быту. Города, гдѣ собирались торги, назывались иногда по этому проявленію ихъ жизни; напримѣръ, Новый Торгъ или Торжекъ. Можетъ быть, что еще съ этихъ древнихъ временъ (XI в.) опредѣлилось удобное торговое положеніе Барышевки, которымъ она долго пользовалась и которое утратила въ самое новѣйшее время.

Проф. Голубовскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, упомянутой въ началѣ нашей замѣт-

*1 Cp. I Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. 1894. Стр. 37 и 62.

ки, (стр. 133): „Гдѣ только мы видимъ прежнія, старыя названія мѣстностей, мы имѣемъ полное право думать, что преемственность населенія данной мѣстности не прекращалась“. Въ именахъ селъ Малой и Великой *Каратулей* съ XI в. удержалась память о жившихъ въ нихъ *Кара-Туляхъ* (Торкахъ), въ имени *Барышевки* живетъ до сихъ поръ одно изъ словъ ихъ языка (если наши домыслы правдоподобны). Очевидно, что преемственность населенія въ мѣстахъ бывшей осѣдлости Переяславскихъ Торковъ не прекращалась совершенно даже въ эпоху самыхъ грозныхъ татарскихъ нашествій. Оно было только очень рѣдко. Живымъ примѣромъ посредствующаго звена между старыми жителями Переяславщины и ея колонизаторами XVII вѣка можетъ служить тотъ *бортникъ Яковъ Микитиничъ*, который охранялъ Полукнязевскую землю въ то время, когда она, по пожалованію государя Литовскаго короля Польскаго Казимира Ягайловича (1440—1492), принадлежала господарскому толмачу (переводчику) Солтану Алибѣвичу, прислухала къ Халепю (село на правомъ берегу р. Днѣпра около Триполья, нынѣ Кіевскаго у.) и продавалась въ 1508 г. Кіевскому Пустынно-Никольскому монастырю. (См. выше стр. 27).

МИХАЙЛОВСКАЯ и ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКВИ ВЪ Г. ПЕРЕЯСЛАВѢ.

Объ историческомъ прошломъ этихъ церквей мы имѣемъ слѣдующія данныя.

Первоначальное основаніе Михайловской церкви относится къ восьмидесятымъ годамъ XI столѣтія нашей эры. Великимъ княземъ Кіевскимъ былъ въ это время Всеволодъ Ярославичъ, а удѣльнымъ Переяславскимъ — сынъ его, Владимиръ Мономахъ.

Создателемъ церкви былъ Ефремъ, бывшій, повидному, сначала епископомъ Переяславскимъ, а потомъ митрополитомъ Кіевскимъ, и умершій по извѣстію, находившемуся въ распоряженіи Татищева, въ 1096 году (см. Бестужевъ-Рюминъ. О составѣ русскихъ лѣтописей. Спб. 1868. Приложеній стр. 59). О его церковно-строительной дѣятельности въ Переяславѣ въ лѣтописяхъ повѣствуется такъ:

Лавр. стр. 202. Годъ 1089. В се же лѣто священа бысть *церкы святаго Михаила Переяславская* Ефрѣмомъ, митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо прежде в Переяславлѣ митрополья, и пристрой ю великою пристрою, украсивъ ю всякою красотою, церковнымъ сосуды. Сий бо Ефрѣмъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда

много зданья въздвиже: *докончавъ церковь святаго Михаила*, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Θεодора, и посемь святаго Андрея у церкви отъ воротъ и строенье банное камено, сего же не бысть прежде в Руси; и градъ бѣ заложилъ камень, отъ церкви святаго мученика Θεодора, и украси городъ Переяславскій зданьи церковными и прочими зданьи.

Ипат. стр. 146. Годъ 1090.—В се же лѣто священна бысть *церкви святаго Михаила Переяславския*, Ефрѣмомъ тоя церкви митрополитомъ, пже ю есть создалъ велику сущю, и пристрою в нѣй велику створц, и украсивъ ю всякою красотою, церковными съсуды. Спй бо Ефрѣмъ в си лѣта много зданье въздвиже *въ церкви святаго Михаила*, заложи же церковь на воротехъ святаго Федора и св. Андрѣя, у церкви у воротъ, и городъ камень и строенна баня камяна, сего же не бысть в Руси; и въкраси городъ Переяславскій зданьи церковными и прочими зданьи.

Никонов. стр. 116. Годъ 1091.—Священна бысть *церкви святаго архангела Михаила* Ефрѣмомъ митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси, юже бѣ самъ создалъ, велику сущю, бѣ бо прежде Переяславль митрополъ, и живяху множае тамо митрополити Кіевстѣи и всеа Руси, и епископы поставляху тамо, и украси ю великою пристроєю и церковными сосуды. Сей же бѣ Ефрѣмъ скопецъ, многодобродѣтеленъ, высокъ тѣломъ и сухъ; бѣ же тогда зданія много воздвиглъ: *докончавъ церкви святаго архангела Михаила*, и заложи церковь камену на воротѣхъ градныхъ во имя святаго мучени-

ка Феодора, и по семь другую церковь святаго апостола Андрѣа, у церкви святаго Феодора отъ воротъ, и строеніе банное, и врачеве, и болници, всѣмъ приходящимъ безмѣдно врачеваніе, такоже и въ Мплитинѣ въ своемъ градѣ устрои, и по инымъ своимъ градомъ митрополскимъ, иже суть и со уѣзды и съ волостями и съ селы: се же не бысть преже въ Русь; и градъ бѣ Переяславль заложилъ камень, отъ церкви святаго Феодора, и съ прочими зданіи, и съверши его чуднѣ.

Лѣтописныя извѣстія вызываютъ большія недоумѣнія, на которыхъ необходимо остановиться:

1) ... *Бѣ бо преже в Переяславлѣ митрополѣя* (Лавр.) ... *Бѣ бо преже Переяславль митрополѣя, и живяху множае тамо митрополити Кіевстѣи и всея Руси, и епископы поставляху тамо* (Никон.). Дѣйствительно-ли Переяславль былъ нѣкогда мѣстопробываніемъ митрополитовъ „всея Руси“, которые только съ Иларіона, поставленнаго въ 1051 г., стали жить въ Кіевѣ при святой Софіи?

Самый глубокомысленный и оригинальный изъ изслѣдователей нашей церковной древности проф. Голубинскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „Первоначально, въ продолженіе лѣтъ 50-ти, митрополиты наши имѣли свою каеэдру не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ... Этотъ фактъ первоначальнаго существованія или нахождения каеэдры митрополита не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Отъ перваго митрополита нашего Леона или Льва сохранилось до настоящаго времени греческое сочиненіе, которое надписывается: *Λεόντος μητροπολίτου (ἀρχιεπισκόπου) τῆς ἐν Ρωσίᾳ Περιεσλάβεας*.... Но что

могла быть за причина, что кафедра митрополии первоначально учреждена была не въ Кіевѣ, столицѣ государства, а въ Переяславлѣ?... Не находя возможнымъ отвѣчать что либо удовлетворительное на нашъ вопросъ, мы пока принуждены довольствоваться отвѣтомъ только не прямымъ, а именно—что на мѣрненіе Владимира помѣстити митрополитане въ столицѣ государства, а отдѣльно въ особой резиденціи, не представляетъ собою примѣра единственнаго въ своемъ родѣ, что такъ было и у многихъ другихъ.... Епископы, смѣнившіе собою въ Переяславлѣ митрополитовъ, нѣкоторое время продолжали именоваться митрополитами, представляя собою митрополитовъ титулярныхъ (каковыя бывали и у Грековъ)*¹.

2) ... *Ефремомъ, митрополитомъ тоя церкви....* ...*Ефремомъ, тоя церкви митрополитомъ....* (Лавр., Ипат.)... *Ефремомъ митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси....* (Никон.). Почему Ефремъ, который въ Словѣ препод. Нестора о перенесеніи мощей св. Θεодосія, въ Посланіи еписк. Симона къ Поликарпу о святыхъ черноризцахъ Печерскихъ*² и въ надписи надъ мощами его въ Пещерахъ именуется *епископомъ* Переяславскимъ, въ нашихъ извѣстіяхъ и въ Житіи св. Θεодосія*³ (соч. преп. Нестора) носитъ

*¹ См. Исторія русской церкви. Т. I, полов. 1-ая, М. 1880, стр. 285—287, стр. 763.

*² См. Кіево-печерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложении М. Викторовой. К. 1870. Стр. 9, 27.

*³ Въ Житіи св. Θεодосія читаемъ: „Ефремъ каженникъ отъиде въ Константинь градъ и ту живяше въ единомъ монастыри, послѣ же изведенъ бысть и въ страну сію и поставленъ бысть *митрополитомъ въ городъ Переяславъ*.“ Приводимъ этотъ текстъ по выпискѣ проф. Голубинскаго (Ист. рус. цер. I, 1, стр. 565) изъ подлинной рукописи, хранящейся въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи. Житіе св. Θεодосія въ переводѣ на современный языкъ преосвящ. Филарета издано въ Ученыхъ Запискахъ 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. II, вып. 2, Спб. 1856. Стр. 129—192. Наше мѣсто находится на стр. 145.

титулъ митрополита, при чемъ есть еще разница въ опредѣленіи его епархіи: въ Лаврентіевской и Ипатской лѣтописяхъ и въ Житіи св. Θεодосія онъ называется митрополитомъ Переяславской церкви св. Михаила или просто г. Переяслава, а въ Никоновской лѣтописи—митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси?

Думается, что это можно объяснить такъ: Авторы Слова о перенесеніи мощей св. Θεодосія. Послания къ Поликарпу и надписи надъ мощами—забыли о томъ, что Переяславскіе епископы именовались митрополитами и отмѣтили только фактъ, что Ефремъ занималъ епископскую кафедру въ г. Переяславѣ. Составители Лаврентіевской и Ипатской лѣтописей и Житія св. Θεодосія приписали Ефрему тотъ титулъ митрополита Переяславской церкви св. Михаила или просто г. Переяслава, которымъ онъ въ дѣйствительности пользовался. Составитель Никоновской лѣтописи, найдя въ своихъ источникахъ, что Ефремъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ, такъ титулуетъ его и при описаніи его церковно-строительной дѣятельности въ г. Переяславѣ, забывая, что въ то время, когда онъ дѣйствовалъ въ г. Переяславѣ, онъ не былъ еще митрополитомъ Кіевскимъ, а состоялъ только титулярнымъ митрополитомъ Переяславскимъ.

3) ...*Юже бѣ создалъ велику сущю.... и пристрою ю великою пристрою, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды. (Лавр.) Иже ю естъ создалъ велику сущю, и пристрою в нѣй велику створи, и украсивъ ю всякою красотою, церковными съсуды. (Ипат.).... Юже бѣ самъ создалъ велику сущю.... и украси ю великою пристрою и церковными сосуды. (Никон.)*

Самое непонятное слово въ этихъ текстахъ: *пристроа*, сущ. жен. р. Мы полагаемъ, что *пристроа* = ризница, собраніе церковныхъ одѣяній или облаченій; слово это родственно нынѣшнему польскому *strój* = одежда, *stroić się* = одѣваться. Затѣмъ эти тексты, сведя ихъ вмѣстѣ, можно переложить на современный языкъ такъ: Ефремъ далъ церкви св. Михаила обширные размѣры, украсилъ ее художественною отдѣлкою, снабдилъ ее богатою ризницею и церковнымъ сосудами.

4) Окончивъ постройку Михайловской церкви, Ефремъ занялся благоустройствомъ ея усадьбы:... *градъ бѣ заложилъ каменъ....* (Лавр.)... *городъ каменъ...* (Ипат.)... *градъ бѣ Переяславль заложилъ каменъ.....* (Никон.). *Каменъ градъ* въ Лавр., *каменъ городъ* въ Ипат. лѣтописи значить: каменная ограда^{*1} изъ кирпича или дикаго камня вокругъ усадьбы, занятой церковью св. Михаила и принадлежащими къ ней зданіямъ. Когда въ первой половинѣ XVI вѣка составлялась Никоновская лѣтопись, то слово *градъ*, *городъ* — употреблялось уже съ нынѣшнимъ его значеніемъ, и составитель лѣтописи, не ясно понимая, что дѣло идетъ о каменной оградѣ вокругъ церковной усадьбы, дописалъ къ слову *градъ* еще: Переяславль, причемъ получился такой смыслъ, какъ будто Ефремъ наново основалъ этотъ городъ.

5) Ограда не могла обойтись безъ воротъ. И вотъ Ефремъ устроилъ въ каменной оградѣ и каменные ворота, а надъ воротами, по обычаю того времени, церковь св. муч. Теодора (*церковь на во-*

^{*1} Градъ — стѣна, ограда, τείχος, murus. См. Срезневскаго. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. I, 1893, столб. 575.

ротъхъ городныхъ... церковь ни воротехъ... церковь камену на воротъхъ градныхъ...). Какой видъ имѣли эти ворота съ церковью надъ ними въ г. Переяславѣ, всего лучше можно судить по изображенію Золотыхъ Воротъ въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ, постройки 1164 года *¹, помѣщенному въ VI выпускѣ „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“ гр. Толстого и Кондакова, 1899 г. (на стр. 16 рис. 36). Эти постройки раздѣляетъ такой небольшой сравнительно промежутокъ времени (отъ 1090 до 1164 г.=74 года), что онѣ, вѣроятно, были похожи одна на другую, тѣмъ болѣе, что и строитель Золотыхъ Воротъ кн. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій неоднократно бывалъ въ Переяславѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ кн. Юріемъ Владимировичемъ и, конечно, архитектура ихъ Переяславской семейной святыни не осталась безъ вліянія на разработку его художественно-строительныхъ вкусовъ.

6) Внутри ограды невдалекѣ отъ воротъ (... *у церкви отъ воротъ... у церкви у воротъ... у церкви отъ воротъ..*) построена была другая церковь: во имя святаго апостола Андрея, можетъ быть, трапезная.

7) *И строенье банное камено, сего-же не бысть прежде в Руси...* (Лавр.) *И строенна баня камяна, сего-же не бысть в Руси,..* (Ипат.)... *Заложил... и строеніе банное...* (Никон.). Мы полагаемъ, что подъ каменнымъ баннымъ строеніемъ, подъ каменною банею—слѣдуетъ разумѣть *каменный куполъ*, построенный преосв. Ефремомъ при помощи грече-

*¹ См. Лавр. стр. 334: „Священа бысть церкви на золотыхъ воротѣхъ, Володимери“.

скихъ зодчихъ на одной изъ созданныхъ имъ трехъ церквей. Изъ послѣдовательности лѣтописныхъ текстовъ скорѣе всего можно заключить, что этимъ каменнымъ куполомъ увѣнчивались ворота съ надстроенною надъ ними церковью св. муч. Θεодора. Очевидно, что каменныхъ куполовъ не умѣли строить въ тогдашней Руси и вотъ построение каменнаго купола лѣтописецъ отмѣтилъ какъ событіе выдающееся, котораго прежде на Руси не случилось (*не бысть прежде в Руси*). Обыкновенно, даже на каменныхъ церквяхъ строили деревянные купола. Въ одномъ мѣстѣ Ипатской лѣтописи (подъ 1152 г.) относительно церкви св. Михаила въ нынѣшней Старгородкѣ около г. Остра прямо отмѣчено, что въ ней „*верхъ бѣше нарубленъ деревомъ*“ (Ипат. стр. 308). Слово *баня* (польск. *bania*) въ смыслѣ купола до сихъ поръ употребляется повсемѣстно въ Малороссіи и Польшѣ. Если-бы дѣло шло о *банѣ для мытья*, то лѣтописецъ не сказалъ-бы, что „*сего не бысть прежде в Руси*“, такъ какъ, напротивъ, горячая баня, какъ мы знаемъ изъ сказанія Лаврентіевской лѣтописи о новгородскихъ баняхъ, видѣнныхъ апостоломъ Андреемъ (стр. 7—8), считалась исконнымъ русскимъ обычаемъ, вызывающимъ удивленіе въ ино-странцахъ *1.

8) ...*Прочими зданьи*... Тутъ, очевидно, идетъ рѣчь

*1 См. Сочиненія А. А. Когляревскаго. Т. IV, Слб. 1895, стр. 629—631. По мнѣнію Яна Карловича, слово *баня* въ своихъ обоихъ значеніяхъ (*горячее омовеніе* и *куполь*) происходитъ отъ итальянскаго слова bagno (франц. bain, испан. baño), которое черезъ средневѣковое латинское bagnum происходитъ отъ латинскаго balneum. Переходъ значенія былъ таковъ: омовеніе—округлый сосудъ для омовенія—всякая округлая вещь—куполь на церкви. См. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim ułożył Jan Karłowicz. Sesz. I, Krak. 1894, str. 32.

о жилыхъ строеніяхъ и службахъ, расположенныхъ внутри церковной ограды и служившихъ для надобностей епископа и состоявшаго при немъ духовенства.

9) *Врачеве и болници, всѣмъ приходящимъ безмздно врачеваніе, также и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои, и по инымъ своимъ градомъ митрополскимъ, иже суть и со уѣзды и съ волостями и съ селы.* (Никон.). Очень трудно сказать, насколько достоверно это извѣстіе. Можетъ быть, что Ефремъ и завелъ какія-либо учрежденія филантропическаго характера. Извѣстія Никоновской лѣтописи неоднократно подвергались сомнѣнію. Въ послѣднее время къ нимъ стали относиться довѣрчивѣе *1. Гдѣ находился городъ *Милитинѣ*, неизвѣстно.

Съ самаго своего основанія храмъ св. Михаила сдѣлался какъ-бы семейною святынею Переяславскихъ князей изъ рода Всеволода Ярославовича. Хотя въ 1098 году Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и заложилъ на княжемъ дворѣ особую церковь во имя Пресвятой Богородицы, *2 но очевидно, что эта церковь никогда не имѣла

*1 Изъ новѣйшихъ изслѣдованій о Никоновской лѣтописи академика Шахматова мы знаемъ, что обособленный характеръ Никоновской лѣтописи объясняется тѣмъ, что составитель этой лѣтописи пользовался такими древними источниками, которые до насъ не дошли; что можно и опредѣлить эти источники: главнымъ и основнымъ изъ нихъ быть Софійскій временникъ (лѣтописный сводъ, составленный въ г. Новгородѣ въ серединѣ XIII вѣка), но не сокращенной и измѣненной. а полной и первоначальной редакціи; что путемъ заимствованій изъ Софійскаго временника отразились въ Никоновской лѣтописи въ предѣлахъ до середины XIII вѣка между прочимъ слѣдующіе первоисточники: 1) Новгородская 1-я лѣтопись (начальный сводъ), 2) Суздальская лѣтопись въ Суздальскомъ сводѣ XIII вѣка, 3) Южно-русская лѣтопись, вошедшая вмѣстѣ съ Суздальскою въ составъ Суздальскаго свода XIII вѣка. (Ж. М. Н. Пр. 1897, октябрь, статья акад. Шахматова: Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, стр. 219, 253, 257, 259.).

*2 См выше стр. 16, прим.

въ глазахъ князей, его потомковъ, того значенія, какое они придавали храму св. Михаила. Сыновья Владимира Мономаха Святославъ, Ярополкъ, Андрей и Юрій Владимировичи, внуки его Ростиславъ, Андрей и Глѣбъ Юрьевичи, правнуки Владимиръ Глѣбовичъ, Ярославъ Мстиславовичъ, Ярославъ, Владимиръ и Святославъ Всеволодовичи и праправнукъ Всеволодъ Константиновичъ у святого Михаила молились о своихъ нуждахъ и печаляхъ и тамъ находили мѣсто послѣдняго успокоенія, если имъ приходилось умирать въ Переяславѣ. Лѣтописи отмѣчаютъ, что именно въ храмѣ св. Михаила были погребены въ 1114 г. Святославъ Владимировичъ, въ 1141 г. Андрей Владимировичъ, въ 1150 г. (Лавр. 1151) Ростиславъ Юрьевичъ и въ 1187 г. (Лавр. 1188) Владимиръ Глѣбовичъ. *¹ При храмѣ св. Михаила проживали слѣдовавшіе за Ефремомъ переяславскіе епископы. М. А. Максимовичъ и Е. Е. Голубинскій *² устанавливаютъ порядокъ ихъ въ такомъ видѣ: Симеонъ, Лазарь (1105—1117), Сильвестръ (1118—1123), Іоаннъ, Маркъ или Маркелъ (1126—1134), Макарій (1134—1141), Евѳимій (съ 1141), Василій (1156), Антоній (съ 1168), Павелъ (съ 1198), Симеонъ († 1137). Вѣроятно, епископы въ случаѣ смерти также, какъ и князья, погребались въ храмѣ св. Михаила, хотя лѣтописи не даютъ насчетъ этого прямыхъ указаній.

*¹ Лавр. стр. 293, 313; Ипат. стр. 199, 221, 290, 439; Никон. стр. 143, 166, 186.

*² См. ст. Максимовича: „О древней епархіи Переяславской“ въ Собр. соч. 1876, т. I, стр. 111—116; Голубинскаго, Ист. Рус. Церкви, 1880, т. I, 1-я половина, стр. 564—567.

Въ эпоху своего процвѣтанія храмъ св. Михаила дважды страдалъ отъ землетрясенія. Лѣтописп повѣствуютъ объ этомъ такъ: I] Лавр. 1123: „В то-же лѣто падеся церкы каменная Переяславли святаго Михаила... въ 10 день мая мѣсяца, въ субботу предъ вечернею.“ (Стр. 278). Ипат. 1124: „Земля потрясся мало, и падеся церкви великия святаго Мпхаила у Переяславли, мая въ десятый.“ (Стр. 207). Никон. 1123: „Того-же лѣта падеся церкви каменаа въ Переяславли святаго Мпхаила, въ 10 день мѣсяца мая, въ субботу, предъ вечернею.“ (Стр. 152). II] Лавр. 1230: „Такоже и в Переяславли Рускомъ церкві святаго Михаила каменная рассѣдся на двое, и паде переводъ с кровлею трехъ комаръ, и потроша иконы и паникадила свѣчмі и свѣтилна. Тоже все бысть по всеі земли одного дні, одного часа, въ годъ святыхъ литургия, мѣсяца мая в 3 день, в пятокъ 4 недѣли по Пасцѣ; тако слышахомъ у самовидецъ, бывшихъ тамо в то время. (Стр. 432. Ср. Никон. лѣт. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. X, 1885, стр. 100; текстъ одной изъ редакцій Никоновской лѣт. [въ спискѣ Толст. VII] почти тождественъ съ текстомъ Лавр. лѣт.; въ другихъ редакціяхъ сильно сокращенъ).

Причиненныя землетрясеніями поврежденія скоро исправлялись по усердію князей и владыкъ.

Но вотъ приближалось великое бѣдствіе, отъ котораго не суждено было оправиться старинной Переяславской святыни: въ 1237 году нагрянули на южную Русь полчища Батыя. Ипатская лѣтопись такимъ образомъ рисуеъ гибель Переяслава подъ ударами татаръ: „Батый началъ посылать свои пол-

чища на русскіе города; взяли они приступомъ городъ Переяславъ, избили всѣхъ, церковь архангела Михаила разрушили, безчисленные церковные сосуды, золотые и украшенные драгоценными камнями, заграбили, епископа, преподобнаго Симеона, убили“ (Ипат. стр. 520).

Если запустѣніе вообще южной Руси вслѣдъ за нашествіемъ Батыя и позднѣе является послѣ изслѣдованій М. А. Максимова *¹ и В. Б. Антоновича *² скорѣе вымысломъ лѣтописцевъ и историковъ, чѣмъ фактомъ дѣйствительности, то запустѣніе собственно Переяслава и Переяславскаго повѣта должно признать несомнѣннымъ и окончательнымъ. Самъ проф. Антоновичъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „Еще въ концѣ XV столѣтія, послѣ окончательнаго опустошенія южной части кievскаго княженія Менгли-Гиреемъ въ 1482 г., переяславскій повѣтъ представлялъ одну изъ областей болѣе всего пострадавшихъ отъ татарскаго погрома; повѣтовый городъ и его замокъ были разрушены татарами; народонаселеніе или уведено въ рабство, или бѣжало въ сѣверную часть Кіевщины; на протяженіи всего повѣта оставались только рѣдкіе хутора и пасѣки, селъ не было вовсе.“ *³.

Церковь св. Михаила такимъ образомъ лежала въ развалинахъ вплоть до половины XVII вѣка. Между 1649 и 1666 гг. вновь построилъ Михайловскую церковь на старыхъ развалинахъ полковникъ Переяславскій (до 1653 г.), а затѣмъ судья гене-

*¹ Собр. соч., т. I, стр. 131—145.

*² Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Томъ I, 1885 г.; стр. 221—264.

*³ Монографіи, т. I, стр. 206.

ральный Оедоръ Лобода *¹. Вѣроятно, къ 1711 году эта церковь обветшала и вотъ въ этомъ году Переяславскій епископъ Захарій Корниловичъ *², коадьюторъ кievской митрополіи, приступилъ къ новой реставраціи древней Переяславской святыни. При церкви Захарій Корниловичъ рѣшилъ основать и монастырь. Прошло два года, монастырь былъ устроенъ и въ 1713 году въ него перенесены были изъ Переяславской Воскресенской церкви мощи св. Макарія Токаревскаго, архимандрита овручскаго, а потомъ каневскаго, которыя и были поставлены въ деревянной трапезной Благовѣщенской церкви. Между тѣмъ на монастырскомъ дворѣ воздвигалась новая каменная церковь во имя архангела Михаила. Дѣло шло медленно и эта церковь была окончательно достроена только въ 1749 году. Въ 1750 году указомъ Святѣйшаго Синода преосвященному Никодиму повелѣно было перенести мощи св. Макарія изъ Благовѣщенской трапезной церкви во вновь устроенную Михайловскую. Когда въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ при введеніи штатовъ, то мощи св. Макарія были перенесены въ переяславскій Вознесенскій монастырь („Мазепинъ соборъ“), гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ. Кромѣ церквей трапезной (Благовѣщенской) и соборной (Михайловской), монастырь успѣлъ построить у себя на погостѣ каменную колокольню въ связи съ двухэтажнымъ каменнымъ домомъ для братіи, въ которомъ основана была и третья еще въ монастырѣ,

*¹ Максимовичъ, Собр. соч. т. I, стр. 710.

*² Преосв. Захарій Корниловичъ былъ, кажется, уроженцемъ с. Панфиля Переяславскаго уѣзда и носилъ въ мiрѣ фамилію: *Покалевскій*. См. Мотыжинскій Архивъ, 1890, стр. 140, прим.

домовая церковь во имя св. Макарія, упраздненная одновременно съ монастыремъ *1.

Въ лучшее время Михайловскаго монастыря братія его была довольно многочисленна. Въ 1722 году она состояла изъ слѣдующихъ 19-ти лицъ: 1) игумемъ Аполлоній; 2) намѣстникъ Манассія; 3) казначей Теофилъ; 4) уставщикъ Іерофей; 5) Паисій Дашковичъ, козакъ г. Лубенъ, псаломщикъ (перешелъ изъ нѣжинскаго монастыря); 6) Іоаннъ Юхневичъ, купецъ изъ г. Зенькова, клирошанинъ; 7) Афанасій Калѣховичъ, купецъ изъ г. Люблина, псаломщикъ; 8) Іоаннъ Величко, козакъ изъ м. Бѣлой Церкви, клирошанинъ; 9) Зосима Рыбаковъ, мѣщанинъ изъ с. Колковичей, палатный; 10) Авксентій Пухтевичъ, мѣщанинъ изъ г. Тисминці (?), послушникъ; 11) Гермогенъ Головань, козакъ изъ г. Богодухова, клирошанинъ (перешелъ изъ ахтырскаго монастыря); 12) Савва Борисовъ, мѣщанинъ г. Переяслава, еkkлeсiархъ; 13) Рафаилъ Романовъ, купецъ изъ г. Козельца, уставщикъ; 14) Іосифъ Богдановъ, козакъ г. Переяслава, эконо́мъ; 15) Вавила Булавскій, мѣщанинъ г. Владимира, клирошанинъ (перешелъ изъ полтавскаго монастыря); 17) Герасимъ Романовъ, мѣщанинъ изъ г. Минска, палатный (перешелъ изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря); 18) Мисаилъ Блажевскій, мѣщанинъ изъ г. Козельца, клирошанинъ; 19) Исаія Ложка (?), посполитый изъ с. Войтовецъ, поваръ.

За время своего непродолжительнаго существованія (1711—1786 гг.) Переяславскій Михайловскій монастырь успѣлъ пріобрѣсти довольно значитель-

*1 Свѣдѣнія заимствованы изъ рукописныхъ дѣлъ Михайловской церкви.

ныя недвижимыя владѣнія въ видѣ степковъ, нивъ, сѣножатей, гаевъ, млиновъ, а также пляцовъ и грунтовъ съ строеніями и живущими на нихъ посполными людьми, обязанными „чинить послушенство“ монастырю. Владѣнія монастыря находились въ сс. Помокляхъ, Выползкахъ, Цыбляхъ, Городищѣ, Ташани и Пристромахъ переяславскаго уѣзда и въ сс. Нечипоровкѣ, Журавкѣ, Годуновкѣ и Лозовомъ Яру пирятинскаго уѣзда. Имѣніе при с. Жоравкѣ составляло „фундушъ“ монастырю отъ основателя его Захарія Корниловича, опредѣленный актомъ отъ 28 ноября 1714 года. Остальныя имѣнія достались во владѣніе монастыря частью въ видѣ приношеній отъ разныхъ благочестивыхъ лицъ, частью путемъ покупки ихъ на средства монастыря, частью простымъ захватомъ вольныхъ степей. *1

Въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ и всѣ имущества его поступили въ каз-

*1 За сообщеніе нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ для исторіи Михайловскаго монастыря приношу искреннюю благодарность П. А. Левицкому (нынѣ преосвящ. Паренію, епископу можайскому). Любопытное свидѣтельство о монастырскомъ хозяйствѣ въ нынѣшнемъ Пирятинскомъ уѣздѣ находимъ въ слѣдствіи 1740 года (Мотыжин. Арх. стр. 40—46). Старожилый козакъ села Лѣсняковъ Семенъ Лебедь показывалъ: „....Удовствующая судина Папкевичка.... якъ помпрала, то толко еденъ оной хуторецъ Годоновку на монастырь Переяславскій отказала;.... въ томъ футорци осывши чернци Гриневичевымъ селищемъ и дубровою завладѣли.... отъ тѣхъ временъ оніе чернци годъ по году, часъ отъ часу умножаючись и роживаючись, построили себѣ и другой футоръ. прозванный Лозовій Яръ, да накликали жъ себѣ Михайловскіе Переяславскіе чернци и слободу, прозываемую Журавку, людей на колконадцять дворовъ; и умножили въ тѣхъ футорахъ и въ слободѣ людей такъ, что въ Годоновскомъ, а потомъ въ Лозовояровскомъ хуторахъ и церкви построили;.... степь отъ вѣку волной всѣмъ футорамъ косить и орать билъ свободный, начали чернци годъ отъ году, часъ отъ часу всѣмъ футорамъ орать и косить—запрещать и недопускать и боронить; но сами собою ись своими людьми по подѣ протчимъ въ самой близости футорами пришедъ, скотомъ землю орутъ и сѣно косятъ и, до своихъ футоровъ далними проорами своими степъ забирая, напрасно и неналежно граничатъ“.

ну. Въ замѣнѣ ихъ Михайловская церковь, по распоряженію кievской казенной палаты 1795 года, получила отъ казны ругу вблизи г. Переяслава въ количествѣ 33 десятинъ. Домъ при колокольнѣ сталъ служить для разныхъ казенныхъ потребностей и одно время въ немъ помѣщалось Переяславское уѣздное казначейство. Церкви Благовѣщенская и Макарьевская были вовсе упразднены, а Михайловская обращена въ приходскую съ наименованіемъ „Городскимъ соборомъ“. Въ 1815 г. по дозволенію преосвященнаго Анатолія стѣны ея и потолокъ были расписаны иконами, а въ 1823 г. съ дозволенія преосвященнаго Меодія обветшавшій деревянный куполъ замѣненъ новымъ. Въ такомъ видѣ церковь существуетъ по настоящее время. Съ 1864 года отъ нея перешелъ къ Успенской церкви и титулъ „Городского собора“ *1.

По нынѣшней терминологіи переяславскихъ жителей Михайловская церковь находится въ „крѣпости“, такъ какъ она стоитъ внутри крѣпостнаго вала, насыпаннаго козаками и плѣнными шведами въ 1709 году. Теперь времена измѣнились: ничего напоминающаго о войнѣ не найдется въ нынѣшнемъ Переяславѣ; по крѣпостнымъ валамъ мирно блуждаютъ жидовскія козы; и только обломокъ пушки, валяющійся на „цвинтари“ Михайловской церкви, напоминаетъ посѣтителю о давно минувшихъ грозныхъ временахъ.

Въ Музеѣ Университета св. Владимира въ г. Кіевѣ сохраняются древности, найденныя въ землѣ

*1 См. указъ Святѣйшаго Синода отъ 2 ноября 1864 г.

вблизи Михайловской церкви: куски шиферной плиты съ узоромъ; обломки древнихъ кафель; куски мозаики; плитка бѣлаго мрамора; часть мѣднаго креста; куски цвѣтныхъ стеклянныхъ браслетовъ; желѣзный наконечникъ копья; три такія же стрѣлы разныхъ типовъ; большая остродонная амфора; кусокъ желѣзной пилы; три старинные кирпича.

Послѣ упраздненія Михайловскаго монастыря при соборной Михайловской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Ѳеодоръ Вельготскій, 2) Артемій Ивановъ, 3) Александръ Лавренко, 4) Яковъ Насвѣтовъ, 5) Григорій Стефановскій, 6) Ѳеодоръ Максимовичъ Дзюблевскій (1810—1830 гг.), 7) Михаилъ Фесенко (1830—1835 гг.), 8) Самсонъ Горуновичъ (1836—1848 гг.), 9) Павелъ Діомидовъ (1848—1864 гг.), 10) Николай Клепачевскій (1864 г.), 11) Ѳеодоръ Акимовичъ (1864—1866 гг.), 12) Даниилъ Навроцкій (1866—1888 гг.). Въ настоящее время настоятелемъ церкви состоитъ о. Макарій Соховичъ.

Въ церковной библіотекѣ нѣтъ ничего интереснаго; въ церковномъ архивѣ метрическія книги и исповѣдныя росписи сохранились съ 1810 года. Говорятъ, что недавно еще въ церковномъ архивѣ хранились любопытные старинные синодики, но они взяты извѣстнымъ безцеремоннымъ собирателемъ старины г. Кибальчицемъ.

Исторія Переяславской Покровской церкви не менѣе интересна, чѣмъ исторія церкви Михайловской.

До 1704 года существовала въ г. Переяславѣ старая церковь во имя Покрова Божіей Матери, ко-

торая къ этому времени, очевидно, обветшала и требовала перестройки. Когда и къмъ основана была эта старая Покровская церковь, мы не знаемъ. Посвященіе ся празднику св. Покрова какъ будто указываетъ на связь ея съ Запорожьемъ, гдѣ особенно почитался этотъ праздникъ, и можно указать много Покровскихъ церквей въ Малороссіи, основанныхъ бывшими запорожцами. Можетъ быть, какой-нибудь запорожець былъ „фундаторомъ“ и старой Переяславской Покровской церкви.

О постройкѣ новой Покровской церкви мы имѣемъ извѣстія хранящейся при церкви рукописной церковной лѣтописи. Болѣе любопытныя мѣста ея мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ.

1) „Року тысяча сѣмъ сотъ четвертого, мѣсяця февруарія 12 дня. По расказаню славетне урожоного его милости пана Іоана Миропчя, полковника войска его царскаго пресвѣтлого Величества запорожского переяславского, изволеніемъ Божиимъ новоизбраннаго патрона и фундатора церкви Божественной, храму Честнаго Покрова Пресвятой Богородицы Переяславской, якая въ року теперешнемъ тысяча семь сотъ четвертомъ коштомъ и сумою его милости пана полковника мѣється почати муровати, на розсмотреніе порядковъ церковныхъ за ктиторства Антона Котляра и измершого недавно товариша его Грицка Пушкара, которіе черезъ пять лѣтъ ктиторovali, оразъ и на порахунокъ реестровъ ихъ паторочныхъ, поневажъ рахуби нечинювали, первымъ разомъ его милость панъ Леонтій Палкевичъ, судія полковый переяславскій, и панъ Димитрій Сивѣдкій, войтъ переяславскій, въ

дому церковномъ з парафѣянами засѣдали, и того времени для непоряднихъ реестровъ ктиторскихъ рахуби не укончили, бо Антунъ Котляръ жадныхъ прибильныхъ реестровъ, а нѣ куплѣ меду канунного не мѣлъ. Повторе и трете на ратуши засѣдали раховати его милость панъ Леонтій Потаповичъ, обозный полковый, его милость панъ Леонтій Папкевичъ, судія полковый, панъ Петро Максимовичъ, товаришъ значній войсковый, панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, съ урядовыми своими и довелось на немъ долгу отъ товариша своего церковнихъ грошей позиченнимъ способомъ взятихъ тридцять копъ, якій долгъ и самъ Антунъ призналъ. А особливе з реестровъ канунныхъ на немъ же Антону довелось долгу копъ 18, до которого долгу не признавался. Прето наказано ему было тѣ осмнадцать копъ отприсягнуть, яко не пожитковалъ ними и не знаетъ о нихъ, на що южъ Антунъ изволился былъ. Потомъ уважилъ судъ обополный осмъ копъ опустити ему, не трусючи его сумленьемъ, а десять копъ до позиченихъ тридцати копъ на выполненіе ста золотихъ казали положить, на що доброволне Антунъ позволившиися, далъ на себе священнику Покрувскому отцу Васелію Ржепѣцкому и ктиторамъ новообранимъ Михайлу Камѣннику и Ивану Семивовку урядовій облѣкъ, ассекуруючи ся безъ жадной спереки, змаги и отмови въ семъ же року тысяча сѣмъ сотъ четвертомъ о десятусѣ пятьдесятъ золотихъ отдати, а другіе пятьдесятъ золотихъ о Покровѣ святой. А особливе здалъ долгу прибили канунной у Левка и Карпа канунниковъ золотихъ вусмѣдесятъ без полталяра,

у Юрчихи за медъ золотихъ сѣмъ, у Снѣжового золотихъ десять, у Семена Мокійченка золотихъ пять, готовими грошми полсеманадцять золотого, червонныхъ давнихъ три, сигнѣтъ щирозлотнѣй, которому цѣна талирей два; якіе долги церковніе отъ Антуна принявши поданые суть новимъ ктиторами Михайлу Каменнику и Ивану Семивовку, которіе повинни будутъ тые долги посправляти и за тѣ гроши прибилъ церкви Божой чинити. Що про память въ потомные часы и записати велѣлисмо“.

2) „За вѣдомомъ ея милости пани Миновичей Пелагій Голубовны, полковниковой переяславской, фундаторки Покрова Пресвятой Богородицы, по принесеніи образовъ и всякихъ вещей и украшеній церковныхъ *зъ церкви старой въ новую* въ року 1709 мѣсяця септеврѣя 30 передъ праздникомъ Покрова Пресвятой Богородицы, якъ мали церковь посвящовати, у первое рассмотрѣли и зличовали оныя ктитори и парафѣяне покровскіе много чого есть въ року теперешнемъ 1711 мѣсяця марта 1 дня“.

Изъ этихъ двухъ записей ясно, что теперешняя каменная Покровская церковь въ г. Переяславѣ выстроена въ промежутокъ времени съ 1704 по 1709 годъ на средства переяславскаго полковника Ивана Ивановича Мировича и жены его Пелагій Захарьевны Мировичевой изъ дома Голубовъ. Пока Мировичъ былъ дома, онъ самъ наблюдалъ за постройкой церкви, но когда въ 1706 г. обстоятельства великой сѣверной войны увлекли его изъ родного Переяслава сначала на поля Бѣлоруссіи, а затѣмъ въ Швецію, гдѣ застигла его и смерть, то жена его одна оканчивала начатую постройку и заботилась

о снабженіи вновь выстроенной церкви всѣмъ необходимымъ. Въ описяхъ церковнаго имущества 1711 и 1719 гг. при многихъ вещахъ упомянуто, что онѣ „наданы зъ двору панѣ Мировичовой“.

Такъ какъ вслѣдствіе указа Петра Великаго отъ 8 апрѣля 1712 года на имя гетмана Скоропадскаго вся семья Мировичей за приверженность къ Мазепѣ одного изъ сыновей Ивана Ивановича и Пелагеи Захарьевны Мировичей генеральнаго бунчучнаго Ѳеодора Ивановича Мировича была выслана сначала въ Москву, а затѣмъ въ Тобольскъ, откуда Пелагія Захарьевна возвратилась на родину только въ 1745 г. по силѣ всемплотивѣйшаго манифеста императрицы Елисаветы Петровны отъ 15 декабря 1741 года *1, то заботы о созданной родителями церкви приняла на себя въ это время ихъ дочь Ѳеодора Ивановна, вышедшая замужъ за генеральнаго бунчучнаго Якова Лизогуба. Подъ 1726 годомъ въ церковной лѣтописи, между прочимъ, записано: „1726 года октоврія 9 ей милость панѣ Ѳеодора Мировичовна бунчучна енеральная Іаковина Лизогубиная надала до церкви нашей Покрова Пресвятыя Богородицы Переяславской аперата червоніе аксамитніе зъ зеленою злотоглавною камією и епитрахель аксамѣтни, воздухъ зеленій злотоглавний великій еденъ“.

Кромѣ самой Ѳеодоры Ивановны, нужды Покровской церкви близко принимали къ сердцу мужъ ея Яковъ и сынъ ея Григорій Яковлевичъ Лизогубы.

*1 Подробности о ссылкѣ Мировичей см. у Костомарова. Мазепа и Мазепинцы. Изд. 2-е 1885 г., стр. 647, 649—51 и особенно 689—700.

Послѣ 1739 г. въ лѣтописи записано слѣдующее: „По представленію отъ настоятеля церкви Покровской переяславской Александра Бахчевскаго и отъ прихожанъ той церкви къ господину обозному генеральному Якову Лизогубу въ Сѣднєвъ, что церковный приходный бабинецъ развалился изъ верху до низу и обѣ въ немъ склепенія обвалилися, да и приходный церкви придѣлъ началъ колотися и цегла падати съ правой стороны отъ окна, онъ господинъ обозный по свойству, что тестъ его панъ полковникъ бывшій переяславскій покойный Иванъ Миновичъ церковь коштомъ своимъ сооружилъ, на прошеніе священника и прихожанъ склонясь, для подчинки церковной приславъ сто рублей, которіе деньги по смерти настоятеля Александра Бахчевскаго порученни въ содержаніе тогдашнему ктитору Тихонию Крамару. А понеже безъ настоятеля подчинять церкви не начинано, то когда онъ господинъ обозный Яковъ Лизогубъ по указу всѣ малороссійскіи полки осматривалъ и тогда, будучи самъ въ Переяславлѣ, усмотрелъ персонально не малую порчъ и обветшалость церковную, 1741 года подрядилъ майстра муровщика Мойсея Кондратовича, тогда въ Переяславлѣ живучого, подчинить прописанную оную порчъ церковную бабинецъ и придѣлъ и всю церковь изъ середины выбѣлить по уговору за сорокъ рублей, и особливо харчъ, на что ему муровщику отъ себе за подписомъ своей руки и при печати далъ контрактъ и приказалъ ктитору Тихонию, приспособившись, на другой годъ начати подчинять церковь и тѣ сто рублей прежде присланные употребить на церковную подчинку, обѣщаясь и напред-

ки чинить вспомошествованіе. Яко онъ господинъ обозній Лизогубъ по смерти въ плѣнѣ тестя своего полковника Мировича *¹ и иконостасъ новій въ церковь Покровскую спорядилъ коштомъ своимъ и отъ дому своего зп Седнева байдакомъ до Переяслава припроводилъ. А книгу отъ его господина обознаго данную, на что тѣ деньги сто рублей 1742 года при подчинкѣ церковной издержани, онъ ктиторъ Тихоній по приказу его обознаго для показанія и для щоту самъ отвезъ въ Сѣднєвъ.“

Запись 1743 г. гласить: „Когда былъ зимою въ Переяславлѣ господина обознаго енерального Якова Лизогуба сынъ Григорій и осмотрѣлъ церковную подчинку, а чего еще недокончено и надобно было подчинять, тогда другое сто рублей егожъ господина обознаго денегъ на церковное строеніе далъ и емужъ ктитору Тихонію Крамару вручилъ, которіе сто рублей по смерти уже ктитора Тихонія (ибо онъ умеръ 1743 года іюля 1 числа) издержани“.

*¹ Переяславскій полковникъ Иванъ Ивановичъ Мировичъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами въ 1706 г. въ м. Ляховичахъ въ Бѣлоруссіи (теперь случкаго уѣзда мінской губерніи) и отправленъ вмѣстѣ съ другими военнопленными сначала въ Штеттинъ, а затѣмъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ и умеръ. См. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, 2-е изд. 1885, стр. 290—91. Въ древнемъ поминникѣ Кіево-печерской Лавры находимъ слѣдующую запись:

„Родъ его милости пана Іоанна Мировича, полковника Переяславскаго, взятого въ неволю Шведскую на службѣ его царского пресвѣтлого величества, въ тотъ часъ будучого въ союзѣ съ королевскимъ величествомъ, на поролъ короли Шведскаго въ осаду Ляховицкой, въ панствѣ корони Польской, року 1706, мѣсяца мая 1 дня. Которій, запроваженный за море до мѣста Тоттенбурку зо всѣмъ полкомъ и тамъ въ великой нуждѣ многіе скорби терпячи, скончался въ день свягяга великомученицы Варвары и похороненъ есть тамъ же подъ зборищемъ лютерскимъ отъ своихъ полчанъ съплениковъ“. См. Прилож. къ кн. VI Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., предисловіе С. Т. Голубева, стр. VI—VII.

Кромѣ Лизогубовъ, которые поддерживали Покровскую церковь по родству съ фундаторами ея Миновичами, еще очень многіе благочестивые люди находили удовлетвореніе своему религіозному чувству, дѣлая всевозможныя приношенія въ Покровскую церковь. Въ ея лѣтописи мы находимъ длинные списки церковныхъ вещей, какъ то: кіотовъ, иконъ и шатъ на нихъ съ разными привѣсками, коронками, табличками, ожерельями, монистами, ягнусками и ланцужками; оправъ на книги, ризъ, покрововъ, воздуховъ, поясовъ, хустокъ, стихарей, крестовъ, келиховъ, килимовъ, лихтарей, кадильницъ и пр., пожертвованныхъ въ церковь въ разное время разными лицами. Многія изъ этихъ вещей сохранились до настоящаго времени, но онѣ ни по рисункамъ, ни по отдѣлкѣ не представляютъ особаго интереса для церковной археологіи.

Единственное исключеніе представляла престольная икона Покрова Пр. Богородицы. Изъ описи церковнаго имущества 1711 года видно, что въ то время она находилась уже въ церкви. Объ этой иконѣ писалъ ненаучный, но извѣстный въ 40-хъ годахъ авторъ „Быта русскаго народа“ А. В. Терещенко. Замѣтка его объ иконѣ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1865 годъ на стр. 318—322. Заимствуемъ изъ нея описаніе иконы. „Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Миновичъ въ то же время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ, и на немъ представлены, по его желанію, государь Петръ I и государыня Екатерина I въ царской одеждѣ. Государь со скипетромъ и держа-

вою; подлѣ—гетманъ Мазепа въ своей гетманской одеждѣ; близъ государыни—придворныя дамы въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора славный Теофанъ Прокоповичъ въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него—священство. Надъ всѣми ими на облакахъ Покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ. Образъ Покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и художественною кистью; государь и государыня довольно похожи (сравнительно, конечно, съ признаваемыми наиболѣе близкими къ натурѣ экземплярами ихъ иконографіи), только государь сдѣланъ молодежавымъ; Мазепа и Теофанъ Прокоповичъ болѣе всего похожи. Другія osoby, какъ то: дамы, козаки и духовенство, неизвѣстны, кто они именно. Строитель храма также нарисованъ здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, который стоитъ подлѣ гетмана. Живопись вездѣ прекрасная и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи соблюдена отчетливая отдѣлка въ современныхъ нарядахъ, въ правильной разстановкѣ всей группы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо^{*1)}.

Т. Г. Шевченко, посѣщая Переяславъ, также обратилъ вниманіе на Покровскую церковь и на икону въ ней, и въ повѣсти „Близнецы“ отмѣтилъ свое впечатлѣніе слѣдующими словами: „Церковь во имя Покрова—неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ переяславскимъ Мировичемъ, другомъ и

*1 См. Рус. Архивъ, 1865 г., стр. 320—21.

соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина, кисть, можно думать, Матвѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ Пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ нихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ¹.

Въ Покровской церкви с. Сулимовки переяславскаго уѣзда находится икона, нѣсколько похожая на икону Переяславской Покровской церкви; хотя вмѣсто Петра и Екатерины нарисованы на правой сторонѣ иконы (отъ зрителя) царь и царица библейскаго облика, но въ заднихъ рядахъ виднѣется нѣсколько козацкихъ фигуръ въ усахъ и оселедцахъ.

Сюжеты этихъ иконъ не могутъ удивлять насъ. Изображеніе не только святыхъ, но и современныхъ лицъ въ церковной живописи было очень распространено въ старой Малороссіи и портреты епископовъ, фундаторовъ храма и другихъ почетныхъ лицъ часто украшали собою церковныя стѣны. Въ той же Переяславской Покровской церкви былъ нарисованъ на стѣнѣ замазанный теперь портретъ преосвященнаго Арсенія Берла.

Съ 1704 г. при Покровской церкви священствова-
вали слѣдующія лица: 1) Василій Ржепѣцкій, 2) Александръ Бахчевскій (†1740г.), 3) Павелъ Скрипчинскій (1741—1772 гг.), 4) Іоаннъ Савинскій (1772—1808 гг.), 5) Василій Павловскій (1809—1826 гг.), 6) Скакуновъ, 7) Снисаровскій, 8) Рекало, 9) Кадьяновъ, 10) Козачковскій, 11) Горуновичъ, 12) Базиліанъ.

¹ Поэмы, повѣсти и рассказы Т. Гр. Шевченка, Кіевъ 1888 г., стр. 152.

левскій, 13) Михайловскій, 14) Романовскій (всѣ эти священники оставались при Покровской церкви короткое время), 15) Даниилъ Бутовскій (1837—1864 гг.), 16) Александръ Денисьевъ (1864—1868 гг.), 17) Іоаннъ Лонгиновъ (1868—1869), 18) Кириллъ Магеровскій (1869—1870), 19) Николай Фесенко (1870—1876). Въ 1876 году церковь Покровская была причислена къ Переяславскому Успенскому собору и въ ней богослуженіе совершали поседмично священники собора, а именно: о. Николай Терлецкій и о. Тимоеей Богацкій. Съ 1898 г. Покровская церковь опять дѣлается самостоятельною приходскою. Съ августа 1898 г. по октябрь 1899 г. священствовалъ при ней о. Михаилъ Пономаренко, а нынѣ священствуетъ о. Захарій Тарасюкъ.

Виѣщній видъ церкви со временъ Мировича измѣнился мало, такъ какъ она не подвергалась капитальнымъ перестройкамъ: передѣлывались только куполы, обвалившіеся послѣ пожара 27 апрѣля 1809 года, да разобрана въ 1837 г. старая каменная колокольня, замѣненная деревянною, пристроенною къ западному притвору церкви. Въ настоящее время деревянная колокольня не существуетъ, а новая каменная выстроена уже отдѣльно отъ церкви и отличается поразительно тяжелой и безвкусной архитектурой. Входы въ тайники, устроенные въ стѣнахъ надъ сѣверными и южными дверьми для спрята церковнаго имущества въ случаѣ нападенія непріятеля, завалены теперь обрушившимися кирпичами и въ нихъ трудно проникнуть.

Въ библіотекѣ и въ архивѣ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ церковной лѣтописи, начатой въ

1704 и прерванной въ 1849 году, и изъ которой взяты приведенныя выше выписки.

Съ Покровской церковью связаны нѣкоторыя преданія, а именно: будто куполы на церкви оттого такъ миниатюрны по сравненію съ ея корпусомъ, что Мазепа запрѣтилъ Мировичу оканчивать церковь по первоначально задуманному плану, боясь, какъ бы она не перещеголяла красотой его Вознесенскаго собора; будто конь Мазепы упалъ передъ Покровской церковью, когда Мазепа уѣзжалъ изъ Переяслава въ послѣдній разъ передъ полтавскою битвою, и это было истолковано народомъ, какъ дурное предзнаменованіе; будто изъ очей чудотворной иконы Божіей Матери капнула слеза, когда Мазепа молился передъ нею, испугавшись случая съ конемъ; но эти преданія относятся къ области поэтическаго народнаго творчества и поэтому разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ нашу задачу.

СТАРЫЕ ВЛАДѢЛЬЦЫ ПЕРЕЯСЛАВСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

(Акты и замѣчанія).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстному историкъ А. М. Лазаревскому удалось пріобрѣсти остатки архива довольно выдающагося польскаго государственнаго дѣятеля первой половины шестисотыхъ годовъ (1604—1646) и колонизатора Сѣверщины, Александра Пясочинскаго, *¹—архива, который, два вѣка спустя, хранился у его потомка Валентина Росцишевскаго въ с. Липовкѣ, кіевскаго уѣзда, и которымъ въ сороковыхъ годахъ пользовались польскіе ученые: Юліанъ Бартошевичъ, Михаилъ Грабовскій, Александръ Пржездѣцкій, а также П. А. Кулишъ *². Нѣкоторые документы изъ архива Пясочинскаго были напечатаны въ Вильнѣ въ 1843—44 г.г. въ изданіи „Źródła do dziejów polskich“ (стр. 25 и слѣд.). Къ А. М. Лазаревскому архивъ этотъ попалъ въ крайне жалкомъ видѣ. Многія кипы бумагъ настолько испорчены сыростью, что не поддаются прочтенію; документы о Сѣверщинѣ совсѣмъ исчез-

*¹ Биографическія свѣдѣнія о Пясочинскомъ см. Źródła do dziejów polskich 1843, т. I, стр. 209—211.

*² См. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, Кіевъ 1888, стр. 3—4.

ли, а уцѣлѣли только документы, относящіеся къ брацлавскимъ владѣніямъ Пясочинскаго, да и тѣ—разрознены и разбиты. Тщательная разборка и сортировка, если онѣ будутъ произведены, покажутъ, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи Брацлавщины. Кромѣ того попадаютъ отдѣльные акты, не имѣющіе связи между собою. Къ числу ихъ относится и актъ, любезно переданный намъ А. М. Лазаревскимъ. Это—выпись изъ книгъ Люблинскаго главнаго суда, въ которыя 20-го мая 1618 г., по желанію кіевскаго земскаго писаря Ѳедора Суцанскаго-Проскуры, занесены были три акта, представленные въ судъ двумя тяжущимися сторонами: паномъ Василюмъ Максимовичемъ Панкевичемъ и паномъ Лаврентіемъ Васильевичемъ Лозкою *1.

Первый изъ записанныхъ документовъ имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ относится къ наиболѣе скудному свѣдѣніямъ въ исторіи южной Руси времени—къ княженію въ Кіевѣ Александра (Олелька) Владимировича изъ рода князей Ольгердовичей (1440—1455), отъ котораго извѣстна была до сихъ поръ одна только грамота, обезпечивающая неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождающая жителей митрополичьихъ имѣній отъ княжескаго суда *2. Онъ представляетъ жалованную грамоту, по которой князь Александръ Владимировичъ отдаетъ огромныя пространства земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра во владѣніе своему боярину *Олехну Сохновичу*. Изъ нея видно, что

*1 Акты эти кратко изложены г. Яблоновскимъ въ книгѣ: *Źródła dziejowe*, t. XXI, 1894, стр. 216—217.

*2 См. Антоновичъ, *Монографіи*, стр. 237.

еще до нашествія Менгли-Гирея въ 1482 году нѣкоторыя мѣстности областей Кіевской и Переяславской были уже пустыни и почти лишены населенія. Въ предѣлахъ нынѣшняго переяславскаго уѣзда перечислены четыре мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Старое, Бусурменское, Ярославское и Сальково) и четыре мѣста бывшихъ не укрѣпленныхъ поселеній (селища: Булатчинъ, Круглое, Сошниково и Процево). Въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи названо два мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Полствинъ и Кузяковъ) и пять мѣстъ бывшихъ поселеній безъ крѣпостной защиты (селища: Бѣлки, Мохначи, Веприки, Острова и Махновщина). Остальныя даримыя урочища названы просто землями: земля Мелеховщина надъ Здвизью и земли Труденевщина и Тригубовщина надъ Тетеревомъ. О существованіи какихъ-либо жителей въ границахъ жалуемыхъ помѣстій нѣтъ и намека; напротивъ, предполагается полное отсутствіе населенія, такъ какъ категорически заявляется, что если бы на которомъ-нибудь „селищѣ“ (мѣстѣ бывшаго поселенія) „осѣли“ люди, то эти „люди“ (крестьяне) безпрекословно обязаны быть „послушны“ Олехну Сохновичу и его наслѣдникамъ, т. е. нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльцевъ земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ. Грамота Олехну Сохновичу относится почти навѣрное къ 1-му феврала 1455 года въ виду слѣдующихъ соображеній: Въ княженіе Александра Владимировича 3-ій индиктъ приходился съ 1 сентября 1439 по 1 сентября 1440 г. и съ 1 сентября

1454 по 1 сентября 1455 г. 1-го февраля 1440 г. Александръ Владимировичъ не могъ выдать жалованной грамоты въ Кіевѣ, такъ какъ онъ явился въ Кіевъ и занялъ Кіевскій столъ послѣ того, какъ освободился изъ заточенія, въ которомъ держалъ его въ теченіе пяти лѣтъ великій князь литовскій Сигизмундъ Кейстutowичъ; а это случилось тогда, когда Сигизмундъ Кейстutowичъ былъ убитъ въ Троцкомъ замкѣ; убійство же совершилось въ Вербное Воскресеніе 20-го марта 1440 г.; слѣдовательно, въ Кіевѣ Александръ Владимировичъ могъ появиться только лѣтомъ этого года. Остается отнести грамоту къ 1-му февраля 1455 г. Такъ какъ мы знаемъ, что въ 1455 г. Александръ передалъ свой столъ сыну Симеону Александровичу, а самъ принялъ иночество въ Печерской Лаврѣ, гдѣ и скончался въ 1484 г.,*¹ то представляется очень правдоподобнымъ, что именно, разставаясь съ міромъ и властью, онъ пожелалъ награждать имѣніями своего стараго боярина, оказавшаго ему, быть можетъ, не одну услугу.

Второй документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе внука Олехна Сохновича—Ивана Юхновича (сынъ Олехна былъ Юхно Олехновичъ), по которому онъ распредѣлялъ все свое движимое и недвижимое имущество между 4-мя дѣтьми, другими близкими лицами и нѣкоторыми кіевскими церквями. Это завѣщаніе съ замѣчательною яркостью рисуетъ намъ кіевского пана конца XV вѣка во всѣхъ подробностяхъ его бытовой обстановки,—нужно добавить—поразительно бѣдной и простой. Та-

*1 См. Максимовичъ, Собраніе сочиненій. Т. II, 1877, стр. 229.

кой бытъ могъ удовлетворять только пограничнаго жителя, постоянно угрожаемаго Ордынскимъ набѣгомъ. Кромѣ того, пзъ него мы узнаемъ имена восьми кievскихъ земянъ (пановъ) того времени [вотъ они: Ивашко Стрыбыль, Антонъ и Ивашко Ельцовичи, Игнатъ Дедовичъ, Семенъ и Антонъ Путятичи, Андрей Ласко и Михаилъ Половецъ], игумена Михайловскаго монастыря [о. Игнатій], священника Спасской церкви [о. Макарій] и двухъ дьяковъ [спасскій дьякъ Гришко и софійскій дьякъ Гаврпло, который и писалъ завѣщаніе], также перечень четырехъ храмовъ, уцѣлѣвшихъ въ Кіевѣ въ эпоху наибольшаго его упадка [Святая Софія=Софійскій соборъ, святая Богородица=церковь Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ, святой Микола=Пустынниколоаевскій монастырь, святой Спасъ=церковь Спаса на Кудрявцѣ] *1.

По нѣкоторымъ соображеніямъ мы относимъ завѣщаніе Ивана Юхновича къ году съ 1-го сентября 1482 по 1-е сентября 1483 г., на который упадетъ 1-й индиктъ. *2

*1 Вѣроятно, къ упоминаемой здѣсь Спасской церкви относятся слѣдующія слова люстраціи Кіевского воеводства 1616 г.: „Na słob. sofijskiej metropoliej była cerkiew muirowana metropolia s. Spasa, która się obaliła od trzydziestu kilku lat, na którym gruncie Spaskim jest poddany Hryszko, jmcі o. metropolitowi należący, p. Podwojewodzy nie puścił go teraz do słobody, jako słobodę podawano, i sam na się bierze od tego poddanego czynsz i inne podatki.“ Źródła dziejowe, t. XX. 1894, Отд. 2-ой, стр. 50.

*2 Если-бы мы знали, когда умеръ панъ Михаилъ Половецъ [...которые (имѣнія) *теперъ* в заставе у Михайла Половца...], то дата документа опредѣлялась-бы точнѣе; къ сожалѣнію, годъ смерти Половца намъ неизвѣстенъ.

О Васкѣ Ивановичѣ сказано: „...Который *теперъ* седить увъ Орде“.... Кажется правдоподобнымъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1482-мъ году, когда грозный Менгли-Гирей „Кіевъ взя и огнемъ сожже“. Допуская это, мы можемъ съ вѣроятіемъ отнести документъ къ 1482—83 году.

Третій документъ—это раздѣльный листъ между двумя дочерями предыдущаго завѣщателя, Маріей Ивановной Лозкиной и Ириной Ивановной Сущанской-Проскуриной, получившими отцовское наследство въ полномъ составѣ—вѣроятно, вслѣдствіе бездѣтной смерти на полѣ брани или въ Ордѣ обоихъ братьевъ Ѳедора (Федка) и Василя (Васка) Ивановичей, внуковъ Юхна и правнуковъ Олехна Сохновича. Этотъ раздѣлъ относится приблизительно къ 4 іюля 1494 года (двѣнадцатаго индикта)*¹ и интересенъ, какъ доказательство, что и въ это время владѣнія потомковъ Олехна Сохновича оставались еще незаселенными. Не зависимо отъ этого въ раздѣльномъ листѣ мы находимъ имена трехъ кievскихъ землянъ (пановъ) [Юрій Скобейковичъ, Петръ Еловичъ и Юрій Богдановичъ] и Михайловскаго игумена [о. Кириллъ].

Составленный г. Ярмаховичемъ списокъ Михайловскихъ игуменовъ, напечатанный въ „Описаніи Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря“, пополняется, благодаря нашимъ актамъ, двумя именами: о. Игнатія и о. Кирилла.

Въ архивѣ Пясочинскаго сохранилась еще старинная копія печатаемой выписи польскими буквами, что дало намъ возможность провѣрить мѣстами плохо читаемый текстъ выписи сличеніемъ его съ польскою копіею.

*¹ Хронологія двухъ послѣднихъ документовъ (завѣщанія и раздѣльнаго листа) установлена нами довольно произвольно. Если мы отнесли оба документа къ XV-му вѣку, то только потому, что переходъ имѣній Олехна Сохновича по браку въ родъ Лозокъ состоялся, какъ видно, еще въ XV вѣкѣ: по крайней мѣрѣ, съ самаго начала XVI вѣка мы застаемъ владѣльцами ихъ уже представителей рода Лозокъ.

Выпись съ книгъ головныхъ трибуналскихъ воеводства киевскаго.

Року Божого нароженя тисеча шестсотъ осмъ-надцатого м-ца мая второго дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу любельского, на рокъ теперешний вышей менованый зо всихъ воеводствъ короны полское обраными и высажонымп, при оправованю sprawy межи урожонымъ п-номъ Василемъ Максимовичомъ Панкевичомъ поводомъ, а урожонымъ его мл. п-номъ Лавриномъ Лозкою, подчасимъ земли киевское, позванымъ, о маетность въ земли Киевской лежащую Трудневсчину *¹, прозываемые Феневичи, въ которой, кгда стороны обеде титуломъ своихъ маетности тые и другие данины продкомъ своимъ и документа у суду показали, его мл. п-нъ Ѳедоръ Сусчанскій-Проскура, писаръ земскій киевскій, у суду будучи, бачылъ то, ижъ въ тыхъ документахъ маетности его дедичные *², а которые теперь самъ из братомъ своимъ трываетъ *³, и другие ему по продкахъ его мл. належащие,—суть означоны. Для того жадалъ, абы тые вси данины и документа, яко ему и маетности его належащие, были до книгъ отъ стороны до актывкованя отданы, за чимъ и мы, судъ головний трибуналскій, припатривъшись *⁴ тому добре, видѣчи речъ слушную, тые таковыя данины и документа сторонамъ помененымъ

*¹ Г. Похилевичъ по имѣвшимся у него даннымъ приурочиваетъ землю трудневскую къ нынѣшнему мѣстечку *Яванкову* въ радомысльскомъ уѣздѣ кievской губ., основанному на этой землѣ около 1589 г. кievскимъ паномъ *Яваномъ* Проскурою, вѣроятно, потомкомъ, прибавимъ мы отъ себя, Оринки Ивановны Проскуринной, которая упоминается въ 3-мъ актѣ. См. Уѣзды Кievскій и Радомысльскій, Кievъ 1887, стр. 243.

*² Наслѣдственные. *³ Держить (во владѣніи своемъ). *⁴ Разсмотрѣвши.

до акътыкованя подать розказалисмо, за котрымъ поданемъ и прынятемъ нашимъ першое данины, по паркгамине написаное, тые суть слова рускимъ писмомъ:

Я Александръ Володымеровичъ, княжа киевское, Олехну Сохновичу далъ есми, боярину моему, городисче Старое надъ Днѣпромъ покалаурово *¹, селище Булатчинъ *², селище Круглое *³, селище Сошниково за Каранью зъ озерцемъ Белимъ *⁴, и къ тому три городисча за Днепромъ: Бусурменское, Ярославское *⁵, Сальково *⁶, зъ озерцемъ Линовымъ *⁷, а селище Процево *⁸; а другое именне *⁹, селище Белки *¹⁰, Мохначъ, селище Веприки, селище Острова надъ Ирпенемъ и Унавою, селище Махновъщина; а землю надъ Здвиджею Мелеховъсчину, а надъ Тетеревью Труденевъсчину и Тригубовъсчину; а на Расаве въ поли два городисча: Полствинъ *¹¹, и Кузяковъ; а къ тому

*¹ Городище Старое—возлѣ нынѣшняго села Стараго Переяславскаго уѣзда. Покалауровымъ оно названо, вѣроятно, потому, что раньше принадлежало какому-то Калауру. Земляные валы городища сохранились и въ настоящее время на взгорьи, поднимающемся отъ зданія Старпнской земской школы.

*² Селище Булатчинъ—вѣроятно, теперешнее с. Ерквцы, расположенное у болотистаго протока *Булатецъ*.

*³ Для опредѣленія топографіи селища Круглаго унасъ нѣтъ данныхъ.

*⁴ Селище Сошниково—нынѣшнее село Сошниковъ Переяславскаго у. Озеро Бѣлое существуетъ и теперь въ видѣ топкаго болота, расположеннаго въ правую сторону отъ дороги изъ Сошникова въ Гусинцы.

*⁵ Гдѣ находились городища Бусурменское и Ярославское, нынѣ неизвѣстно.

*⁶ Городище Сальково—нынѣшнее с. Сальковъ.

*⁷ Озеро Линово и теперь существуетъ вблизи с. Салькова подъ этимъ-же именемъ.

*⁸ Селище Процево—нынѣшнее с. Процевъ Переяславск. у.

*⁹ Это имѣніе цѣликомъ лежитъ въ предѣлахъ нынѣшней Киев. губ.

*¹⁰ См. Похилевичъ, стр. 205.

*¹¹ См. Похилевичъ, стр. 154.

будеть ему вольно на устью Припети два езы *¹, ставити. Того всего онъ и сцадки *² его вечно и непорушно мають уживати. А пакъ ли бы на котормъ селисчу люде осѣли, то и тые люде мають быти послушни его и сцадковъ его, не мовячи. Сю былъ данину далъ и писалъ у Києвѣ февраля первого дня индикта третего (1455). У того листу паркгаминового привесчитая печать одна.

Другий листъ такъ се въ себе маеть:

Я Иванъ, Юхновъ сынъ Олехновича, будучи на постели Божой, пишу сюю духовницу мою своимъ целымъ розумомъ и зуполнымъ умомъ, счо которые именни мои у киевской земли на име: **городисче Старое за Днепромъ и селисче Булатчинъ зъ озеромъ Белимъ за Каранью, за Днепромъ городисча: Бусурманское, Ярѡславское, Сальковское, Линово озеро, Прощево селище, Круглое и Сошниково; а на Здвиждженю Мелеховъщина, а на Тетереви Труденевъщина и Трыгубовъщина, которые теперъ въ заставе у Михаила Половца *³, а городисче на реце Расаве у поли: одно Полствинъ, а другое Кузяковъ, и уходы *⁴ на Ирпени: Белки, Мохначи, Веприки и Махновщина, а на Унаве Острова—тое все сыномъ моимъ Федку а Васку, который теперъ седить увъ Орде, ино сынъ мой Федко маеть его окупить, окупивши, ровно зъ нимъ поделить. А дочки мои, Орынку и**

*¹ Езы—это загражденія для ловли рыбы.

*² Наслѣдники.

*³ Михаилъ Половецъ—это вѣроятно, тотъ неправильно именуемый княземъ Михаилъ Юрьевичъ Половецъ со Сквира Рожинновскій, о которомъ нѣкоторыя свѣдѣнія собраны проф. В. Б. Антоновичемъ и Іосифомъ Вольфомъ. См. Монографіи, стр. 209—210; *Kniaziowie litewsko-ruscy*. W. 1895. Стр. 676—678.

*⁴ Уходы—мѣста охоты и рыбной ловли.

Марію, обыдва сыны мои замужъ выдать и вѣна имъ: по два рубли ѿ по саяну *¹ утерѣиному *² и муслинскому *³, зѣ кшталтиками *⁴ оксамитными *⁵, по два вола и по двѣ коровы—имъ дати мають. А тѣло мое гришное маеть поховати сынъ мой Федко у церкви светое Софеи. А що есть готовыхъ грошей пять копѣ, ино чотыры копы на сорокоустъ и на памяти по души моей, а рубль грошей и конь бурый на церковь светое Софеи, а вороный конь на светую Богородицу, а гнѣдый конь светому Миколѣ, а духовнику моему Спаскому однорядка моя портяновая *⁶, нѣсъ кнафликами *⁷ серебряными, а дяку Гришку жупица *⁸ моя синяя, ложечка моя серебряная на церковь светого Спаса—отказую, а шубка моя медвежая ино слуге моему Федку, а поплечному другу моему пану Ивашку Стрыбылю лукъ мой стрелчий со всѣмъ, а пану Анѣтону Ельцовичу ино сабля моя, а пану Игнату Дедовичу шоломъ мой зо двема знаками, панцырь мой пану Семену Путятичу. А счо ми былъ виненъ Андѣрей Ласко рубль грошей, ино я ему

*¹ *Саянъ*, особаго покроя одежда, заимствованная изъ Италіи. Самое названіе происходитъ отъ латинскаго *sagum* черезъ итальянское *sajone*.

*² *Утерѣиномъ* называлось тонкое сукно. Линде переводить нѣмецкимъ: *feines Tuch*.

*³ *Муслиномъ* называлась тонкая кисейная матерія, заимствованная у арабовъ. Названіе происходитъ отъ имени города Моссуля.

*⁴ *Кшталтикъ*—нѣчто вродѣ нынѣшняго корсета; одежда охватывающая талію и придающая ей стройный видъ. Итальян. *tailleage*, нѣм. *weibermieder*. Вѣроятно *кшталтики* подшивались изнутри къ саянамъ.

*⁵ Бархатными.

*⁶ Портяновая однорядка—вѣроятно, лѣтняя одежда изъ домашняго холста.

*⁷ *Кнафликъ*—пуговица.

*⁸ *Жупица*—одежда вродѣ теперешняго *жилета*. Голембівскій въ книгѣ: „*Ubiory w Polsce*“ переводить: „*kitlik bez rękawów*“.

тое отпускаю. Челядь мою дворную сынъ мой Федко, наделивши усихъ, волно пустить маеть: нехай за мене Бога просятъ. А езовисча мое, што на устьи Припети, въ заставе у чоловека церковного Васка у двохъ копахъ грошей, ино тое сынъ мой Федко окупити маеть. Ино тая духовница моя маеть быти держана мощно и непорочно, да коли бы се хто хотель нарушить, и да буди проклятъ, и да розсудится зо мною передъ милостивымъ Господомъ Богомъ на страшномъ суде. А при писаню сее мое духовницы были ихъ мл. панове киевские: панъ Ивашко Ельцовичъ, а панъ Антъонъ Путятичъ, а панъ Андърей Ласко, а игумень Михайловскій отецъ Игнатій, а попъ Спаскій отецъ Макарій, ино ихъ мл. уси на мое чоломбите печати свое приложили. А писавъ сюю мою духовницу панъ Гаврило, дякъ Софейскій, а писавъ у Києве индикта первого (1483 ?).

А третій листъ въ тые слова писанъ:

А се мы, я Марія Федковая Лозкиная, и я Оринка Сенковая Сусчанская-Проскурина, Иванины Олехновича Юхновича, сестры родныя, поделили есмо се именами своими, которые намъ досталисе по брати нашомъ рожономъ пану Федку и пану Васку. Я, Марія, узяла есми собе имене за Днепромъ городисче Старое и селисче Булатчинъ зъ озерцемъ Белимъ за Караню, надъ Днепромъ городисче Бесурменское, Ярославское, Салковское, Линово озеро и Процево, селисче Круглое и Сошниково, у Здвижени Мелеховсчину, а на Тетереви Труденевсчину и Трыгубовсчину, што было въ заставе у пана Михайла Половъца, а я тое откупила своими грошми. А я, Оринка, узя-

ла есми обѣдѣ городисче на реце Расаве у поли: одно Полствинъ, а другое Козяковъ, уходы на Ирпенн: Белки, Мохначи, Веприки, и Махновъщина, а на Унаве—Острова, што усе было въ заставе у пана Михайла Половѣца, а сестра моя пани Марія своими грошми выкупила и противъ того собе болшую часть узела. А маемъ мы сами и дѣти наши подле сего делу нашего тые имення вѣчне держати и одна другой перешкоды и упоминаня жадного не чинити подъ зарукою на Господаря *1 его мл. двадцатма копами грошей. А при томъ были панове киевѣские: панъ Юрей Скобейковичъ *2, панъ Петръ Еловичъ и панъ Юрей Богдановичъ, а игуменъ Михайловскій отецъ Кирилъ, а писанъ у Києве июля четвертого дня индикта дванадцатого (1494?) У того делчого листу печате притиснены чотыры.

Которые жъ то выше менованные листы вси, яко одно се въ собе мають, за росказанемъ суду нинешнего до книгъ суть уписаны, съ которыхъ и сей выписъ подъ печатю земскою воеводства киевского есть выданъ. Писанъ въ Люблине.

Мѣсто печати.

Филонъ Стрыбыль, чашникъ и депутатъ воеводства киевского.

Федоръ Суцанскій-Проскура, писаръ земскій киевскій.

*1 *Господаремъ* называется великій князь литовскій. Имъ былъ въ 1494 г. внукъ Ягайла Александръ Казимировичъ, выбранный въ 1501 г. и королемъ польскимъ.

*2 Юрій Скобейковичъ или просто Скобейко былъ однимъ изъ тѣхъ двухъ киевскихъ землянъ, которымъ мнимый князь Яцко Михайловичъ Половецъ поручилъ, умирая, опеку надъ своими малолѣтними дѣтьми и ихъ имуществомъ. См. Антоновичъ, Монографіи, 1885, стр. 210. Нельзя точно опредѣлить, къ какому году относится завѣщаніе Яцка Половца: къ 1516-му или къ 1536-му? См. Wolff, Kniazowie, 1895, стр. 677, пунктъ 3.

Если отмѣтить пожалованныя Олехну Сохновичу на лѣвой сторонѣ Днѣпра имѣнія на трехверстной картѣ и измѣрить ихъ ея масштабомъ, то они займутъ въ сѣверо-западномъ углу нынѣшняго Переяславскаго уѣзда площадь приблизительно въ 35 верстѣ длиною и въ 10 верстѣ шириною, т. е. мѣрою около 36,500 десятинъ.*¹ Владѣльцы этихъ имѣній, какъ мы видимъ изъ нашихъ документовъ, смѣнялись въ такомъ порядкѣ: 1) Олехно Сохновичъ, бояринъ князя Александра Владимировича, 2) Юхно Олехновичъ, 3) Иванъ Юхновичъ, 4) Марія Ивановна, супруга Федька Лозки. На четвертомъ поколѣнии мужское потомство Олехна Сохновича прекратилось и имѣнія перешли въ родъ Лозокъ.

Первымъ изъ Лозокъ, о которомъ, по указанію документовъ, извѣстно, что онъ владѣлъ этими имѣніями, былъ Филонъ Лозка. На основаніи раздѣла съ братьями Богданомъ и Василиемъ ему досталось— „*Stare horodyszcze nad błotem Karaniem za Dnieprem i drugie horodyszcza tamże, w tejże ziemi Żerebiatyńskiej, Hlebkowskie, Besurmańskie, Rahozy i Kniehynin, pola z horodyszczeczkim w Łowiech Jarosławskie, w puszczy niedańko Wiszeniek, i ze wsią Żerebiatynem, z danią, z jeziorami, z sieliszczami.*“ (Жг. dz. XXI, 1894, str. 478).

У А. П. Яблоновскаго нѣтъ указанія, какъ было имя отца этихъ трехъ братьевъ, и когда они дѣлились наслѣдственнымъ имуществомъ. Проф. Голубевъ на основаніи документовъ Архива греко-уніат. митроп. при Св. Синодѣ полагаетъ, что Фи-

*¹ По нынѣшнему административному раздѣленію Переяславскаго уѣзда имѣнія Олехна Сохновича входятъ въ составъ волостей Вороньковской, Рогозовской и Еркевецкой, и занимаютъ болѣе третьей части всего пространства этихъ трехъ волостей (приблизительно 36.500 изъ 92.000 десятинъ).

лонъ, Богданъ и Василій Лозки были сыновьями *Яцка* Борисовича Лозки и что они дѣлили отцовское наслѣдство въ 1522 году. Если послѣдній годъ точенъ, то врядъ-ли отецъ опредѣленъ правильно: во 1-хъ, Яцко Борисовичъ Лозка не владѣлъ Переяславскими имѣніями и, слѣдовательно, не могъ оставить ихъ въ наслѣдство дѣтямъ; во 2-хъ, онъ былъ живъ еще въ 1525 г., слѣдовательно, дѣти его не могли-бы дѣлиться въ 1522 г. *1. Мы думаемъ, что Филонъ, Богданъ и Василій—были сыновьями Федька Лозки, мужа Маріи Ивановны (Юхновича, Олехновича), и что они дѣлились въ 1522 г., какъ отцовскими, такъ и материнскими имѣніями, при чемъ Филонъ Лозка, получая изъ общей наслѣдственной массы—имѣнія, принадлежавшія матери, былъ устраненъ отъ полученія части въ имѣніяхъ отцовскихъ. Вѣроятно, Филонъ Лозка скончался безпотомно, или его потомство быстро вымерло, потому-что въ 1586 г. (Яблоновскаго *Źg. dz.*, XXI, стр. 480) Переяславскія имѣнія попадаютъ въ раздѣлъ между сыновьями Василя Лозки, *2 при чемъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ тяжёбныхъ дѣлъ, эти имѣнія были раздѣлены на двѣ части: одну часть („добра“ Сальковскія и Сошниковскія) получилъ подчасій Кіевскій Лаврентій (Лавринъ) Васильевичъ Лозка, а другую часть („дѣ-

*1 См. *Źródła dziejowe*, t. XXI, str. 478, 480.

* 2 У Василя Лозки, насколько мы можемъ прослѣдить по документамъ, было три сына: Стефанъ, Лаврентій и Иванъ. Стефанъ былъ вторымъ мужемъ фундаторши Кіево-Братскаго монастыря Елисаветы (Галшки) Лозкиной, урожденной Гулевичъ. Подробныя свѣдѣнія о немъ собраны въ книгѣ проф. Голубева: *Исторія Кіевской Духовной Академіи*, Вып. 1, 1885, стр. 123—131.

На стр. 125 только-что названной книги проф. Голубевъ сообщаетъ, что раздѣльный актъ между сыновьями Василя Лозки состоялся 21 января

бра“ Жеребятинскія, Вороньковскія, Процевскія и Рогозовскія) получилъ Кіевскій земскій писарь Иванъ Васильевичъ Лозка.

Лаврентій Лозка былъ женатъ на Аннѣ Гулевичъ, а Иванъ Лозка на Магдалинѣ Чирской. И у того, и у другого не было мужского потомства. Поэтому по смерти ихъ (Лаврентій умеръ между 1618 и 1624 гг., а Иванъ между 1611 и 1613 гг.) имѣніями ихъ владѣли сначала жены (пожизненно), а потомъ дочери. Варвара Лаврентіевна была замужемъ за Александромъ Красинскимъ, а Александра Ивановна за Александромъ Суринымъ.

Лаврентій и Иванъ Лозки и ихъ ближайшіе наслѣдники (вдовы, дочери и зятья) усиленно заня-

1596 года. Мы полагаемъ, что дата эта не точна. 21 января 1596 г. состоялась, вѣроятно, сплата Стефаномъ Лозкою Лаврину Лозкѣ за доставшуюся послѣднему половину въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ. Раздѣлъ наслѣдства по смерти отца происходилъ, очевидно, какъ указано въ матеріалѣ г. Яблоновскаго, въ 1586 году („między Stefanem Łozką i bracią jego, na wszystkie dobra i wsie ojczyste i dziedziczne pod r. 1586 uczyniony dział“). Этотъ годъ лучше согласуется и съ правдоподобными данными о продолжительности жизни каждаго изъ поколѣній рода Лозокъ. Если Марія Ивановна, урожденная Юхновичъ—Олехновичъ—Сохновичъ, вышла замужъ за Федьку Лозку въ 1488—1490 гг. въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, то къ сорокалѣтнему ея возрасту т. е. къ 1510 года прибавленіе семейства у нея должно было закончиться. Къ 1522 году супруги Федько и Марія Лозки могли и умереть въ возрастѣ 62—52 лѣтъ. Василий Лозка былъ младшимъ изъ сыновей Маріи Ивановны. Слѣдовательно, отъ могъ родиться около 1510 г. И при этомъ предположеніи, умирая въ 1585 г., онъ долженъ былъ имѣть болѣе 75 лѣтъ отъ роду. Возрастъ почтенный. Если относить раздѣлъ имущества между Стефаномъ, Лаврентіемъ и Иваномъ Лозками къ 21 января 1596 г., то приходится приписывать Василию Лозкѣ такую долговѣчность (85 слишкомъ лѣтъ), которая является сомнительною при отсутствіи всякихъ положительныхъ указаній со стороны документовъ.

Если Василий Лозка женился въ возрастѣ приблизительно 30 лѣтъ около 1540 г., то его дѣти Стефанъ, Лаврентій и Иванъ должны были появиться на свѣтъ въ 1540-хъ годахъ. Извѣстныя намъ обстоятельства ихъ жизни нисколько не противорѣчатъ такому предположенію о времени ихъ рожденія.

лись колонизаціей унаслѣдованныхъ пустопорожнихъ имѣній и для этого переманивали къ себѣ подданныхъ разныхъ владѣльцевъ изъ-за Днѣпра. Документально извѣстно, что, напримѣръ, въ д. Жеребятинѣ бѣжали подданные Василя Ходыки изъ с. Креничъ (нынѣ Кіев. у.) и подданные Елисаветы (Галшкн) и Михаила Лозокъ изъ с. Рожева (нынѣ Радомысльск. у.); въ с. Сошниковъ—подданные Іозефіана Халецкаго изъ м. Ржищева; въ с. Рогозовъ—подданные Якова Лемеша изъ с. Бежова (нынѣ Житом. у.). Лишившіеся подданныхъ владѣльцы обращались въ судъ, трѣбуя ихъ возвращенія, и въ актахъ Люблинскаго трибунала сохранилось нѣсколько такого рода тяжбъ, относящихся къ 1618—1624 г.г. Въ свою очередь отъ Лозокъ и ихъ наслѣдниковъ переманивали подданныхъ колонизаторы Посулія князя Вишневецкіе (Михаилъ и Юрій). Такъ извѣстно, что въ 1604 г. 22 подданныхъ Ивана Лозки изъ д. Жеребятина убѣждали съ женами и дѣтьми въ новыя поселенія кн. Вишневецкихъ: въ Жовнинѣ, Лукомьѣ, Лубны и Пирятинѣ. Тоже явленіе повторилось въ 1607 г. (неизвѣстно только число бѣжавшихъ).

Отношенія между сосѣдями по владѣніямъ, не взирая иногда на родство, были, по обычаю тѣхъ суровыхъ временъ, весьма враждебныя. Они постоянно устраивали „наѣзды“ на имѣнія другъ друга и предавали чужое имущество грабежу и разоренію. Такъ, въ 1613-мъ году Лавринъ Лозка устроилъ „наѣздъ“ на имѣнія вдовы Ивана Лозки, Магдалины, и дочери ея Александры. [Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, Магдалина была невѣсткой, а

Александра Ивановна родной племянницей Лаврина Лозки]. Онъ силой отобралъ у нихъ грунтъ *Жеребятинскій*, городище *Бесурменское*, селище *Воронковичи*, урочище *Степаново Поле* и урочище *Болото* или *Рычка*, присоединилъ эти земли къ своему Сальковскому имѣнію, заложилъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ имѣніемъ нѣкому Соколовскому и такимъ образомъ грубо нарушилъ спокойное владѣніе Магдалины Лозкиной и ея дочери.

1618-ый годъ вышелъ особенно безпокойнымъ для Магдалины и Александры Лозкиныхъ. Не взирая на то, что существовалъ раздѣльный актъ, который опредѣлялъ части Лаврина и Ивана Лозокъ, Лавринъ Лозка въ этомъ году четыре раза устраивалъ „наѣзды“ на имѣнія невѣстки и племянницы. Въ первый разъ его Сошниковскіе подданные забрали борти съ пчелами изъ такъ называемаго *Ясовскаго борка* и выкосили сѣно на урочищѣ *Селюбовичахъ* и на подгородищахъ *Калауровскихъ*. Во второй разъ Сошниковскіе и Сальковскіе подданные его (вновь осѣлые, какъ указано въ документѣ) „наѣхали“ на грунтъ *Жеребятинскій*, произвели тамъ разные грабежи и выорали нивы на урочищѣ *Старое Подгородище*. Въ третій разъ люди Лаврина Лозки сожгли гумно Лозкиныхъ въ урочищѣ *Томоклятинъ*. Наконецъ, въ четвертый разъ Сошниковскіе и Витачевскіе подданные его и супруги его Анны Лозкиной (изъ Гулевичей) пытались отнять у Магдалины и Александры Лозкиныхъ городище *Бесурменское*, селища: *Степаново Поле*, *Процевъ*, *Мишенецъ* и *Крупяны*.

Магдалина и Александра Лозкины тоже не

оставались въ долгу передъ деверемъ и дядею; въ то же лѣто 1618-го года ихъ подданные сожгли скирды сѣна въ *Сальковскомъ* имѣніи Лаврина Лозки.

Въ томъ-же 1618 г. люди Іозефіана Халецкаго изъ Ржищева произвели „наѣздъ“ на *Соини-ковское* имѣніе Лаврина Лозки и учинили тамъ разныя грабежи. Тогда-же Бориспольскіе подданные воеводы Кіевского и гетмана польнаго Станислава Жолкѣвскаго „наѣхали“ на *Жеребятинское* имѣніе Магдалины Лозкиной и заграбили ея хлѣбъ въ *го-родищахъ Рогозы* и *Княпининъ*.

Трудно перечислить всѣ тѣ обиды, которыя чинили другъ другу родственники и сосѣди *1....

Въ архивѣ Кіевской Археографической Комиссіи хранится нѣсколько документовъ, которые прекрасно характеризуютъ взаимныя отношенія и быть двухъ личностей, вступившихъ зятями въ семейство Лозокъ и распоряжавшихся имѣніями женъ, какъ своими собственными. Личности эти—Александръ Суринъ, зять Ивана Лозки, и Александръ Красинскій, зять Лаврина Лозки. Приводимъ здѣсь эти документы съ нѣкоторыми поясненіями въ примѣчаніяхъ. Кромѣ частнаго значенія для мѣстной исторіи они имѣютъ и общее значеніе, такъ какъ рисуютъ тотъ „старый порядокъ“ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, который предшествовалъ здѣсь малороссійской „великой революціи,“ вызванной Богданомъ Хмѣльницкимъ.

*1. См. *Źródła dziejowe*, t. XXI, str. 508, 120, 565, 566, 179, 210, 211, 238, 250, 302, 321, 359, 365.

Возные генералы Семень Заяць и Теодоръ Мостицкій вводятъ Александра Красинскаго во владѣніе имѣніями, купленными имъ у Александра Сурина.

I. Выпис с книг кгородских воеводства киевского

Року тисеча шестсот двадцат четвертого, мѣсяца сентебра шостого дня.

На враде его кр. мл. кгородском, в замку Киевском, передо мною, Александром Солтаном, намесником подвоеводства Киевского, ставши очевисто возные енералове воеводства Киевского, Волынского и Браславского, шляхетные Семен Заец и Теодор Мостицкій, ку записаню до книг нинешних кгородских Киевских сознали тыми словы: Я, Семен Заец, и я, Теодор Мостицкій, вознове енералове воеводства Киевского, Волынского и Браславского, сознаваем на том квите нашем ку записаню до книг нинешних кгородских Киевских, иж в року теперешнем тисеча шестсот двадцат четвертом, мѣца августа двадцат осмого дня, будучи ми придаными урядовне на справу и потребу урожного его мл. пана Александра Красинского, а маючи при себе сторону, шляхту пана Яна Ослолевского и пана Самуеля Кредецкого, за показанем нам през его мл. пана Красинскаго листу, запису звечистое продажи добр певных, нижей помененых, през его мл. пана Александра Сурина помененому его мл. пану Красинскому служащих, тут в воеводстве Киевском за Днепром лежащих, з особна до нас листу писаного власною рукою (отворив) того пана Суриного. Тамже мы, вознове, с помененою шляхтою, року и дня выш реченого, былис мы, впрод в ме-

стечку Воронкове, гдес мы застали самого пана Александра Сурина, малжонку его, *¹ реквизиравалис мы оного, если же добръ местечка Воронкова, села Старого Жеребятина, Старого городища, села Рогозова, села Процова, городисч Бесурмянского, Ярославского, Кнегинина, Калаурова, а Лебковского подлуг листу, запису вечное продажи, его мл. пану Красинскому до посессии спокойного уживаня пускает; на што нам, возным, и шляхте пан Сурин поведал: Иж я, панове вознове, тых всих маетностей моих его мл. пану Красинскому подлуг листу, добровольного мого вечистое продажи запису, уступаю и до спокойного уживанья пускаю. А такъ мы, вознове, чинимо досыт повинности вряду нашего, бывши у каждой з особна выш помененых маетностях, зобравши громады за добровольным кутным позволением пана Сурыновым, такъ замочок в Воронкове, местечко, месчан всих и гумно, в котором жита стирть шест, в которых по копь в каждой семдесят, ачменю стирть пят, у них копь двести, овса стирть полтрети, копь сто деведесят и пят, татарки, *² гороху еше в полю несвожоного копь до трохсот, бытможе, а потом до села Старого Жеребятина, беручи в вечную посессию, права однак ничого неублажаючи ей мл. паней писаровой, которой служит до Трох Кролей, римского свята, в року пры-

*¹ Супругою Александра Сурина была Александра Ивановна Лозкина. Это видно, напримѣръ, изъ дѣла Люблинскаго трибунала отъ 6 августа 1624-го года: „M. Jakóbem Lemieszem pow. a Aleksandrem i Aleksandrą z Łożków Surynami pozw. o podd. ze wsi Beżowa do wsi Rohozowa w woj. kij. zbiegłych—dekret.“ Źródła dziejowe, t. XXI, str. 359.

*² *Татарка* = гречиха. Русское название указываетъ на заимствованіе этого хлѣбнаго злака у Грековъ, а польское на заимствованіе у Татаръ.

шлом тисеча шестсот двадцат пятом, *¹ также и до инших, выш помененых, маетностей, громады зобравши, обволалис мы, публиковали и до ведомости привели и до вечное посессыи подданных зо всім их послушенством, дубровами, сеножатми, борами, гаями, млынами, так оремыми, яко и не оремыми полями, ово згола зо всіми а всіми пожитками, приналежностями, якос тые добра перед тым и тепер в собе мели и мают, ничего а ничего на собе пан Сурин незоставуючы, о чом ширей тот запис вечистое продажи всю реч в собе обьмовляетъ, его мл. пана Красинского в оные ввезали, и винтромаитовалис мы, *² и до спокойного вечистого уживаня подали, где зараз подданные тамошние вшеляких послушенствъ, што им толко урядник его мл. росказал, робит почали и робили, которого то нам увезаня возным, так там, яко и тут, при книгах, не

*² *Пани писарова* == вдова Киевскаго земскаго писаря Ивана Лозки Магдалина, урожденная Чирская; мать жены Сурина, Александры Ивановны. Заглавіе одного изъ дѣлъ люблинскаго трибунала отъ 21 мая 1618 г. начинается такъ: „Z Magdaleną z Czyrskich Łożczyną matką i Aleksandrą Łożczanką córką pow“.. (Жр. dz. t. XXI. str I. 250). Отношенія между тещей и зятемъ были, какъ видно, непріязненные, 18 іюня 1621 г. въ перечень дѣлъ Люблинскаго трибунала занесена слѣдующая записъ: „Przez Magd. Czyrskiego Łożczynę pisarzową Kij. przeciwko Aleksandr. Surynowi zięcowi swemu, o gwałtowne pow. z mająt. w woj. Kijow. niedaleko od m. Kijowa za rz. Dniepremleż., Żerebiatyn, Woronkowicze, Procow i Rohozy przezw., na których dobrach pow. prawo dożywotnie sobie służące miała, wybicie—protestatya..“ (Жр. dz. t. XXI str. 612). Очевидно, въ виду продажи имѣній, Магдалина Лозкина, вѣроятно за какое-нибудь вознагражденіе, соглашалась довлѣдѣть до римско-католическаго праздника Трехъ Королей, т. е. до 6-го января нов. стиля 1625 года, (27 декабря ст. ст. 1624 г.) и затѣмъ отказаться отъ своего права пожизненнаго владѣнія.

*² *Ввезать* (== нын. вязать), винтромаитовать (== лат. intromittere) значить: ввести во владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Терминъ *ввезати* идетъ изъ того времени, когда право любило выражаться поэтическими образами (J. Grimm. Ueber die Poesie in das Recht): новаго владѣльца какъ-бы вкладывали въ его имущество и въ немъ завязывали.

боронил и жадным се правом ни хто неодзывал. А такъ мы, вознове, будучи на той справе, штос мы видали и слышали, то правдивое до книг ку записаню подалис мы. Котороеж то очевистое со- знане возных до книг есть записано, с которых и сес выпис под печатю кгородскою киевскою року теперешнего тисеча шестсот тридцат осмого, м-ца генвара двадцат семого дня, ест выдан. Писан в Кieve. Корыкговал Выговский *mp. W niebytności iego msci pana pisarza grodzkiego Kijowskiego podpisałem Jan Młotkowski, namiesnik Kijowsky.* Войтех Рил- ский, писар кгородский киевский *mp.*

Послѣ того, какъ панъ Александръ Суринъ добровольно продалъ женины имѣнія пану Алексан- дру Красинскому и возные торжественно ввели Кра- синскаго во владѣніе, не оставалось, повидимому, никакихъ поводовъ для споровъ между продавцомъ и покупщикомъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Вѣроят- но, Сурины, не взирая на состоявшуюся продажу, раздумали оставлять свои имѣнія и рѣшили вла- дѣть ими по старому, какъ-бы никакой продажи и не было. Раздосадованный Красинскій вознамѣрился тогда силою изгнать Суриныхъ изъ законно прио- брѣтенныхъ имъ имѣній. Неисполненіе Суриными купчепродажной сдѣлки—вотъ, должно быть, обсто- ятельство, побудившее Красинскаго устроить опи- сываемый въ слѣдующемъ актѣ „наѣздъ“ на домъ Суриныхъ.

II. Выпис с книг кгородских воеводства киевского.

Року тисеча шестсот двадцат четвертого, мца декабра трыдцатого дня.

На враде его кр. мл. кгородском, в замку Киевском, передо мною Теодором Елцем, хоружим и подвоеводим киевским, постановившисе очевисто его мл. пан Александер Сурын соленигер з великим жалем своим оповедал, сведчил и протестовал противко урожоному пану Александру Красинскому о то, иж помененый пан Александер Красинский, лекце себе поваживши право посполитое и вины в нем за кгвалтовные наезды и лупене домов шляхецких описаное небоячис, а выконываючи давно завзятый на теперешнего протестуючого замысль свой, кгда теперешний протестующий, для конспирации а поразуменя се помененого пана Красинского с козаками, людьми свовольными, в маетностях протестуючого заднепрских мешькаючи, около здоровья протестуючого, в маетности своей Воронкове и инших безпечне мешкат не мог, але за Днепръ за Киев до приятел своих, порутивъшы *¹ в тамтых маетностях своих заднепрских все господарство свое шляхецкое, муселъ уступит, о што перва дня четвертого мца ноябра протестаця ест учинена, а малжонку свою, панюю Александру Лозчанку, з детками своими и с челядью своею в тамтой маетности своей, в селе и замочку своем Воронкове, был зоставил, розумеючи, же на стан белоголовский шляхецкий, на детки и челядку про-

*¹ *Порутивъшы..... все господарство свое шляхецкое* = porzuciwszy т. е. бросивъ все свое дворянское хозяйство.

тестуючого, яко нічого невинних, правом и покоем посполитым объяварованных, торгатсе помененый пан Красинский не мел;—вышей менованый пан Красинский, пополняючи давно завзятый умыслъ свой, розуменем и надѣєю своею уведены будучи, якобы теперешний протестующий знову зас до малжонки, дятек и челядки своее в дом свой вернутсе и приехат мел, обравши купу немалую козаков, людей свовольных, з оружием, войне належачимъ, а над ними преложивши на нижей менованый учинок старшими и приводниками слуг своих, Котаревича и Жданкевича, и атамана козацкого Побочѣя, и иных, которых всих имена и прозвиска панъ Красинский сам добре знает и ведает, намыслне а уприйме выправил, субордыновалъ и послал на дом шляхецкий теперешнего протестующого, абы, его поймавши, забили, ростреляли албо яко колвек згубили, дом шляхецкий злунили, спустошили; которые то насланци пана Красинского, досыт чинечи воли, насланю, выправе и уприймому росказню пана Красинского, пана своего, которому се на тот учинок ку выполнению воли и охоты его, на теперешнего протестующого завасненное, *1 были се наняли, обещали и прирекли, року теперешнего тисеча шестсот двадцат четвертого, мца декабря двадцат третего дня, въ понеделок рано на свитаню,*2

*1 Zawaśnić — внести злобу, злопамятство между двухъ людей. Ку выполнению воли и охоты его... на протестующого завасненное—значить: для удовлетворения его воли и желанія, налитанныхъ злобою противъ протестующаго.

*2 Изъ того обстоятельства, что 23 декабря пришлось въ понедѣльникъ, видно, что счетъ велся по новому стилю; 23-е декабря стараго стиля 1294-го года приходилось въ четвергъ.

к҃дѣ вже днѣть почало, наехавши моцно к҃валтом на замочок протестуючого Воронковский, где малжонка, дѣтки и челядка его, ничего неведаячи и ничего се злого несподѣваючи, были и мешкали тамже, окрык к҃валтовный учинивши, стрѣлбу огнистую пустивши, ворота в замочку выбили, высекли, выламали, а потом, зараз впадши до замочку, просто се удали збройною рукою до двора тамошнего, где, двери до сеней, до избѣ, до клетей повыбивавши, напрод малжонку протестуючого словы злыми здеспектовавши*¹ и руками зежавши, сынови моему, дитяти невеликому, пану Григору Суринау поличокъ*² вытявши, и обоих с панею маткою страхом незмерным накармивши, потом челяд мою дворную полапавши, били, мордовали, мучили, катовали, о мне самом и о деспозитах моих пыталисѣ, и к҃дѣ челяд з мук великихъ до алькира*³ моего имѣ указала, оны до алькиру впадши, иж был замкнений, двери высадивши, там же шкатулу мою з розными справами моими и записами долговыми будуючую, розумеючи там пенези готовые, порвавши и оную розлущивши, а пенезей не нашедши, справы и записы долговые и мунимента*⁴ розные, на сумы, на маѣтности протестуючому служащии, в способ лупу дворового побрали, пожаковали, а т о-есть мѣновите, узели обликъ его мл. пана Филипа Елца, подстолего киевского, небожчикови пану отцу протестуючого неведат на што данный голый, другой

*¹ *Здеспектовавши*—оскорбивши бранными словами.

*² *Поличокъ*—policzek, щека.

*³ *Алькиръ*—alkierz, отдѣльная комната, кабинетъ.

*⁴ *Мунименто*—munimenta, юридическіе доводы для подтвержденія дѣла въ судѣ.

также лист запис обликг голый небожчика пана Михаила Силы Новицкого, судьи бывшего кгородского киевского, пану отцу протестующого данный, два обликги таковых же голых небожчика пана Василия Сурина, стрья протестующого, также небожчику пану отцу протестующого служащих, квит пана Крыштофа Стецкого за двух тисечей и за двухсотъ золотых, протестующему служащий, лист запис от пана Александра Красинского теперешнему протестующему на полсеми тисечи золотых полских данный и служащий, лист запис квитовъный пана Александра Красинского, гдыж теперешнего протестующого за всех, а за всех своих правных затыгов и процесов квитовал, данный, третий обликг лист запис тогож пана Красинского, протестующему данный, иж пани Макгдалена Чырская Ивановая Лозчина, писаровая земская киевская, добръ села Старого Жеребятина мела держати и уживати спокойне, аж до живота своего, без вшелякое перешкоды от пана Красинского, под закладом осми тисечей золотых, яко и перший и другой запис пана Красинского темже закладом были умоцованы, листы делчие самые ореиналы панов Лозков на маестности их разные дедичные,*¹ записов обликговъ два от пана Яна Лозки пану Ивану Лозце, писарови земскому киевскому, служащих, которыми заставует добра свои, половицу села Жеребятина, в трех тисечех золо-

*1 Изъ этихъ словъ, а также изъ вышеприведенной выписи „съ книгъ головныхъ трибунальскихъ воеводства кievского“ (выше, стр. 78 и слѣд.) видно, что подлинныя документы Сохновичей (въ томъ числѣ грамота Александра Владимировича, написанная „на паркгамино“) и Лозокъ сохранились въ рукахъ ихъ наслѣдниковъ до 1-ой половины XVII-го вѣка. Между тѣмъ есть извѣстiе, что въ 1525 году король Сигизмундъ I „po spaleniu dokumentów.... od

тых, тому ж пану Иванови Лозце, писарови земскому, а при том вси мунимента, протестацые, декрета, земские, кгородские, и трибунальские, на повод теперешнего протестующого с тем же паном Красинским и панею подчашиною *1 в розных кривдах и затыгах зачатые, и до пунктов правных розмолотых приведены. А самых слуг моих, меновите: Миколая Жоховского, урядника моего, на котором пятьдесят копъ грошей литовских и две копе протестующого власных пенезей, которых ему на шафуюнок певных потреб своих был поверил и дал, в способъ лупу оборвали и взяли; Александра Скочка, возного слугу протестующого, Крыштофа Кгородзического хлопца, Станислава Луковского, Парфеня

wielkich książąt Witowta i Zygmunta i Kazimierza króla nadanych a przy pogrzebisku popalonych... za wykonaniem przez niego (просителемъ) na toż spalenie przysięgi (т. е. вследствие того, что сгорѣли документы, выданные великими князьями Витовтомъ и Сигизмундомъ и королемъ Казимиромъ, и послѣ того, какъ проситель Яцко Борисовичъ Лозка принялъ присягу, что документы, дѣйствительно, сгорѣли) wydał Яцку Борисовичу Лозкѣ, наместнику Новгородскому, привилей „na majątności jego ojczyste dziedziczne w kijow. ziemi, także i pod Brasławiem i pod Mozyrem i indziej leżące, a mianowicie na majątności nad Dnieprem za Kijowem, tj. Żerebiatyn, Stare, Besurmańskie, Kałaurów, Kniehynin, Rahozy, Woronkowie, Jarosławskie horodyszcz z innemi siełiszczami,... (Жг. dz. t. XXI, str. 479—480). Такъ какъ изъ другихъ документовъ видно, что когда братья Андрей, Олехно и Яцко Лозки въ 1507 г. (Жг. dz. t. XXI, str. 477) или въ 1508 г. (Голубевъ, Ист. Акад. стр. 123) дѣлились имуществомъ отца ихъ Бориса Лозки, то въ наследственную массу не входили перечисленные Переяславскія имѣнія, и такъ какъ гибель документовъ въ пожарѣ является вымышленной, ибо документы уцѣлѣли и въ подлинникахъ представлены были въ Люблинскій трибуналъ въ 1618 г. и хранились у Александра Сурина въ 1624 г., то самое получение Яцкомъ Борисовичемъ Лозкою возобновительнаго привилея отъ короля представляется уловкой, которую онъ придумалъ, чтобы потомъ заявлять права на имѣнія, перешедшія по женской линіи отъ Сохновичей къ его родственникамъ Лозкамъ (Филону, Богдану и Василию), но другой линіи.

*1 *Пани подчашина*—вдова кievскаго подчашого Лаврентія Лозки Анна Лозкина, урожденная Гулевичъ; мать жены Александра Красинскаго, Варвары Лаврентievны.

Синяевского, Яна Возницю, Лукаша Кухтика, Бориса Теслю, и челяд белую шляхетных: Крыстину Дѣтковскую, панну служебную, Галшку Рохолскую, девчину, а панною старую, панною Лукговскую, окрутне, а не литостиве, яко наездники, рапторы и виоляторы покою безпеченства посполитого, побили, поранили, помучили, с которых ран, меновите Скочко возный а Яско Возница, неведат, если живы будут, ово згола дом шляхецкий, яко одны неприятеле, зекривавили, зелжили, злупили так, иж три дни пусто стоял, яко по погроме неприятельскомъ; и то все, якос выш поменило, помененые насланци пана Красинского зброивъши, зо всею тою роботою и лупом, вышей менованым, с потехою великою, до пана Красинского до Сошникова, где его мл. пан Красинский обещне на он час мешкал, отехали и тот лупъ и роботу свою всю до его мл. пана Красинского отвезли, ознаймили и отдали, а его мл. пан Красинский то все, што оны здобыли, прорато ет кграто од них принявши и с того се велце контентовавши, на потеху и пожиток свой обернул и привлащил. О што все, яко се выш поменило, хочечи с помененым паном Красинским правне, яко справа прийдет, чинить, просил, абы тая протестация его была принята и возный для огледаня того кгвалту и ран был приданъ, што одержалъ, што ест записано, с которых и сес выпис под печатью кгородскою киевскою в року теперешнем тисеча шестсот тридцат семом, мца генвара двадцат... дня ест выдан. Писан в Киеве. Корыкговал Выговский
 mp. W niebytności J. M. Pana pisarza grodzkiego Kijowskiego podpisałęm Jan Młotkowski, namiesnik Kijowsky.

Позднѣйшая приписка: Protestatiia na pana Krasinskiego, potrzebna do sprawy Żdankiewicza, gdyż był hetmanem kozackim od pana Krasinskiego, o naiazd. Anni 1624 decemb. 13 d. (описка в м. 30 d.).

Три слѣдующіе акта знакомятъ насъ съ борьбой, которую велъ съ Александромъ Красинскимъ Кіевскій Пустынно-Никольскій монастырь изъ-за пользованія доходами съ монастырскаго имѣнія „Кучуковъ Островъ“ съ прилегающими къ нему рыболовными и сѣнокосными угодіями.

III. Выпис с книг кгородских воеводства Кіевского.

Лѣта Божого Нарожения тисеча шестсот двадцат сегого, мѣа іюля девятого дня.

На вряде его королевское милости кгородском, в замку Кіевском, передо мною, Мартином Климовичом, намесником подвоеводства Кіевского, ставши очевисто набожный инокъ манастира светого Николы Пустынского Кіевского Прокопъ Федко, именем в Бозе велебного его мл. отца Сераффона Белскаго, игумена, и всее капитулы, осведчил и протестовался противко уроженому его милости пану Александрови Красинскому о то, иж его милость, не контентуючися иншими розными кривдами и шкодами, которіе добрам церкви Божое чинит, и во всем уставичне их причиняючи, и року теперешнего тисеча шестсот двадцат сегого, мѣа іюля пятого дня, наслал моцно кгвалтом атamana и подданных своих Салковских, ему самому ведомых и знаемых, чоловеков о колкодесять з оружемъ, воѣне належачим, наславши на кгрунѣть

церкви Божое помененого монастыра, на остров Кучуков и на озера тамошняне, *¹ где подъ тот час рыбацы рыбы сетми и иншми посудками, до ловеня рыбъ належачими, ловили; тамже тым своим насланцомъ рыбы уловленные и посудки рыбные ктвалтовне побрать, пограбить, сеножати власные монастырские потравити и в нивечъ обернути, а помененого жалуючого и другого чернца Настасия, там же челяд оную, рыбаков, побити, помордовати росказал; которые то помененыи, отаман и вси селяне, подданные тамошние Салъковские, чинечи досыт воли, посланю и росказаню оногo, яко пана своего, дня помененого на тот остров Кучуков и на озера тамошние ктвалтовне з оружием, войне належачим, наехавши, рыбъ розных уловеных за копъ двадцат, посудков и потребъ, до 'ловеня рыбъ потребныхъ, за золотых двесте, сокир, сермяг за золотых тридцат—пограбили и они то все до села Салкова попроварили, а другие, протестуючого се и его товариша Настасия нелицостиве побили, помордовали, челяд оную розогнали и розстрашили, и оногo чернца Настасия неведат где подели, о котором и до того часу, гдебыс обертал, ведомости мети не можем; при том сеножати власные монастырские, наганяючи кони, быдла, вытравили, выпасли и в нивечъ обернули, которое сено каждыи воз шацуючи по золотому полскому; и на довод тое протестацыйи своее ставил очевисто возного ене-

*1 Островъ Кучуковъ на Днѣпрѣ достался Пустынно-Никольскому монастырю вмѣстѣ съ землею Мутишинскою по записи Івашка Ѳедковича Полозовича отъ 26 февраля 1517 г.—См. Описаніе рукописей церковно-археолог. музея при Кіев. Дух. Акад. Н. П. Петрова. К. 1875. Стр. 198.

рала земли Киевское Костантия Смолянского, который, ставеный будучи, моцю уряду своего возновского сознал, иж с приданя урядового, маючи при себе сторону, шляхту пана Яна Милевского а пана Прокопа Нисчицкого, был на справе в Бозе велебного его мл. отца игумена Николского Пустинского и капитулы, тоест ездил року теперешнего тисеча шестсот двадцат сегого, мѣсяца июля сегого дня, до острова Кучукова, где, за оказанем и объвоженем чернѣца Прокопия Федковича, видел, огледал есми раны битые, синие, по головах и по руках челяди рыбитное; паробков пяти огледалом побитых, помордованных; при том виделом сеножати тамошние монастырские, на пятсот возов вытравенные и выпасенные; венць и местца, на которых рыбы зложонные были, виделом. Которое таковое побите чернцов и челяди, побране и пограбене рыбѣ, и потоцѣтане сеножатей, чернець вышѣ менованый меновал быти сталые через атамана Свирида и подѣданных Салковских, за власным насланемъ и росказанемъ его милости пана Александра Красинского, дня и року в протестацый менованых. По которомъ сознаню возного просилъ помененый чернець, абы тое осведчене и сознанье возного до книг кгородских Киевских принято и записано, зоставуючи волную поправу тое протестацый самому его милости отцу игуменови, в чом бы потреба поправы указала, што уряд принявши, до книг записати казал, и естѣ записано, с которых и сес выпис под печатю моею ест выдан. Писан у Киеве. Павелъ Реховский, писар кгородский Киевский тр. Кориговал Стривязкий тр.

IV. Выпис с книг кгородских воеводства Киевского.

Лѣта Божого Нарожения тисеча шестсот двадцат сегого, мѣа августа тридцатого дня.

На вряде его кр. мл. кгородском, в замку Киевском, передо мною, Мартином Климовичом, наместником подвоеводства Киевского, ставъши обличне шляхетный пан Семен Островецкый, именем в Бозе велебного его мл. отца Сераффона Белского, игумена, и всеи капитулы монастыра святого Николы Пустинского Киевского, осведчал и протестовалсе на его мл. пана Александра Красинского и малжонтку его милости, панюю Барбару Ложъчанку,*¹ о то, ижъ ихъ мл., неогледаючи се на лист запис заручный граничныйъ антедесора своего зошлого, небожчика пана Лаврина Лозки,*² подчасного земли Киевское, описаня границъ, местцъ и вrouchсть межи добрами поводовъ монастырскими, островом, названым Кучуковым, и иными до него належащими, з озеры, луками и сеножатми антедесора их, и тепер оных самых Салковскими поставоченыи, яко о томъ тот листъ запис граничный ширей в себе мает, которые преречоные особы, кгвалтячи и на заклад в нем заложонный ничого недбаючи, а хочечи и усилюючи тые вышъ менованые добра поводов, озера, луки, и сеножати, неслушне и не належне до того Салкова привернуть, перешедши границу описаную, року теперешнего тисеча шестсот двад-

*¹ *Барбара Ложъчанка*—дочь Лаврентія и Анны Лозкиныхъ.

*² Въ церк. археол. музеѣ при Кіевской Дух. Акад. имѣется выписъ изъ книгъ гродскихъ Кіевскихъ отъ 29 іюня 1605 года съ прописаніемъ листа Лаврина Лозки объ ограниченіи Кучуковскаго грунта, принадлежавшаго Никольскому монастырю. Описаніе Н. И. Петрова, стр. 606.

цать сегого, почавши од мѣа июня, ажъ по ден двадцат шостый августа, моцю кгвалтовне подданных своих Салковских, Процовских и Воронковских,*¹ на имена и прозвыска их мл. ведомых, насилуючи зъ неводами и розными ситами, которые подданные насланцы, выкониваючи волю и росказане панов своих, так тое озеро Кучуковъ и при нем иншия повыволокали, рыбы повыволовали, яко вси оныя луки, сеножати, иле ихъ там было, на сино покосили и тое все: рыбы и сино, до пожитку пановъ своих обернули, чинечи то ку великой кривѣде и шкоде протестующих, которые оны себе в выловленю озера и в покошеню лукъ, сеножателей, быти менят на тисечу копъ грошей литовских, которым таковымъ поступком лист запис граничный нарушили, за чим до заплаченя закладу и нагороженя шкодъ менованныхъ попадли, о который заклад и шкоды, также аби болший в тых добрах не перешкожано, оферуючи протестующий правне поступить, на тот час о принятѣ того осведченя просил, которое я вряд, принявъши, до книг записати казал и ест записано, с которых и сес выпис подпечатю моею ест выдан. Писан у Києве. Корикговал Стривязкий тр.

Павел Реховский, писар кгородский Киевский тр

*1 Села Процовъ и Воронковъ, несмотря на противодѣйствіе Суриныхъ, остались, какъ видно, за Красинскимъ, какъ это и слѣдовало по акту отъ 6 сентября 1624 г.

V. Выпис с книг кгородских воеводства Киевского.

Року тисеча шестсот двадцат осмого мца июля петнадцатого дня.

На вѣряде его кор. мл. кгородском, в замку Киевском, передо мною, Яном Липлевским, наместником подвоеводства Киевского, ставъши обличчье велебные отцове законницы монастыра святого Николы Пустинского Киевского Феофил и Пахомей, именем в Бозе велебного его мл. отца Сераффона Белского, игумена, и вѣсее, еже о Христе, братии, чернѣцов тогож помененого монастыра, обѣтяжливие и жалостие сведчили и соленитер протестовалие противко урожоному пану Алексѣандрови Красинскому, посесорови добр Салкова, Воронкова и инших, о то, ижъ звышъ менованыи пан Красинский, неуставаючи вчиненю кривѣдъ, шкод и деспектѣв добром церкви Божое и самыи законником, прилеглост тых добр своих з добрами церковными маючи, переходечи граници, описанные через анытепесора его, зошлого небожѣчника пана Лавѣрина Лозку, подчасного Киевского, акѣтами земскими Киевскими роборованные, *¹ ничого на заклад там заложеныи недбаючи и небоячис права посполитого, хочечи и усплюючи кгрунтъ, озера и острова, названные Кучуковѣские, неслухъне, неправне и неналежѣне до добр своих Салкова, которого уживаня и власности своее в луки, озера при реце Днѣпри намней не мает и мети не может, якосе то там с тых описаных границъ ясне и доводне покажет, за чим вступъ и шѣкоду уста-

*¹ *Роборование*—утвержденные (границы); *robogatio*—подтвердительная запись (польск. zapis robogacyjny).

вѣдѣнную в тѣ добра церковныя чиненіи и не кон-
тетуячи першими через него самого и за розска-
занем его через слугъ и подданных его чинеными
и великими кривѣдами, деспекѣтами и шѣкодами,
о што поступѣки правѣныя и некоторые на апеля-
ціах завислыя шпрей сведчат, которые то кривды,
деспекѣта, бое, морды, и шѣкоды, так под час бытъ-
ности, яко и под небытность свою слугам и подда-
ным своим чинити и выконыват реч казалъ и сро-
кго загрозил, за которым таковым его зретенным з
грозбою великою росказцем слуги и подданные Салъ-
ковѣскіе, Процовѣскіе, Воронковѣскіе и Жеребя-
танѣскіе, самому ему на имена и прозвиска ведомые,
рукою потужною в року нинешнем тисеча шест-
сот двадцат осмом, мѣсяца іюля пятого дня, на-
шѣли и наехали впрод на озеро Мукачово, власное
церковное в кгрунте Кучукове, и паробков, там
рыб ловячих, Олекѣсея и Грицѣка, окрутне и не-
лѣтостиве побили, и поранили, и речи их побрали,
и пограбили, а потом и далей на станъ власный цер-
ковный, в том же Кучукове через протестующых
поставѣленный, и там на тот станъ мощно и кгвал-
товѣне нашедши и наехавши, всех их, в личѣбе о
килкадесят, отцев законников двоих, Паисея, кото-
рый допюро в окрутном везеню, Климентія, в не-
бытности отца игумена, который до Люблина на
консервати отѣехал, для дозору ловеня рыб до не-
воду zesланных, заставѣши, выконываючи волю и
росказане пана своего, вышѣ мснованого пана Кра-
синского, оных законников, людей невинных, ни-
чего не респекѣтуючи на станъ духовный законни-
чий, окрутне и нелѣтостиве побивши, помордовавъ-

ши, одного з них, меновите Паисия, на ганбу и поругане стану их и въстыд людскій до везеня взявши, в Воронкове в турму вкинули, везенем срoкгим южъ то тыден трымают, на одним се знускают, а другий Климентий, збитый и змордованный, гдебыс поделъ и до того часу ведомости взяти не могут, жив ли zostал, чили тежъ смертю запечатоваль, о чом по възятю ведомости волная дорога до поступьку правъного zostавует, а челяд неводовая, на тот час там будучая, одни, где который мог, повътекали, а других побито и поранено, яко меновите Якима и иныхъ; и неконтентуючис таким мордерством при том възятю чернъца и их побитю, грабежным способом взяли и кгвалтовне пограбили на том стану рыбы власное монастырское крошечное дванадцат сот, кожъдое сто за тры копы, боковое рыбы тисечей девет, тисеча за золотых десят, и чолницъ тисечей дванадцат, за тры копы тисеча, котелковъ два за десет золотых, сокир чотири по золотому, невод за тридцать копъ и тым же неводом и сетми, жаками розними, ловушъками вси озера, Мукачовскихъ два, и Литку, и Махиню, и иные выволочили, и рыбы выловили, шкoды за выловенем озер на тисечу золотых учинили; а у молодцов взяли: у Олексея кожух новый за пят золотых, сермягу за копу, пологъ за пят золотых, у Грицька кожухъ новый за пят золотых, сермягъ две за пят золотых, пологъ за три золотых, човънов три за чотиры копы, у Йева жаковъ десят за пят золотых, рыбы крошечное сто за осмъ золотых, боковое тисечу за золотых десеть и чолницы тисечей полтори за золотых десят, чолнов два за копу; и то все тые на-

сланцы, побравъши, пограбивши, стан звославши до маетности своей Воронкова отпrowадили, до пожитку пантского обернули. Што менованные законники урядови освѣдчивши, просили о придаче возного на огъледане чернѣца у везеню будучого, побитя оно-го и въсее челеди, такъ же и до объведенья шкод на стану, которымъ я, с повинности, возного генерала Костюка Смолянскаго придавалем, который, с приданя моего тамъ бывъши и огледавъши, созналъ, ижъ року теперешняго тисеча шестсотъ двадцатъ осмого, мѣсяца июля девятого дня, маючи при собе сторону, шляхту пана Прокопа Исаковича а пана Миколая Циховскаго, бывъши в Воронковѣ в замочку и заставши урядника тамошняго пыталъ, если мает в везеню чернѣца Паисея, а при немъ и другого Климентія, теды онъ одного, меновите Паисея, в турмѣ сидячаго, указалъ, а другого Климентія не признавалъ, котораго кгда черезъ окно гледилъ, видѣлъ на немъ раны битые, синие, по голове, тваръ опухла и окрвавѣлена, и кгда рекуировалъ, абы с того везенья былъ выпущонный, выпустилъ не хотѣлъ, и не выпустилъ, и тамъ его в везеню отѣхалъ, потомъ у паробѣка Олексѣя руку левую всю киемъ побитую и въ голове рану киевую, у Якима раны киевыя в голове, одна з боку леваго, а на рукахъ обохъ синие, битые, а то тамъ на стану лежащихъ потомъ видѣлъ, станъ для ловенья рыбъ зопѣсованный и розметанный, и озера Мукачовъ и инныя выволочонныя, которые наездъ и тое збите и зранене менованаго законника и челяди, такъ же и зопѣсоване стану, и выволочене озеръ, меновали господинове отцевъ Николскіе бытъ починенные часу и дня, в протестацыи написа-

ных, через слугъ и подданных пана Красинского Салковских, Процовских, Воронковских и Жеребятинских з власного росказаня пана Александре Красинского, по котором сознанию возного менованные законницы, зоставивъши волную поправу протестацый теперешънее, в чом справа и потреба указала, по вѣзятю ведомости о законнику Климентію и по выстю з везеня отца Паисея, себе самым и его мл. отцу игумену, кгда до манастира звернетъ, на тот часъ просили, абы тое их оповеданъе было до книг кгородских Киевских принято и записано. Што я, уряд, принявши, запсат казал и ест записано, с которых и сес выпис подъ печатю своею ест выдан. Писан в Киеве. Корикиговал Стривязкий тр.

Изъ слѣдующаго документа видно, что Александръ Красинскій передалъ свои имѣнія, кажется, на заставномъ правѣ, Людвику Олизару Волчкевичу, потому-что въ 1645 г. вводятся имъ во владѣніе наслѣдники умершаго Людика: дочь Анна и сыновья Янъ, Михайлъ и Станиславъ.*¹

*¹ Имя Олизаровъ-Волчкевичей было уже связано раньше съ однимъ изъ Переяславскихъ имѣній Лозокъ. Въ одномъ документѣ, обнаруженномъ И. М. Каманинымъ въ XIII-ой книгѣ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Пестора лѣтописца“ (отд. III, стр. 18), есть намекъ, что одинъ изъ Олизаровъ-Волчкевичей, а именно Адамъ, владѣлъ почему-то между 190 г. и 1606 г. частью *села Сошниково*, что подъ угрозами козацкаго гегмана Григорія Лободы († 1596 г.) онъ согласился продать это имѣніе „ободѣ“, а потомъ судился изъ-за него съ подчаснимъ Кіевскимъ Лавренгіемъ Лозкою. Такъ какъ мы знаемъ, что „добра“ Сошниковскія были наслѣдственные въ родѣ Лозокъ, то является предположеніе, не было-ли у Стефана, Лавренція и Івана Лозокъ еще сестры, которая была замужемъ за Адамомъ Олизаромъ-Волч-

Посесыя потомков его мл. пана Олизара в розные маєтности.

Року тисеча шестсот сорок шостого мѣсяца юня двадцат сегого дня.

На вряде кгородском, в замку его кр. мл. Житомерском, передо мною, Дионизимъ Высоцким, намесником Житомерским, становши очевисте возный енерал воеводств Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского, шляхетный Томашъ Домарацкій, ку записаню до книг нинешъних сознал тыми словы: Ижъ онъ року близко прошлаго тисеча шестсот сорок пятого, мѣсяца юля дней першого и третего, за приданем урядовым, з стороною шляхтою, паном Павлом Завалским и паном Лука-

кевичомъ и получила въ приданое часть Сошниковскаго имѣнія. Въ такомъ случаѣ Адамъ Олизаръ-Волчкевичъ могъ продать женино имѣніе Лободѣ, послѣ гибели Лободы могъ возвратить его себѣ обратно, могъ и судиться изъ-за какихъ-либо межевыхъ споровъ съ шуриномъ. Потомъ, вѣроятно, это имѣніе перешло къ Яну Чернышевскому, потому-что у этого послѣдняго силою отбирала его вдова Лаврентія Лозки Анна Лозкина, какъ это видно изъ слѣдующей записи въ перечнѣ дѣлъ Люблинскаго трибунала подѣ 23 іюля 1624 года: „Między Jwanem Lisowskim pow., a Anną Hulewiczówną Łozczyną pozw., o zabranie, przy gwałtownym zaborze dóbr Sosznikowa sukcesorów Jana Czerniszewskiego, złożonych tam rzeczy pow.—dekret.“ (См. *Żr. dz. t. XXI, str. 340*). Григорій Лобода (подѣ письмомъ къ Яну Замойскому отъ 11 января 1596 г. изъ г. Овруча онъ подписался такъ: Hrehorij Loboda—см. *Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584—1620. Krak. 1868, str. 65—66, № 42*), пзвѣстный сподвижникъ Наливайка, убитый козаками по подозрѣнію въ измѣнѣ въ лагерь подѣ Лубнами, былъ, очевидно, уроженцемъ Переяславскаго побережья; иначе почему-бы онъ вынуждалъ (черезъ мус, кгвалтъ) Адама Олизара-Волчкевича непременно продать ему Сошниковское имѣніе? Можно думать, что первый полковникъ Переяславскій, назначенный Б. Хмельницкимъ, Федоръ Лобода (1649—1653) былъ сыномъ или внукомъ Григорія Лободы.

Какъ приходился Людвикъ Олизаръ-Волчкевичъ Адаму Олизару-Волчкевичу, мы не могли себѣ выяснитъ. Людвикъ Олизаръ-Волчкевичъ умеръ, по показанію Ерлича, 9 декабря ст. ст. 1641 г. въ четвергъ (*Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza T. I, W. 1853, str. 47—48*).

шом Денбѣским, был на справе и потребе урожонных их милостей, панны Анны и панов Яна, Михала и Станислава Олизаров Волчкевичов, потомков славное памети небожчика его мл. пана Людвика Олизара Волчкевича, в местечку и замьку Воронкове и селах до него належачих: Романкове, Рогозове, Салкове, Жеребятине, Процове, Зофиовце и слободце новоосаженой Налауровце и инших принадлежностях, до них принадлежачих, в воеводстве и повете Киевском лежачих, для поданя поссессий водлуг запису, на суму петдесят тисечей... и на заставу в той же сумме вышъ описаной помененных добръ даного, *¹ за вѣсьми до тых добръ пожитками, луками, реками, речками, озерами вступъными и не вѣступъными, з волным ловенем рыб во вѣсих озерах, также з дворами, фолварками, з людьми, боярами, поддаными оседлыми подворисчами, огородниками и подсосудками, з их повинностями, роботами, подводами, чынъшами, подачъками, пенжными, медовыми и осычъными, з кгрунтътами, землями тамечъными пашъными, с полми, сеножатми, с пушчами, борами, лесами, дубровами, гаями, запустами, заростами вшелякими, садами, пасеками, з бортями, з деревом бортным з пчолами и без пчол, з ловы звериными, пташеми, и бобровыми гоны, с потоками, реками, речъками, болотами, ставишчами, ставами, млинами, прудами гробелными, мостовыми, с перевозом на Днепру, озерами,

*¹ Zapis zastawny, zapis zastawy dóbr—такого рода сдѣлка, когда одно лицо занимало у другого сумму денегъ и обязывалось, въ случаѣ не уплаты оной въ опредѣленный срокъ, отдать во владѣніе своему кредитору какую-нибудь часть своего недвижимаго имѣнія до уплаты долга. См. Горбачевскій, Словарь древняго языка, Вильна 1874, стр. 232.

з волным вибиранем поборов, ово згола зо всіми инъ сфера тых добр маетности пожитками, кгрунъ-тами, околичностями, прилеглостями, до них приналежащими и приходячими, ни чого на себе и потомки свои не выймуючи, а ни зоставуючи, роком певнымъ выкупъна в записе означоном, яко о том той запис ширей в себе опевае и завирает. Теды часу, року и дъня выш менованыхъ, зобравъшы всихъ подданныхъ, в тыхъ выш помененых маетностяхъ будущыхъ, оным вшелякое послушенство, подданъство и вшелякие повинъности полънити и чынить росказалъ, которые то подданные заразъ чынить и вшелякую повинъност оддавать вышъ менованым ихъ мл. паномъ Олизаромъ почели и тые добра вышъ менованные местечко Воронъковъ и замокъ тамже будучый, села: Романковъ, Рогозовъ, Салъковъ, Же-ребятинъ, Процовъ, Зофиевъку и слободу Калауровъку и иншие вси прилеглости в посессию, моц, держане и спокойное уживане той же возный подал и поступил, и моцю уряду своего возновъского вышъ речоные добра реалитер интронитовал, которое посессии так там в тых помененых маетностях и кгрунътах, до них приналежащих, яко и тут при книгах ниhto неборонил, а ниhto з давным першимъ правом не одзывал и приповедал, што так, а не иначе, преречоный возный с помененою шляхтою быт сознал, которое то посессии помененый возный не могучи давней до акту подат, частю для хоробы своее, частю для одъяздовъ в Литовские краи, леч тепер, яко найпреудзий, прибывши в тые краи, просил о приняти тое посессии, што отрымал. *¹

*¹ Книга Киев. Центр. Арх. № 17, л. 457, № 360.

Обозрѣвая содержаніе всѣхъ приведенныхъ актовъ и пополняя его показаніями иныхъ, ранѣе обнародованныхъ и болѣе извѣстныхъ, историческихъ источниковъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе заключительные выводы относительно судьбы интересующей насъ мѣстности:

I] Въ княжескую эпоху Переяславская волость (въ лѣтописномъ смыслѣ)*¹ была довольно густо заселена Русскими изъ племени Сѣверянъ.*² По границѣ ея жили, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго (выше, стр. 33—43), Торки или Каратули. Нѣкоторыя изъ поселеній были укрѣплены, обыкновенно землянымъ валомъ съ деревяннымъ срубомъ или частоколомъ по верху его, и носили названіе городовъ;*³ другіе же не были ограждены укрѣпленіями и именовались весями или селами.*⁴ Послѣ Татарскаго погрома 1237 года Переяславская волость начала постепенно пустѣть и за двѣсти лѣтъ съ 1250 по 1450 годъ совершенно запустѣла. Населеніе разбѣжалось, ища спасенія отъ Татаръ въ болѣе защищенныхъ природою мѣстностяхъ Черниговскаго и Кіевского Полѣсся, отчасти же въ сѣверо-восточной

*¹ „И Половцемъ пришедшимъ къ Всеволоду (въ 1135 г.), Всеволодъ же съ братьями своєю, и съ Изяславомъ и Святполкомъ Мьстиславичема, и поидоша воюючи села и города Переяславскій власти и люди съкуще, даже и до Кіева придоша.“—Ипат. стр. 213.

*² Мы полагаемъ такъ на томъ основаніи, что въ позднѣйшее время (напр. въ XVI в.) вся нынѣшняя Полтавская губернія [и въ томъ числѣ Переяславщина] называлась „Сиверскими уходами“, по воспоминанію, конечно, о Сѣверянахъ, которые ранѣе тамъ жили.

*³ См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русского языка, т. I, Спб. 1893, стр. 555—556.

*⁴ „Съ слезами отвѣщеваху другъ къ другу (плѣнники, захваченные Половцами въ 1093 г.), глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“, и другі: „а азъ селъ вси [Ипат. стр. 157: „азъ сего села“].—Лавр. стр. 217—218.

Руси.*¹ Только немногія семьи русскаго и торкскаго происхожденія пріютились на мѣстѣ въ уединенныхъ хуторахъ и пасѣкахъ среди болотъ и лѣсовъ. Развалины существовавшихъ городовъ и селъ получили названія городищъ и селищъ, съ которыми мы и встрѣчаемся въ актѣ 1455 года. Скудно разсѣянные въ лѣсныхъ и болотистыхъ дебряхъ обитатели сохранили преемственность старыхъ топографическихъ названій. Рядомъ съ уцѣлѣвшими на мѣстѣ русскими и торкскими семьями поселились кое-гдѣ и семьи Татаръ, оторвавшихся отъ своихъ ордъ. Находясь подъ постоянной угрозой ордынскаго набѣга, Русскіе не могли остаться земледѣльцами*², а Торки и Татары не могли подъ ихъ вліяніемъ пріучиться къ земледѣльческому занятіямъ, но всѣ вообще жители начали поддерживать свое существованіе тѣмъ промысломъ, который позднѣе получилъ названіе „козацтва“. „Козацтво“ или козацкій промыселъ—это занятіе, противоположное земледѣльческому осѣдлому быту. Польскій писатель XVI-го вѣка, авторъ сочиненія „Kronika Polska“, вышедшаго въ 1597 г., Іоакимъ Вѣльскій—въ одномъ мѣстѣ своего труда весьма точно опредѣляетъ разницу ме-

*1 Напримѣръ, часть жителей города Салькова (въ нашихъ актахъ городище Сальково или Сальковское) ушла, вѣроятно, въ Суздальскую область, потому-что въ нынѣшнемъ Переяславскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи на ряду съ именами уѣзднаго города Переяслава и р. Трубежа встрѣчаемъ и село *Сальково*.

*2 Лѣтописи наши неоднократно упоминаютъ о занятіи кореннаго русскаго населенія земледѣіемъ въ княжескую эпоху. Приведемъ здѣсь одно подобное извѣстіе, относящееся собственно къ Переяславской волости. „Врагъ же роду хрестіянску дьяволъ ражже сердце Игоревн Олговичю (въ 1142 г.), всхотѣ ити в Переяславъ, и пришедъ ста по Стрѣкву, ч много пакости створиша, *села пожгоша и жити попасоша*; и стояша 2 мѣсяца“.—Лавр. стр. 294.

жду „козацтвомъ“ п осѣдлымъ бытомъ, перечисляя тѣ занятія, какія не свойственны „козакамъ“: „Łokietek po ślubie Aldony z Kazimierzem wypuścił więźniów litewskich“, рассказываетъ онъ, „ktorzy z więzienia wyszedszy poczęli robić, siać, orać, kopać, u gospodarstwem żywności nabywać, opuściwszy *Kozactwo*, a stąd wsi na Podlaszu ięli osiadać, gdzie przed tym pustynie były“. *¹ Определение „козацтва“, высказанное І. Бѣльскимъ въ отрицательной формѣ, въ люстраціи Каневского замка 1552 года выражено положительно: „Переказа уходомъ отъ козаковъ. Переказа уходомъ онымъ Сиверъскимъ тыхъ часовъ деется не только отъ татаръ, але большъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичъне тамъ живутъ на мясе, на рыбе, на меду [зъ пасекъ, зъ свепетовъ], и сытять тамъ собе медъ, яко дома.“ *² Не будетъ, кажется, ошибкою предполагать, что приблизительно съ 1250 по 1500 г. скудное население нашей мѣстности вело именно козацкій образъ жизни, хотя самое слово „козакъ“, заимствованное изъ тюркскихъ нарѣчій,*³ не получило еще своего спеціального значенія.

II] На побережьи р. Днѣпра, въ сѣверо-западномъ углу нынѣшняго Переяславскаго уѣзда, между 1455 и 1628 гг. были извѣстны слѣдующія городища, селища и урочища:

а) городища: 1) Старое Покалаурово, 2) Калаурово, 3) Бусурманское, 4) Ярославское, 5) Сальков-

*¹ См. Kronika Polska въ Варшавскомъ изданіи 1830 года (Zbiór pi-sar-zow polskich). Część piąta, Tom XIII, str. 32.

*² См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1. Кіевъ 1886, стр. 103.

*³ Во всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ слово „казакъ“ значитъ: человѣкъ вольный, независимый, искатель приключеній, бродяга. См. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Выпускъ 8, 1896, стр. 364—365.

ское, 6) Глѣбковское, 7) Рогозы, 8) Княгинино;

б) селища: 1) Булатчинъ, 2) Круглое, 3) Сошниково, 4) Процово, 5) Воронковичи, 6) Мшенецъ, 7) Крупяны, 8) Селюбовичи, 9) Томоклятинъ;

в) урочища: 1) болото Карань, 2) озеро Бѣлое, 3) озеро Линово, 4) Ясовскій борокъ, 5) Старое подгородище, 6) Калауровскія подгородища, 7) Степаново поле, 8) островъ Кучуковъ, 9) озеро Мукачово, 10) озеро Литка, 11) озеро Махиня.

Нѣкоторыя изъ этихъ названій несомнѣнно ведутъ свое начало отъ княжеской эпохи. Таковы названія городищъ: Ярославское, Глѣбковское, Княгинино. Въ нихъ повторяются обычные въ лѣтописяхъ названія: городъ Ярославль, городъ Глѣбовъ, городъ Княгининъ. *1 Таково и названіе болота „Карань“, упоминаемое лѣтописями при разсказѣ о пораженіи Святослава Ольговича Переяславскимъ княземъ Андреемъ Владимировичемъ въ 1140 году (Лавр. стр. 292, Ипат. стр. 219).

За то названія: Бусурманское, Калаурово, Покалаурово, Кучуковъ—ясно свидѣтельствуя, что городища и островъ, такъ называвшіеся, находились во владѣніи Татаръ (бусурмановъ) и по этимъ владѣльцамъ получили свои имена [слово „бусурманъ“ или „басурманъ“, искаженное изъ „мусульманинъ“, означаетъ вообще поклонника религіи Магомета, Калауръ и Кучукъ—собственныя татарскія имена] *2.

*1 См. паралл. мѣсто: „Изяславъ же (въ 1159 г.) съ княгинею поиде изъ Гомыяк Вятичемъ, и взя *городъ княгинина* нащитъ Святославлеѣ“.—Ипат. стр. 344.

*2 Калауръ, искаженное изъ караулъ или караулъ=стража; Кучукъ, искаженное изъ кючюкъ=маленькій, незначительный, болѣе низкій, младшій. См. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Вып. 7, 1895, ст. 146, и Вып. 11, 1898, ст. 1493—94.

Остальные названія не обнаруживаютъ столь ясно времени своего происхожденія, хотя очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ княжеской эпохѣ, и если не упоминаются въ лѣтописяхъ, то потому только, что вообще лѣтописи сохранили намъ сравнительно незначительную часть современныхъ имъ топографическихъ названій.

III] Первымъ правильнымъ осѣдлымъ поселеніемъ, которое завелось въ нашей мѣстности при Лозкахъ, была деревня Жеребятинъ (*wieś Żerebiatyn*), упоминаемая въ 1522 году. Нельзя доискаться, почему она получила такое названіе. Вѣроятно, на этомъ мѣстѣ существовало городище или селище Жеребятинъ, не упомянутое въ болѣе древнихъ актахъ. Потомъ, чтобы отмѣтить болѣе старое сравнительно съ другими поселеніями возникновеніе этой деревни, ее стали называть: село Старый Жеребятинъ. Отъ нея вся мѣстность получила названіе: земля Жеребятинская или грунтъ Жеребятинскій.

IV] Между 1522 и 1586 гг., когда наша мѣстность оставалась еще полупустынной, въ ней, какъ и въ другихъ мѣстахъ тогдашнихъ „Сиверскихъ уходовъ“ [нынѣшней Полтавской губерніи], существовали два своеобразныхъ промысла: копацкій и селитренный. О первомъ промыслѣ люстрація Каневского замка 1552 года рассказываетъ такъ: „Переказа отъ Копачевъ. А еще переказуютъ уходомъ инымъ таковымъ же обычаемъ копачи з драбовъ, которые по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопываютъ, ищущи тамъ оброчей а перстений, мощи погребеныхъ выкидываютъ,

на помѣсту за то живымъ и невиннымъ". *1

Селитренный промыселъ заключался въ вываркѣ селитры изъ древнихъ городищъ, селищъ и кургановъ. Селитра требовалась, какъ главная составная часть пороха. Какъ извѣстно, для образованія селитры нужно, чтобы смѣсь скотского навоза и золы съ землею подвергалась продолжительному дѣйствію атмосферныхъ водъ. Какой же видъ этихъ памятниковъ древности могъ особенно привлекать промышленниковъ надеждой на богатую добычу селитры? Мы полагаемъ, что главнымъ образомъ для селитроваренія употреблялись городища-майданы (по народной терминологіи—раскопанныя могилы) и вотъ почему:

В. Б. Антоновичъ полагаетъ, что этотъ типъ городищъ представляетъ до сихъ поръ научную загадку (Кіевская Старина, 1896, томъ LV, стр. 31). Если предположить, что городища-майданы ничто иное, какъ загоны, въ которыхъ древніе насельники нашей мѣстности, какіе-то невѣдомаго племени кочевники, укрывали себя и свой скотъ отъ зимнихъ стужъ, вьюгъ и мятелей, то всѣ вопросы, связанные съ майданами, разрѣшаются какъ нельзя проще. Кольцеобразную форму и небольшой размѣръ давали земляномузагону, чтобы удобнѣе было переложить его стволами деревьевъ и потомъ укрыть хворостомъ или камышомъ; одного выхода достаточно было, чтобы прогнать скотъ на водопой и обратно; валы майдановъ такъ высоки въ настоящее время, потому-что ежегодно средину ихъ очищали отъ навоза, который выбрасы-

*1 См. Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. 1, стр. 103.

валы на окружающій валъ и такимъ образомъ постепенно повышали первоначальную насыпь; побочные валы, отдѣляющіеся иногда отъ майдановъ, служили или добавочными загонами, въ случаѣ многочисленности стада, или защитой отъ снѣговъ, подъ которою располагались кибитки или юрты хозяевъ стада; зола попадала въ навозъ отъ очаговъ, у которыхъ грѣлись и варили пищу кочевники; когда городища-майданы были уже покинуты ихъ первоначальными устроителями, атмосферныя воды въ продолженіе многихъ вѣковъ смачивали эту смѣсь навоза и золы съ землей и такимъ путемъ образовались въ майданахъ богатая селитренныя гнѣзда, добычей которыхъ занялись промышленники XVI вѣка. *1

Кто первоначально занимался добываніемъ селитры въ Лозкинскихъ имѣніяхъ, мы не имѣемъ свѣдѣній. Позднѣе, когда „добра“ Сошниковскія принадлежали подчасному Кіевскому Лаврину Лозкѣ, послѣдній отдалъ право выварки селитры изъ майдановъ (могилъ) нѣкому Переяславскому еврею Шлемъ Юзевичу, какъ объ этомъ свидѣтельствуется слѣдующая запись въ перечнѣ дѣлъ Люблинскаго трибунала подъ 7 мая 1618 года: „Od Ławryna Łożki Szlomie Jozewiczowi, żydowi pereasławskiemu, o zyskach, na tymże żydzie, w sprawie o wypalenie mogiły na salitrę w gruncie dóbr Sosznikowa otrzymanych, przyznany kwitowy—zapis“. *2

*1 См. Źródła dziejowe, t. XXII, W. 1897, str. 349—350, глава: „Saletrnicy“; Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт., кн. VIII, 1894, отд. I, стр. 12—14. замѣтка Н. Н. Оглоблина „Объ употребленіи курганной земли для селитренного варенія“.

*2 См. Źr. dz. t. XXI, str. 223.

V] Дальнѣйшая колонизація нашей мѣстности выходцами съ правой стороны Днѣпра, главнымъ образомъ изъ нынѣшнихъ Радомысльскаго и Житомирскаго уѣздовъ, особенно подвинулась впередъ при Лавринѣ и Иванѣ Лозкахъ съ 1586 года, время владѣнія которыхъ какъ разъ совпало съ стремленіемъ Польскаго правительства заселить пустыни, лежавшія на югъ и востокъ отъ Кіева по окраинамъ государства. *1. Между 1586 и 1624 годами были поселены:

- 1) на селищѣ Воронковцахъ мѣстечко Воронковъ съ владѣльческимъ „замочкомъ“ въ немъ; *2
- 2) на городищѣ Рогозахъ село Рогозовъ;
- 3) на городищѣ Старомъ Покалауровомъ село Старое;
- 4) на селищѣ Сошниковѣ село Сошниковъ;
- 5) на селищѣ Процовѣ село Процовъ;
- 6) на городищѣ Сальковскомъ село Сальковъ.

Между 1624 и 1645 годами возникли: 1) х. Романковъ (нынѣ слился съ мѣстечкомъ Во-

*1 „Konstytucye Seymu walnego Warszawskiego Roku Bożego 1590. W imię Pańskie Amen- Zygmunt III z łaski Bożey Krol Polski etc.—P. 15. Dania pustyni za Białą Cerkwią leżących.—Ukazały Nam to Stany Koronne, że w tak wielkiey szerokości Państw naszych pustych, jaka jest na pograniczu za, Białą Cerkwią leżących, y pożytku ich ani publicum, ani privatum żadnego nie masz, y ztąd żeby odlogiem nie leżały, w pożytek jaki obrócić się to mogło. A tak za pozwoleniem y daniem Nam w moc tego przez wszystkie Stany, ustawujemy, że Nam wolno będzie, w tym to trakcie przerzeczonym, rozdawać te pustynie na wieczność osobom szlacheckiego stanu, zasłużonym Nam y Rzpltey wedle zdania y woli naszej.“—См. Volumina Legum. Изданіе 1859 г. Том II, стр. 318, стол. 1.

*2 Рѣчка, на которой расположенъ Воронковъ, нынѣ называется Пквой. Не указываетъ ли это имя на происхождение его первоначальныхъ поселенцевъ съ Волини, гдѣ протекають двѣ рѣки съ именемъ Пквы: одна впадаетъ въ р. Стырь, а другая въ р. Южный Бугъ?

ронковомъ и составляетъ какъ-бы его предмѣсть), 2) д. Софѣевка и 3) слобода Калауровка, осаженная, вѣроятно, на Калауровскомъ городищѣ.

Всѣ перечисленные поселенія существуютъ и въ настоящее время, за исключеніемъ слободы Калауровки, которая исчезла, — вѣроятно, во время войнъ Хмельницкаго.

VI] Въ актѣ № II отъ 1624 г. (выше, стр. 94—99) есть упоминаніе о *козакахъ*, которые проживали (мешкали) въ имѣніяхъ Александра Сурина и которые, по наущенію Александра Красинскаго, подъ предводительствомъ слугъ Красинскаго Котаревича и Жданкевича и своего атамана Побочѣя, произвели „наѣздъ“ (вооруженное нападеніе) на „замочокъ“ Сурина въ Воронковѣ. Имъ всякій разъ придается эпитетъ „людей своѣвольныхъ“. Упоминаніе это должно быть приведено въ связь съ тѣми извѣстіями о Переяславскихъ козакахъ, которыя мы имѣли изъ люстрацій Переяславскаго староства 1615—16 и 1622 гг. *1 и затѣмъ принято во вниманіе при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о козачествѣ до Б. Хмельницкаго. Въ настоящее время мы ограничимся здѣсь предположеніемъ, что эти козаки были потомками того скуднаго населенія, которое, по нашему мнѣнію, существовало въ Переяславщинѣ въ разгаръ татарскихъ погромовъ съ 1250 по 1500 г. и составилось изъ смѣси Сѣверянъ, Торковъ и Татаръ.

*1 „Wsi żadnych do starostwa tego (Переяславскаго) nie masz, prócz futorów miejskich, których więcej zasieli kozacy, gd yż ich jest w liczbie więcej, a niżeli poddanych posłusznych....—„Między temi poddanymi w siolach mieszkają kozacy, którzy gruntów i wszelakich pożytków zażywają, z których żadnego pożytku i posłuszeństwa nie masz, jest ich więcej niż tysiąc“. См. Źródła dziejowe, tom. V, 1877, str. 106 и 132.

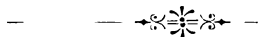
VII] Въ актѣ 1455 г. князь Александръ Владимировичъ приказывалъ: „А пакъ ли бы на котормъ селисчу люде осели, то и тые люде мають быти послушни его (Олехна Сохновича) и счадковъ его, не мовячи (безъ отговорокъ)“. [Выше, стр. 80]. Понятно, что переселенцы изъ-за Днѣпра, устроившіеся на земляхъ Лозокъ, сдѣлались ихъ подданными „зо всемъ ихъ послушенствомъ“ (выше, стр. 92). Наши акты о положеніи подданныхъ выражаются такъ:—актъ 1624 г. (выше, стр. 92): „Подданные тамошние вшелякихъ послушенствъ, што имъ толко урядникъ его мл. розказалъ, робитъ почали и робили“; актъ 1646 г. (выше, стр. 112): „Зобравъшы всехъ подданныхъ, в тыхъ вышъ помененыхъ маестностяхъ будучыхъ, онымъ вшелякое послушенство, подданство и вшелякие повинности полъннить и чынить розказалъ, которые то подданные заразы чынить и въшелякую повинностъ отдавать вышъ менованымъ ихъ мл. паномъ Олизаромъ почели“. Въ томъ-же актѣ нѣсколько выше (стр. 111) перечислены разряды подданныхъ и разные виды ихъ повинностей: возный передаетъ имѣніе Олизарамъ „зъ людми, боярами, подданными оседлыми подворисчами, огородниками и подсосудками, зъ ихъ повинностями, роботами, подводами, чыньшами, подачъками пененными, медовыми и осычъными“. *1

Имѣя въ своемъ распоряженіи рабочую силу, Лозки и ихъ наслѣдники могли измѣнить свое преж-

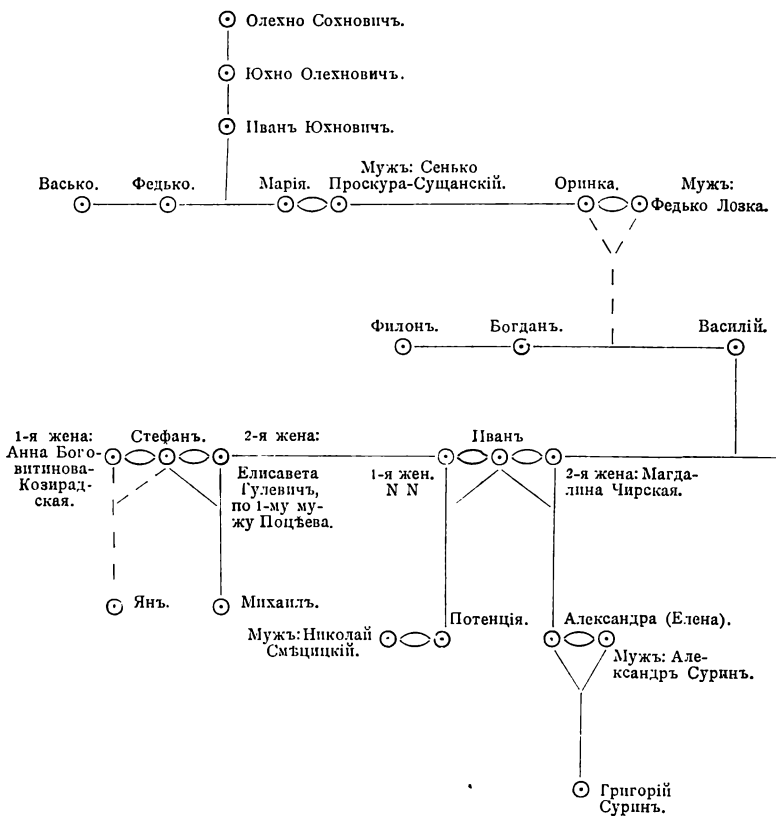
*1 Осычъный, осочный отъ древняго русскаго слова соктъ=розыскъ, отъ котораго и осочникъ=сыщикъ, розыскатель звѣря въ лѣсахъ. Осычная или осочная подачка значить: обязанность отдавать владѣльцу извѣстную часть добытой на охотѣ дичи.

нее бортное, рыболовное и звѣроловное хозяйство на хлѣбопашество, и въ 1624 г. въ имѣніи Сурина въ Воронковѣ возные описываютъ гумно, въ которомъ было собрано 815 копѣ ржи, ячменя и овса, да еще отмѣчены не свезенными съ поля (дѣло происходило 6 сентября нов. ст.) гречиха и горохъ (примѣрно до 300 копѣ и копѣ). Чтобы собрать столько хлѣба, нужно было сдѣлать болѣе 100 десятинъ экономическаго посѣва.

VIII | Въ 1648 г. всѣ владѣльческія права Олizarовъ на Воронковское имѣніе, столь подроб-но описанныя въ актѣ отъ 27 іюня 1646 года, были уничтожены козацкою саблею—„козацкою шаблею скасованы“, въ Воронковѣ появилась козацкая „сотня“ и первымъ Воронковскимъ сотникомъ, по реестрамъ 16 октября 1649 года, былъ Богданъ Крышпенко.

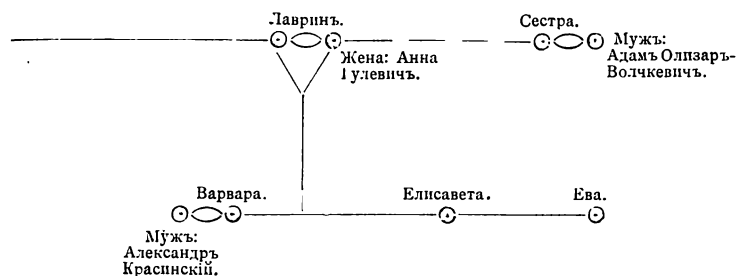
Родословная таблица

NB. Прерывистой чертой обозначены предполагаемые, но не доказанные документами родственные связи.

Сохновичей и Лозокъ.

2-я линія Лозокъ.

*1 Въ Кієво-Михайловскомъ Помянникѣ XVI вѣка мы нашли слѣдующую запись, доказывающую, что Андрей съ братьями были по отчеству Борисовичами: Родъ панее Андрѣевоє *Борисовіча* Лозчины, Анны, Ирины, Стефана, преосвященнаго архієпископа Іосифа и священнаго епископа схимника Моисея, священнаго епископа Арсенія, іерея Сидора, Анастасію (титла нами раскрыты и правописаніе подновлено).

РОДІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДМИТРАШКО, ПОЛКОВНИКЪ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ, И ЕГО РОДЪ.

Лѣтомъ 1665-го года, по тогдашнему въ Брацлавскомъ полку или воеводствѣ, а по нынѣшнему въ южной части Подольской губерніи, появился изъ-за Днѣстра искатель приключеній, сразу обратившій на себя всеобщее вниманіе. Гдѣ онъ родился и въ какой семьѣ, опредѣлить крайне трудно, хотя, судя по тому, что въ теченіе всей жизни онъ писалъ свое крестное имя не въ календарной формѣ *Родіонъ*, а въ юго-славянской народной *Райче* или *Райча*, и что при подписяхъ онъ ставилъ его по венгерскому обычаю, существующему и нынѣ, всегда послѣ фамиліи,—можно думать, что по національности онъ принадлежалъ къ венгерскимъ сербамъ. Изъ подписей на нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ этого человѣка видно, что отца его звали *Григоріемъ*.^{*1} Что касается фамильнаго прозвища *Дмитрашко* или *Думитрашко*, то оно встрѣчается въ Валахіи и Молдавіи въ XVII-мъ вѣкѣ неоднократно. Такъ, напримѣръ, жупанъ и великій стольникъ Думитрашко подписался на завѣщаніи

^{*1} См. Сибирскій Сборникъ, Т. I, Москва 1844 г., Малороссійскія дѣла, стр. 15, 22, 41, 50, 51, 56, 65, 84, 85, 97, 205.

угровалашскаго воеводы Яна-Матвѣя Басараба, составленномъ въ г. Торговищѣ на р. Яломницѣ въ пользу монастыря Папратіи 20-го ноября 1645-го года*¹. Нѣсколько позднѣе, въ 1673-мъ году, какой-то Думитрашко былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и поставленъ отъ нихъ господаремъ въ Молдавію вмѣсто Петрацея*². Волошскій господарь Думитрашко упоминается еще въ 1675-мъ году*³. Очень можетъ быть, что нашъ Дмиташко состоялъ съ этими Думитрашками въ какомъ-нибудь родствѣ. Въ такомъ случаѣ его происхожденіе опредѣляется яснѣе: онъ принадлежалъ, очевидно, къ сербскому семейству, переселившемуся изъ Венгріи въ придунайскія княжества и занявшему здѣсь довольно вліятельное положеніе. Знаменитый современникъ нашего Дмитрашка гетманъ Петръ Дорошенко считалъ его Волохомъ, т. е. уроженцемъ Валахій, и, характеризуя его, какъ дѣятеля, говорилъ, что ему прирождена свойственная Волохамъ страсть сѣять смуту — „волошская баламутня“ *⁴.

Въ 1735-мъ году, Барышевская сотенная и родовая Ратуша выдала бунчуковому товарищу Василию Алексѣвичу Дмитрашку слѣдующій аттестатъ о „племеніи и родствѣ“ Дмитрашкова:

„Року тысяча сѣмьсотъ тридцать пятого мѣсяця февраля третого дня. По указу Ея Императорскаго Величества Самодержици Всероссійской, зъ

*¹ См. Шафарика *Průběh drevního písemnictví Jihoslovanův*. Vyd. 2 1873. Стр. 116.

*² См. Ригельманъ, *Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи*, М. 1847, ч. II, стр. 140—141.

*³ См. *Акты Ю. З. Р.* XII, стр. 235, 239.

*⁴ См. *А. Ю. З. Р.* VIII, стр. 124.

Войсковою Енеральною Канцеллярію къ бунчуковому товаришеву Василю Алексіеву сину Думитрашку Райчи прошлого 1734 году декабря 5 присланному, велено ему, Василю Думитрашку Райчи представить аттестать, почому онъ Думитрашкомъ называется, и онъ, Василь Думитрашко, требоваль отъ Ратуша сотенного городского Баришовского аттестату, отъ старожилонъ и старшини тамошной, понеже прадѣдъ его въ Баришовце жительство имѣвалъ. И мы, ниже именно подписавшіеся Переясловского полку Баришовской сотнѣ такъ козаки, якъ мещане и посполитіе тамошніе, старожилы, симъ нашимъ аттестатомъ кому надлежитъ о его пана Думитрашка Райчи племени и родствѣ знать, и почому онъ, Василь, Думитрашкомъ называется, свѣдѣтельствуемъ, что его, пана Василя Думитрашка, прадѣдъ називался онъ Думитрашко Райча, а *вишелъ зъ Сербіи* въ полкъ Переясловскій, и въ сотнѣ Баришовской жительство имѣющій надъ полкомъ Переясловскимъ полковниковалъ, а привелъ зъ собою зъ Сербіи братанича Марка Думитрашка, а Марковъ отецъ изъ Сербіи не выходилъ; отъ Родіона Думитрашка старого съ трома женами наслѣдія жадного не было, только помянутого племянника Марка Думитрашка женилъ на дочерѣ полковника Лубенского Зеленского*¹ и зъ оною полковниковою дочерью, своею женою, оній Марко Думитрашко сплодилъ синовъ Алексія, Димитрія да Ивана, которіе звалися Думитрашками, изъ которыхъ сыны: зъ стар-

*¹ Дмитрій Зеленскій былъ Лубенскимъ полковникомъ въ 1702—1708 гг., бѣжалъ вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепою. См. Максимовичъ, Собр. соч., т. I, стр. 717.

шого сына Маркового Алексія три сына—Федоръ, да Федоръ другій (малолѣтенъ умре), да сей Василій Алексіевъ же Думитрашко; зъ подстаршого же сына Димитрія Думитрашка родились чтири сины: Андрей, Петро, Владимиръ, да Иванъ Думитрашки; зъ младшого же брата Ивана Думитрашка родился синъ, а какъ ему имя, не знаемъ; да знаемъ тое, что старіи Родіонъ, Марко, и Маркови сны, и Маркови внуки передъ симъ и теперъ Думитрашками називались и називаются, и мы симъ аттестатомъ въ самую сущую правду совѣстно сознаемъ и на ономъ во подлинное вѣроятіе подписуемся козакъ, такъ мещане и посполитіе Барышовскіе, старожилы". (Слѣдуютъ подписи атамана, мѣщанъ, козакъ сс. Барышевки, Селища, Рудницкаго и Власовки, и посвидѣтельствованіе сотника Барышевскаго Симеона Сулимы).

По профессіи Родіонъ Григорьевичъ былъ воинъ, въ военномъ ремеслѣ онъ искалъ для себя источника славы и богатства и, очевидно, что его привела въ Подолію жажда вмѣшаться въ тѣ кровопролитныя схватки, которыя, со смерти Богдана Хмельницкаго, вотъ ужъ болѣе восьми лѣтъ (1657—1665) то и дѣло вспыхивали на поляхъ Украины между Москвой, Польшей и Татарской Ордой или, вѣрнѣе, между жалкими орудіями московской, польской и татарско-турецкой политики,—искателями гетманской булавы. Ни любви къ родинѣ, ни стремленія къ благоустройству ея быта, ни какихъ-либо политическихъ идеаловъ не находимъ мы въ тогдашнихъ малороссійскихъ дѣятеляхъ, не исключая даже и самаго выдающагося изъ нихъ — гетмана Петра Доро-

шенка; одно только личное честолюбіе и ненасытная жажда къ обогащенію заставляли ихъ подвергаться опасностямъ войны и добиваться того положенія, которое наиболѣе могло удовлетворить этимъ инстинктамъ по тогдашнему порядку вещей,—гетманскаго сана. Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи въ это время сѣялъ смуту нѣкто Степанъ Опара, желавшій попасть на гетманство при помощи Поляковъ, въ Чигиринѣ сидѣлъ упрямый въ своемъ несбыточномъ стремленіи сдѣлаться какимъ-то политически-независимымъ малороссійскимъ монархомъ Петръ Дорошенко, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра гетманомъ отъ Москвы былъ Иванъ Брюховецкій, бывший „джура“, по нынѣшнему адъютантъ, Богдана Хмельницкаго, а теперь бояринъ царя Алексѣя Михайловича.

Чтобы занять сколько-нибудь видное мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ, необходимо было не только отличаться личною храбростью, но и опираться на значительную военную силу. Нашъ искатель приключеній позаботился объ этомъ и привелъ съ собою изъ придунайскихъ княжествъ 500 человекъ „товариства хоругвей волоскихъ“, какъ тогда выражались, а вѣрнѣе сказать—разнаго сброда, преимущественно, вѣроятно, изъ южныхъ славянъ, хотя въ тѣ времена всѣ пришельцы въ Малороссію изъ-за Днѣстра безъ отношенія къ ихъ этнографическому происхожденію носили названіе „Волоховъ“ *1 Распооряжаясь этой вооруженной толпой, онъ могъ рассчитывать получить извѣстное значеніе въ глазахъ тогдашнихъ дѣятелей. Оставалось только рѣшить

*1 См. Antoni I. Sylwetki historyczne. Serya VIII, 1892, str. 392.

вопросъ, которая изъ борющихся сторонъ имѣетъ болѣе шансовъ на побѣду при окончаніи военнаго состязанія, и къ которой, слѣдовательно, выгоднѣе примкнуть. Природный умъ и знаніе обстоятельствъ подсказали Дмитрашку, что въ концѣ концовъ побѣдитъ Москва, и вотъ онъ начинаетъ служить ей, не связавши еще себя формальной присягой на вѣрность Московскому царю. Тогдашній Брацлавскій полковникъ Василій Дворецкій съ самодовольствомъ сообщаетъ объ этомъ царскому воеводѣ въ Кіевѣ князю Никитѣ Львову въ письмѣ отъ 21-го августа 1665 г.: „Хотя я не присягалъ его царскому пресвѣтлому величеству, но при вѣрѣ и умерети готовъ есмь при достоинствѣ его царского пресвѣтлого величества, и съ тѣми заодно, яже со мною суть: Дмитрашко, полковникъ, Константинъ, полковникъ Подольскій, Евтифѣй, полковникъ пѣхотный, не такъ, какъ тѣ кривоприсяжцы“ *1.

Первой значительной услугой, которую оказалъ Дмитрашко избранной имъ сторонѣ, былъ перехватъ въ августѣ 1665-го года писемъ, отправленныхъ Опарою къ польскому королю, при чемъ онъ далъ Татарамъ и козакамъ, везшимъ эти письма, „поученіе грозное“ въ Ладыжинѣ (въ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губерніи) и „пословъ Опариныхъ.... ни единого не живилъ и всѣхъ ко Аврааму пустилъ“ *2. Слѣдующей услугой была продолжительная оборона отъ гетмана Дорошенка важнаго въ стратегическомъ отношеніи мѣстечка Рашкова надъ р. Днѣ-

*1 См. А. Ю. З. Р. V, стр. 307.

*2 См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 25.

стромъ въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи*¹.

Матеріальная сила и умѣнье пользоваться обстоятельствами скоро отдали въ распоряженіе Дмитрашка Брацлавскій полкъ, и онъ свилъ себѣ въ мѣстечкѣ Рашковѣ крѣпкое гнѣздо, присвоивъ себѣ и титулъ полковника Брацлавскаго. Фактически онъ, вѣроятно, не выполнялъ по отношенію къ осѣдлому и трудящемуся населенію края служебныхъ обязанностей правителя, какимъ бывалъ всегда въ позднѣйшее время малороссійскій полковникъ. Да и нечѣмъ было управлять тамъ, потому-что край отъ постоянныхъ войнъ превратился почти въ пустыню.

Въ скоромъ времени Дмитрашко счелъ нужнымъ подвинуться съ своей дружиной поближе къ предѣламъ Московскаго государства, отъ котораго онъ могъ ожидать наградъ за свою кровавую службу. Позднею осенью 1665-го года (въ концѣ ноября) онъ пришелъ въ г. Каневъ, а оттуда въ г. Переяславъ. Для зимней стоянки Дмитрашко выбралъ почему-то нынѣшній глуховскій уѣздъ черниговской губерніи. Хотя онъ въ это время принесъ уже присягу на вѣрность московскому государю, однако Брюховецкій не довѣрялъ ему и просилъ у царя разрѣшенія отправить Дмитрашка на службу въ Смоленскъ, но царь совѣтовалъ гетману лучше отправить его обратно за Днѣпръ въ Подолію для защиты отъ непріятелей тамошнихъ городовъ. Брюховецкій распорядился иначе: весною 1666-го года онъ послалъ Дмитрашка съ полкомъ наказать го-

*1 См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 53, 166.

родъ Гомель, отпавшій какъ разъ въ это время отъ Москвы. По возвращеніи изъ Гомельскаго похода Брюховецкій указалъ Дмитрашку съ его коннымъ полкомъ расположиться на квартиры въ окрестностяхъ Остра, Козельца, Борисполя и Воронькова, „чтобы оттуду себѣ и кормъ имали, а непріятелей, естли которые на сю сторону Днѣпра итти имѣли, подстерегали и отпоръ давали“ *1. Въ октябрѣ 1666-го года на Переяславскую сторону Днѣпра дѣйствительно вторгнулись Татары и приверженцы Дорошенка. Козацкіе полковники, вѣрные Брюховецкому и Москвѣ, въ томъ числѣ и Дмитрашко, дали имъ бой подъ Переяславомъ, при чемъ много знатныхъ людей съ обѣихъ сторонъ было убито, а раненый Дмитрашко попался въ плѣнъ. Но вѣрно недолго онъ оставался въ рукахъ враговъ, потому-что всего черезъ годъ, осенью 1667-го года, мы встрѣчаемъ его опять на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ г. Золотоношѣ, которую онъ для чего-то укрѣпляетъ и окапываетъ глубокими рвами. Для зимовки своего „товариства хоругвей волоскихъ“ онъ выбралъ на этотъ разъ окрестности Батурина и Бахмача, въ нынѣшнемъ конотопскомъ уѣздѣ черниговской губерніи. Козаки его вели себя, какъ разбойники, разоряли крестьянъ, били и мучили ихъ, забирали у нихъ деньги и движимость, вслѣдствіе чего крестьяне не могли вносить податей по окладнымъ книгамъ въ царскую казну и „отъ того.... денежному и хлѣбному сбору чинитца недоборъ большой“ *2.

*1 См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 136.

*2 См. А. Ю. З. Р. VII, стр. 12.

Осень 1667-го года осталась для Дмитрашка знаменательною полосою жизни по двумъ событіямъ: въ эту осень онъ принялъ на себя урядъ переяславскаго полковника, остававшійся вакантнымъ съ іюля 1666-го года, послѣ убійства въ Богущковій Слободѣ (золотоношскаго уѣзда) полковника Данила Ермоленка козаками его же полка, и въ эту же осень онъ женился на вдовѣ казеннаго въ Борзнѣ 18 сентября 1663-го года нѣжинскаго полковника Василя Никифоровича Золотаренка, имѣвшей отъ Золотаренка сына Степана и дочь Анну. Съ этого времени и до конца жизни Дмитрашко остался постояннымъ жителемъ Переяславщины. Центромъ, какъ для жительства, такъ и для управленія Переяславскимъ полкомъ, онъ выбралъ мѣстечко Барышевку, руководствуясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь онъ будетъ независимѣе отъ царскаго воеводы, чѣмъ въ г. Переяславѣ, гдѣ постоянно проживалъ послѣдній во главѣ отряда московскихъ ратныхъ людей. Въ Барышевкѣ онъ выстроилъ себѣ собственный домъ, а невдалекѣ отъ нея въ лѣсахъ среди болотъ, образуемыхъ двумя маленькими рѣчками Березанкой и Сухобережицей, онъ завелъ себѣ хозяйственный хуторъ „Бакумовку“. Впослѣдствіи Бакумовская усадьба была укрѣплена валомъ и рвомъ и сдѣлалась родовымъ гнѣздомъ Дмитрашкова.

Когда гетманъ Брюховецкій задумалъ измѣнить Москвѣ, то кажется, что ему сочувствовалъ и Дмитрашко. По крайней мѣрѣ онъ принималъ участіе въ тайной радѣ, созванной Брюховецкимъ, чтобы обсудить выгоду этой измѣны. Смерть Брюхо-

вѣдкаго (въ іюнѣ 1668-го года) поставила, какъ видно, Дмитрашка въ затруднительное положеніе: ему не хотѣлось приставать къ Дорошенку, хотя послѣдній и манилъ его къ себѣ, но и въ отношенія къ Москвѣ вкралось нѣкоторое недоразумѣніе. И вотъ Дмитрашко держится особнякомъ: пригласилъ къ себѣ 20.000 Татаръ, стоитъ съ ними лагеремъ въ нынѣшнемъ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи подъ с. Басанью и подходит по временамъ къ Кіеву, приглядываясь, нельзя-ли отнять его у Мо-сквичей*1.

Между тѣмъ лѣвобережная старшина начала хлопотать въ Москвѣ, чтобы ей было разрѣшено выбрать вмѣсто убитаго Брюховецкаго новаго гетмана, и остановилась на черниговскомъ полковникѣ Демьянѣ Игнатьевичѣ Многогрѣшномъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Дмитрашка, то онъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться о своемъ положеніи съ пріятелемъ—нѣжинскимъ полковникомъ Филиппомъ Уманцомъ, и написалъ ему 11 января 1669-го года изъ Барышевки письмо слѣдующаго содержанія: „Мнѣ зѣло ласкавый пане полковникъ нѣжинскій, пріятелю мой желательный и брате! Предложивъ тебѣ мое, пану и брату, взаимъ обыкновенное поздравленіе, и съ того зѣло утѣшаюсь, егда вижу тебя, пана и брата, купно же его милости пана гетмана Сѣверскаго, его царскаго пресвѣтлаго величества, Демьяна Игнатовича къ себѣ ласкавую склонность и пріятельское желательство, изъ котораго меня писаніемъ своимъ обослати и во всемъ до

*1 См. А. Ю. З. Р. VII, стр. 109, 122.

святаго дѣла предъ себя воспріятаго, въ немъ же Господь Богъ васъ да поблагословить, вѣсно чинити изволяешь; для чего, чтобъ и впредь меня по такому желательству своему не препоминать, такъ радъ бы есмь душею моею къ такому, реку, святому дѣлу подъ его царского пресвѣтлого величества оборону подобіемъ вашимъ приклониться и желательнымъ быти такъ пану гетману, какъ и тебѣ, пану и брату, яко и прежде сего; толко мнѣ того недостаетъ, что не вѣдаю, есть ли панъ гетманъ Сѣверскій уже впрямь есть отъ васъ и ото всей черни войска запорожского, какъ покойный Брюховецкой, за позволеніемъ его царского пресвѣтлого величества, на сей сторонѣ обранъ на гетманскій чинъ, или Дорошенка по прежнему слушати надобно намъ? И для того, мой брате, прошу: изволь мнѣ о всемъ совершенно вѣдомо учинить. При чемъ вы одержаватися будете, а я, за воспріятіемъ вѣдома, буду вѣдать, какъ въ томъ дѣлѣ поступить. А нынѣ пребываю желательнымъ твоимъ, брата моего, пріятелемъ и слугою“ *1.

Вѣроятно, разъясненія Уманца удовлетворили Дмитрашка, потому-что въ началѣ февраля 1669-го года въ Барышевской соборной церкви онъ торжественно присягнулъ вновь на вѣрность московскому государю со всѣмъ „товариствомъ и посполствомъ“ Переяславскаго полка въ присутствіи присланнаго изъ Кіева отъ боярина Шереметева Павла Аристовича Глѣбова. Объ этомъ подробно рассказываетъ самъ Дмитрашко въ письмѣ изъ Барышевки отъ

*1 См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 61.

9 февраля 1669-го года къ бѣлгородскому намѣстнику князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому*¹. Въ Москвѣ оцѣнили вѣрность Дмитрашка, и 19 апрѣля ему была выслана благодарственная царская грамота. Между тѣмъ Дорошенка страшно разсердилъ переходъ Дмитрашка на сторону Многогрѣшнаго, и онъ посылалъ нѣсколькихъ преданныхъ людей, чтобы обманнымъ образомъ арестовать переяславскаго полковника и доставить его въ Чигиринъ; но это не удалось. Не удалась также и попытка приверженца Дорошенка есаула Тимофея Шулики овладѣть Барышевкой и захватить Дмитрашка силою, хотя это обстоятельство сильно безпокоило послѣдняго и лишило его возможности явиться на раду въ Глуховъ (6 марта 1669 г.) для утвержденія въ гетманствѣ Многогрѣшнаго*².

Съ фактомъ избранія Многогрѣшнаго не сразу примирились въ Малороссіи, и нѣкоторые города и мѣстечки продолжали признавать власть Дорошенка*³. Къ числу послѣднихъ принадлежало и мѣстечко Воронковъ въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ, которое еще зимою 1668 - 1669 г. приняло къ себѣ гарнизонъ изъ заднѣпровскихъ козаковъ и знать не хотѣло власти Многогрѣшнаго и Москвы. Въ маѣ мѣсяцѣ 1660 года Дмитрашко съ 5000-мъ отрядомъ двинулся изъ Барышевки къ Воронкову, чтобы взять его приступомъ и избить приверженцевъ Дорошенка. Но воронковскіе казаки храбро защищались, дѣлали постоянныя вылазки, Дмитрашко

*¹ См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 80—81.

*² См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 122.

*³ См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 121.

самъ былъ раненъ изъ пищали въ бокъ на вылетъ и долженъ былъ отступить и расположиться въ с. Глубокомъ въ 3-хъ верстахъ отъ Воронкова*¹. Кажется, что Воронковъ такъ и не былъ взятъ. Между тѣмъ Дмитрашко, радуясь за благополучный для жизни исходъ полученной раны, поѣхалъ въ началѣ іюня поклониться святынямъ Кіево-печерской лавры—„по обѣщанію моему опасенія ради бывшаго“, какъ говоритъ онъ въ писмѣ къ гетману Многогрѣшному изъ Барышевки отъ 9 іюня*². Затѣмъ онъ ходилъ съ отрядомъ покорять мятежные Ромны, но и этотъ походъ окончился неудачно. Роменскіе козаки говорили: „буде гетманъ Демьянъ Игнатовичъ съ войскомъ и великаго государя съ ратными людьми придетъ подъ Роменъ самъ, и они де ему сдадутца, а Дмитрашку де они не сдадутца“. „И Дмитрашкова де полку козаки, поймавъ подъ городомъ животину (скотъ), отошли къ Воронкову“, добавляетъ современникъ*³.

Въ августѣ мѣсяцѣ Дмитрашко сопровождалъ пзъ г. Остра въ г. Кіевъ александрійскаго патріарха Паисія*⁴.

Въ январѣ 1670 г. онъ поѣхалъ къ гетману Многогрѣшному въ Батуринъ съ извѣстіемъ, что Орда взяла въ плѣнъ Юрія Хмельницкаго*⁵. Здѣсь Дмитрашко прожилъ до самой весны. Апрѣля 17-го у гетмана былъ обѣдъ. „А въ тѣ поры“, говоритъ

*¹ См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 212, 213, 230, IX, стр. 22.

*² См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 262—263.

*³ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 23.

*⁴ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 54.

*⁵ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 158.

очевидецъ, „пріѣхали къ гетману всѣхъ городовъ сеѣ стороны Днѣпра полковники, опричь полтавскаго и миргородскаго, поздравлять гетмана съ праздникомъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ. И гетманъ тѣмъ полковникомъ и старшинѣ говорилъ: слышитъ де онъ и многіе къ нему вѣсти доносятца, что де его гетмана всѣхъ городовъ козаки мало любятъ, а будетъ же де и впрямъ его гетмана мало любятъ, и они бѣ де били челомъ великому государю о обраніи иного гетмана и клейноты онъ войсковые уступить тому, кого они себѣ гетманомъ оберутъ; а будетъ де онъ покамѣсть гетманомъ будетъ, и онъ своевольниковъ будетъ усмирять, покамѣсть его мочи будетъ, на томъ де онъ великому государю присягалъ, и не такъ бы де, что Ивашка Брюховецкій, какъ Іуда Христа предалъ, такъ и онъ великому государю измѣнилъ; а онъ де гетманъ обѣщался за великого государя умереть, чтобъ де впредь и по немъ роду его слава была. А покамѣсть де тѣмъ своевольникомъ и не крутица, а опричь де великого государя дѣтца имъ негдѣ. И слыша то отъ гетмана переяславской полковникъ Дмитрашко, ударяся о столъ, говорилъ со слезами: полно де имъ ужъ тѣхъ гетмановъ обирать, и за тѣми гетманами крови христіанской литца! будемъ толко себѣ одного великого государя имѣть неотступно, а своеволниковъ укротать“ *1.

Вторую половину 1670-го года и большую часть слѣдующаго 1671-го года Дмитрашко провелъ у себя въ Барышевкѣ, зорко наблюдая за тѣмъ, что

*1 См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 187.

дѣлается по ту сторону Днѣпра у Дорошенка, и постоянно выслушивая разныхъ лицъ, приходившихъ оттуда. О новостяхъ онъ сообщалъ иногда письменно гетману Многогрѣшному.

Осенью 1671-го года падчерицу Дмитрашка Анну Золотаренкову сваталъ братъ гетмана Григорій Дорошенко. Въ письмѣ изъ Канева отъ 28-го октября къ женѣ Дмитрашка онъ проситъ скорѣе отвѣчать на его предложеніе и въ концѣ нѣжно добавляетъ: „Дѣвицѣ Аннѣ любовь мою при поволности обыкновенной препосылаю и усердно желаю счастливого свиданья съ нею“ ¹⁾. Кажется, что бракъ этотъ не состоялся по политическимъ соображеніямъ.

Между тѣмъ отношенія Дмитрашка къ гетману Многогрѣшному становились все болѣе и болѣе натянутыми. Можетъ быть, сватовство Григорія Дорошенка на падчерицѣ Дмитрашка показалось гетману подозрительнымъ. Дмитрашко съ своей стороны озлоблялся противъ гетмана и не слушалъ его распоряженій. Гетманъ приглашалъ его пріѣхать къ нему въ Батуринъ, но онъ заперся у себя въ Барышевкѣ и говорилъ окружающимъ: „какъ де гетманъ сгубилъ Сомка и Золотаренка, также де и надъ нимъ хочетъ учинить, и для де того онъ и не ѣдетъ къ нему“. Подъ защиту Барышевскихъ укрѣпленій бѣжали къ Дмитрашку жители многихъ мѣстечекъ и селъ Переяславскаго полка. Тогда гетманъ рѣшился наказать ослушника, отставилъ его отъ полковничества и двинулся съ

*1 См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 459.

войскомъ по направленію къ Барышевкѣ, чтобы взять Дмитрашка въ плѣнъ силою. 14-го октября 1671-го года гетманъ выступилъ уже изъ Нѣжина. Между Нѣжиномъ и Барышевкою онъ встрѣтилъ ѣдущаго въ Москву сербскаго митрополита и просилъ его поѣхать въ Барышевку и уговорить Дмитрашка покориться. Но Дмитрашко не поддался на эти увѣщанія, готовился къ отпору, созвалъ въ Барышевкѣ раду и уговаривалъ Барышевцовъ отбиваться отъ гетмана. Но тутъ его постигло разочарованіе: Барышевцы отказывались сражаться. Напрасно онъ обѣщалъ, что, по его приглашенію, явятся на подмогу и король польскій, и коронные гетманы, и Ханенко. Барышевцы не слушали этихъ рѣчей и требовали, чтобы Дмитрашко ѣхалъ мириться съ Многогрѣшнымъ. Онъ было уступилъ и поѣхалъ, но потомъ раздумалъ, и съ дороги вернулся обратно. Тогда Барышевцы заперли передъ нимъ городскія ворота и не пустили его въ городъ. Дмитрашко заплакалъ съ досады, но тѣмъ не менѣе поѣхалъ на встрѣчу гетману въ Басань, взявъ съ собою и жену. Овиту его составляли двѣсти человѣкъ козаковъ „двора его кумпаніи“. Гетманъ Многогрѣшный не принялъ повинной отъ Дмитрашка. Онъ велѣлъ заковать въ цѣпи полковника и прибывшихъ съ нимъ сотниковъ, а „кумпанію козаковъ его велѣлъ по полкамъ разобрать за варту“ (арестовать). На его мѣсто полковникомъ переяславскимъ онъ назначилъ бунчужнаго своего Константина Стрыевского. Самого же Дмитрашка гетманъ повезъ съ собою въ Батуринъ, гдѣ продержалъ закованнымъ подъ карауломъ еще двѣ

ночи, а послѣ того, по просьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ, но велѣлъ ему проживать въ Батуринѣ, не предчувствуя, что этимъ онъ готовитъ себѣ гибель ¹⁾. Сначала отношенія между Многогрѣшнымъ и Дмитрашкомъ какъ-будто наладились; однажды онъ былъ даже „на банкетѣ“ у Дмитрашка и говорилъ собравшейся здѣсь старшинѣ: „Видите ль де вы, какая ко мнѣ великого государя неизреченная милость: по указу его царского величества присланъ де ко мнѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, а у него де стрѣлцовъ въ полку 1000 человекъ“ ²⁾. Потомъ Многогрѣшный услышалъ, будто московское правительство имъ недовольно и хочетъ назначить на его мѣсто гетманомъ полковника Солонину. Тогда онъ началъ съ досады непомѣрно пьянствовать и однажды въ пьяномъ видѣ изрубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ явившагося къ нему Дмитрашка, такъ-что послѣдній долго послѣ того болѣлъ отъ ранъ въ Батуринѣ ³⁾. Дмитрашко не могъ простить этого гетману и началъ усиленно добиваться его сверженія. Онъ сталъ рассказывать, что Многогрѣшный вошелъ въ переговоры съ Дорошенкомъ; что онъ собирается измѣнить царю и поступить подъ власть турецкаго султана; что онъ его, „особливе запровадивши до своєю комнаты, до присяги приводилъ, обѣцуючи полковництво переяславское назадъ вернуть, толко жебы противно его царскому пресвѣтлому величеству поднялся воевать; для чого чотири полки, лубенскій, миргородскій, полтавскій

*1 См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 578, 579, 582, 792, 793.

*2 См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 645.

*3 См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 643.

и переяславскій до Думитрашка, абы въ комендѣ его zostавали, ординовалъ; въ тымъ, для лѣпшое пріязни, свой сагайдакъ и шаблю, котрымъ бы не-пріятеля звитяжалъ, благословилъ и даровалъ“; что онъ его „передъ сырною недѣлею“ позвалъ къ себѣ, снялъ со стѣны икону пресвятыя Богородицы и „кланаясь до земли присягалъ и говорилъ: не измѣни мнѣ, куме, мнѣ самого царя есть указъ Москву рубить“ ¹⁾. Конечно, очень трудно провѣрить теперь, насколько справедливы были рѣчи Дмитрашка, и не были ли онѣ клеветой, придуманной нарочно для того, чтобы уничтожить не-пріятнаго начальника. Въ непродолжительномъ времени Дмитрашко дожилъ до той счастливой минуты, когда въ ночь съ 12-го на 13-е марта 1672 года старшины Петръ Забѣла, Иванъ Домонтовичъ, Иванъ Самойловичъ, Карпъ Мокріевичъ, Филиппъ Уманецъ, Петръ Рославецъ и стрѣлецкій голова Григорій Неѣловъ отправились вмѣстѣ съ нимъ въ гетманскія хоромы, арестовали гетмана, надѣли на него цѣпи и отправили въ Москву, какъ измѣнника. Дмитрашко изъ Батурина поспѣшно отправился въ Курскъ увѣдомить о низложеніи гетмана князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и просить его о присылкѣ въ Батуринъ московскихъ ратныхъ людей для защиты старшины отъ возможныхъ нападеній со стороны приверженцевъ низложеннаго гетмана. Въ Москву онъ не сопровождалъ арестованнаго гетмана, а уѣхалъ 24-го марта 1672-го года къ себѣ въ переяславскій полкъ ²⁾, чтобы за-

¹⁾ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 673, 676, 754, 757.

²⁾ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 725.

хватить въ свои руки отнятую было у него въ пользу Константина Сгрывскаго полковничью власть.

Въ іюнѣ того же года Дмитрашко явился на раду въ Козацкую Дуброву (село въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи, недалеко отъ границы черниговской губерніи) для избранія новаго гетмана—Ивана Самойловича. Когда формальность выборовъ была окончена, то онъ и кіевскій полковникъ Солонина взяли Самойловича подъ руки и поставили его на столъ, а обозный Петръ Забѣла съ другими полковниками поднесли гетману булаву и укрывали его знаменемъ и бунчукомъ. На радѣ въ Козацкой Дубровѣ Дмитрашко получилъ отъ московскаго государя за вѣрность, обнаруженную въ дѣлѣ Многогрѣшнаго, подарки: одинъ сорокъ соболей цѣною въ 60 рублей, одну пару соболей цѣною въ 10 рублей и 10 аршинъ гладкаго атласа ¹⁾. На присяжномъ листѣ и подѣ статьями, принятыми на радѣ, Дмитрашко почему-то не подписался собственноручно; его подпись сдѣлана такъ: „переславской Дмитряшко Райча; въ его мѣсто руку приложилъ его жъ полку козакъ Кирило Бувайло“ ²⁾. Между тѣмъ изъ прилагаемаго къ настоящей статьи факсимиле его подписи и изъ извѣстія, что 30-го января 1673-го года онъ писалъ письмо въ Сосницу къ гетману Ивану Самойловичу „своею рукою, волоснымъ писмомъ“ ³⁾, мы знаемъ, что онъ былъ грамотнымъ. Для объясненія этой странности оста-

¹⁾ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 952.

²⁾ См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 907.

³⁾ См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 160.

ется предположить, что Дмитрашко во время Козако-дубровской рады не владѣлъ еще рукою послѣ ранѣ, нанесенныхъ ему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ бывшимъ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ.

Зиму 1672—1673 гг. Дмитрашко проводилъ дома въ Барышевкѣ, слѣдя по обыкновенію за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону Днѣпра у Дорошенка, и дѣлясь своими свѣдѣніями съ гетманомъ и съ московскими воеводами въ Малороссіи. Въ январѣ 1673-го года гетманъ Самоіловичъ приглашалъ его пріѣхать въ Сосницу повидаться съ нимъ и съ ѣхавшимъ изъ Москвы въ Кіевъ княземъ Трубецкимъ. Дмитрашко отвѣчалъ письмомъ отъ 30-го января, въ которомъ онъ между прочимъ объясняетъ, почему не можетъ пріѣхать: „хотя бы и самыя большіе имѣлъ домашніе недосуги, и тѣ бы всѣ на сторону, для привѣтствованія и встрѣчи такъ высокопочтенные и у великаго государя нашего, его царского пресвѣтлаго величества, знатные особы его милости господина боярина и воеводы кіевскаго, князя Юрья Петровича Трубецкого, отставивъ, не столю на второе, отъ милости твоей господской ко мнѣ въ Барышевку присланное письмо, но и на прежней листъ къ отцу Симеону Адамовичю, протопопу нѣжинскому и иченскому, о томъ же писанный, поспѣшеніемъ съ охотою моею, чего себѣ отъ души желаемъ, радъ бы есмь до боку милости твоей государьской учинити; но какъ я на-помянулъ въ писмѣ моемъ о моемъ неспособномъ здоровьѣ, и о великой болѣзни вожной, и отъ той болѣзни избы перетти не могу, удержало меня, и

нынѣ тою жъ скорбію лежу“. Но зато онъ обѣщалъ, что „боярина де и воеводѣ встрѣтитъ онъ съ полкомъ своимъ отъ Кіева въ ближнихъ мѣstechъ“ *1. Обѣщаніе это не осталось пустымъ словомъ, и онъ проводилъ князя Трубецкого до самаго Кіева, куда они прибыли 13-го февраля. Здѣсь на слѣдующій день видѣлся съ Дмитрашкомъ московскій дипломатическій агентъ, подъячій Семенъ Щоголевъ, посланный съ цѣлію уговаривать каневского полковника Якова Лизогуба и другихъ полковниковъ отступить отъ Дорошенка, а самого Дорошенка, если онъ поддастся на это,—отступить отъ султана. Дмитрашко рассказывалъ Щоголеву, что Лизогубъ живетъ съ нимъ въ дружбѣ и хотѣлъ сватать за своего сына падчерицу его Анну Золотаренкову, но что гетманъ Дорошенко съ митрополитомъ Тукальскимъ отговорили Лизогуба отъ этого намѣренія, ссылаясь на то, что Дмитрашки—люди богатые и спесивые, будутъ пренебрегать имъ; что сынъ Лизогуба женился на дочери гетмана Дорошенка въ январѣ (1673 г.) и Дорошенко съ конвоемъ въ 1.000 человекъ пріѣзжалъ въ Каневъ на свадьбу; и что онъ, Дмитрашко, постарается переманить Лизогуба на московскую сторону, тѣмъ болѣе, что Лизогубъ не доволенъ бракомъ своего сына и говоритъ: „такое со мною учинилось, чего моя душа никогда не желала“ *2. Щоголевъ остался очень доволенъ своими разговорами съ Дмитрашкомъ и подарилъ ему отъ имени царя двѣ пары соболей. Дмитрашко принялъ подарокъ съ благоговѣніемъ,

*1 См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 122—126.

*2 См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 162—63.

благодарилъ великаго государя за милость, кланялся до земли и, смотря на образъ пресвятой Богородицы, говорилъ: „По Господѣ Божѣ вся надежда на него, великаго государя, и за его государскую премногую милость о всякихъ его государскихъ дѣлахъ радѣти и за его великаго государя умирати готовъ“ *1. Послѣ того Дмитрашко уѣхалъ въ Барышевку, условившись позвать туда Щоголева, когда онъ снесется съ Лизогубомъ. 19 февраля Дмитрашко прислалъ уже въ Кіевъ козака, приглашая Щоголева ѣхать въ Барышевку, „не мѣшкая“. Здѣсь Щоголевъ выслушалъ 28-го февраля длинное показаніе побывавшаго у Лизогуба грека Павла Ростанова и велъ съ Дмитрашкомъ продолжительные политическіе разговоры, сводившіеся къ тому, что, по мнѣнію Дмитрашка, если московскій государь захочетъ добиться спокойствія въ Малороссіи и присоединенія праваго берега Днѣпра, то онъ долженъ съ наступленіемъ весны (1673г.) собрать какъ можно большее войско и предпринять вмѣстѣ съ гетманомъ походъ въ Крымъ, ударить на Татаръ дома, въ ихъ землѣ, и такимъ образомъ лишить ихъ возможности поддерживать Дорошенка и его сторонниковъ; такой походъ, въ случаѣ побѣды, повлечетъ за собою паденіе Дорошенка, отвлечетъ Турокъ отъ вмѣшательства въ малороссійскія дѣла и дастъ возможность добиться отъ Польши, которая будетъ бояться испытать участь Крыма,—уступки Кіева съ воеводствомъ въ вѣчное обладаніе Москвы. Это мнѣніе могло интересовать Щоголева,

*1 См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 163—164.

какъ выраженіе политическихъ взглядовъ мѣстныхъ людей, но положительныхъ результатовъ поѣздка его не принесла *¹.

Прекрасныя отношенія къ московскому правительству не помѣшали Дмитрашку хлопотать въ Польшѣ о томъ, что особенно могло его интересовать при его богатствѣ и политическомъ значеніи, — о дворянствѣ. Дворянство, въ смыслѣ сословія людей благороднаго происхожденія, существовало только въ Польшѣ, и вотъ Дмитрашко обратился туда за дворянской грамотой. Нѣтъ надобности предполагать, что Дмитрашко измѣнялъ ради этого московскому царю и передавался Польшѣ, и что „нобилитація“ являлась наградой за измѣну. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ никогда не рѣшился бы на подобный шагъ, живя въ мѣстности тяготѣвшей къ Москвѣ, и имѣя много выгодъ отъ службы московскому правительству. Въ приобрѣтеніи польскаго дворянства онъ видѣлъ просто средство выдѣлиться изъ толпы и хлопоталъ о немъ такъ, какъ въ наше время хлопочутъ иные о полученіи иностранной орденской ленточки. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что сеймъ въ Варшавѣ, на которомъ было утверждено за Дмитрашкомъ шляхетское достоинство, происходилъ въ январѣ 1673 года (съ 4-го числа)*², а королевская грамота, удостоверяющая это пожалованіе, датирована 25-мъ февраля*³ того же года, т.е. что всѣ формальности обличенія Дмитрашка шляхетствомъ имѣли мѣсто какъ разъ

*¹ См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 186—195.

*² См. Vol. Legum, изд. 1860, т. V, стр. 79.

*³ См. Русскій Архивъ, 1875, т. II, стр. 403, ст. А. М. Лазаревского.

въ то время, когда самъ онъ былъ занятъ сопровожденіемъ князя Трубецкого въ Кіевъ и переговорами съ подъячимъ Семеномъ Щоголевымъ и, слѣдовательно, не могъ принять никакого личнаго участія въ хлопотахъ по этому дѣлу. Очевидно, что онъ поручилъ эти хлопоты другому лицу. По этому предмету есть два извѣстія. Нѣкій Степанъ Кунцкііі, котораго обвиняли въ томъ, будто онъ ѣздилъ въ Польшу выхлопатывать шляхетство для себя и для Дмитрашка, на допросѣ въ Батуринѣ показывалъ: „не вѣдомо, для чего тамъ Дмитрашка, подданного царского величества и желательного господину гетману нашему, господа рѣчь посполитая шляхтичемъ учинили, и я де объ немъ тамъ не билъ челомъ, будто де тамо братъ его двоюродной отъ нѣколиканадесяти лѣтъ въ корунѣ полской былъ, будто тотъ билъ челомъ“.*1 Въ упомянутой выше королевской грамотѣ отъ 25 февраля 1673 г. сказано, что „клейнотъ шляхетства полского“ даруется Дмитрашку „за особливою рекомендаціею благороднаго Михайла Ханенка, гетмана войскъ нашихъ запорожскихъ“. Какъ бы то ни было, Дмитрашко сдѣлался шляхтичемъ, а „благородный Александръ Кладнѣцкій, ротмистръ придворной корогвы козацкой“, допустилъ его „до гербу своего *Сасъ*“, потому-что гербомъ „всякому шляхтичу полскому защищать и украшать себя надлежитъ“. Это обстоятельство очень удивило современниковъ. „Зѣло и мы съ господиномъ гетманомъ пріудивляемся“, пишетъ нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ къ боя-

*1 См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 332

рину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, „что господа поляки, имѣя съ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ поприсяженое перемирье, подданныхъ его великого государя шляхтичами чинять.... Не отъ чего иного, токмо отъ зависти то господа поляки учинили, оболгивая всѣхъ насъ къ царскому величеству, и тому нѣчему вѣрити, государь Артемонъ Сергѣевичъ“ *1.

Всю зиму 1673—74 гг., и изъ Барышевки и съ похода, предпринятаго по приказу гетмана Самоіловича противъ Дорошенка, Дмитрашко аккуратно сообщалъ воеводѣ князю Юрію Петровичу Трубецкому всякаго рода полптическія новости, которые могли ему пригодиться*2.

Съ весны 1674 года, послѣ Переяславской рады, началось рѣшительное наступленіе соединенныхъ гетманскихъ и московскихъ силъ на чигиринскаго гетмана Дорошенка и союзныхъ съ нимъ турокъ и татаръ. Дмитрашко, какъ храбрый и опытный военачальникъ, около 10 лѣтъ служившій уже вѣрно московскому государству, поставленъ былъ во главѣ отдѣльнаго отряда съ титуломъ наказного гетмана. Ему были даны полки: переяславскій, полтавскій, миргородскій, гадяцкій и лубенскій а на правомъ берегу Днѣпра, куда онъ отправлялся, приказано ему было сойтись съ тамошними полками: черкасскимъ, каневскимъ, уманскимъ и торговцкимъ, да

*1 См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 332—333.

*2 См. Сибирскій Сборникъ, Дѣла Малороссійскія, стр. 17, 23, 41, 51, 56, 65, 85, 95, 97 [письма отъ 17 и 22 сентября, отъ 22 октября, отъ 12 и 22 ноября и отъ 9 декабря 1673 г. помѣчены „з Барышевки“, а письма отъ 28 января, отъ 2 и 5 февраля 1674 г. помѣчены: „з табору з Золотоноши, з табору з Подходяковъ, з табору подъ Черкасами].

съ охочими полкамъ. Всего козацкаго войска подъ командой Дмитрашка собралось до 20.000. Къ этому отряду присоединилось два московскихъ полка съ 15-ю пушками подъ начальствомъ полковника рейтарскаго строя Беклемишева. Въ маѣ мѣсяцѣ войско это стало лагеремъ въ окрестностяхъ м. Смѣлой (въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ кievской губ.). Далѣе Грабянка повѣствуетъ*1: „Въ тое-жь время вѣйшолъ зъ Криму въ двадесяти тысячахъ Орди нѣкій Солтанъ на-ново Дорошенку въ помочъ, и согласившись зъ Андреемъ Дорошенкомъ, даби подъ Смѣлою всячески розбити Дмитрашка, взявши полки Сердюковъ, Компанѣю и Чемереси, идоша подъ войско тайно, и не доходя Дмитрашка, нечаянно найдоша подъ Орловцемъ на полки случившіеся: гадяцкій, уманскій, торговицкій, на нихъ же Андрей Дорошенко и Солтанъ, всѣми своими войски нечаянно нападше, крѣпко удариша. Но помощію Божіею, мужественно чрезъ долгій часъ отбивающимся, не возмогша что дѣлати; а тимъ временемъ, Дмитрашко, получивъ о стрелбѣ нѣкую вѣсть, яко найскорѣе, комонно зъ войскомъ тамо-жь приспѣлъ и Татаръ понадъ Ташликомъ и Дорошенка тако поразили, что даже густимъ трупомъ на чтири милѣ поле услали и многихъ Татаръ и козаковъ живихъ взяша“. Этотъ бой извѣстенъ у современниковъ подъ пазваніемъ сраженія подъ Орловцомъ (нынѣ селеніе черкасскаго уѣзда); онъ происходилъ 30 мая (9-го іюня).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1674 года гетманъ Самой-

*1 См. Лѣтопись Грабянки, Кіевъ 1854. стр. 214—15.

ловичъ съ княземъ Ромодановскимъ перешли черезъ Днѣпръ и подступили къ Чигирину. Дмитрашка съ бывшими при немъ полками они отправили „на защищеніе края поддѣстрянскаго“^{*1}, такъ какъ до нихъ дошли вѣсти, что „непріятель креста святаго, се есть татары и турки, изъ Волоскіе земли на сю сторону Днѣстра подъ города украинскіе подбѣгаючи, тотъ край пустошитъ и въ людехъ упадокъ чинитъ“. Походъ начался въ концѣ іюля. Въ началѣ августа Дмитрашко сталъ лагеремъ надъ р. Горнымъ Тикичемъ, около с. Буки, въ нынѣшнемъ уманскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и послалъ своего наказного Войцу Сербина съ 2.000 козаковъ къ р. Бугу въ подѣздъ. Войца перешелъ р. Бугъ у Ладыжина, соединился съ полковникомъ Мурашкою и разбилъ скопище Турокъ и Татаръ. Пятсотъ непріятелей нашли смерть на полѣ брани, а пятнадцать знатныхъ Турокъ попались въ плѣнъ. Но тогда подступили большія силы Турокъ и Татаръ и осадили отряды Мурашки и Войцы Сербина въ Ладыжинѣ (гайсинскаго уѣзда подольской губ.). Въ день Преображенія (6-го августа) козаки Войцы Сербина вырвались изъ городка, переправились черезъ р. Бугъ, убѣжали въ расположенный противъ Ладыжина лѣсъ и черезъ два дня соединились съ главнымъ отрядомъ Дмитрашка. Узнавъ отъ нихъ о превосходствѣ непріятельскихъ силъ, Дмитрашко отступилъ сначала къ Лысянкѣ, а затѣмъ къ Корсуню. Самойловичъ, узнавъ объ отступленіи Дмитрашка, сталъ хлопотать въ Москвѣ о присылкѣ подкрѣпленій. Между тѣмъ Му-

^{*1} См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 545.

рашка заперся въ Ладыжинѣ, выдержалъ продолжительную осаду и, наконецъ, погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ подъ ударами превосходнаго сплани непріятеля.

Хотя Самойловичъ съ Дмитрашкою находились въ какомъ-то свойствѣ, однако въ концѣ 1674-го года между ними вышли, вѣроятно, какія-нибудь недоразумѣнія, и Дмитрашко былъ лишенъ полковничества, потому-что на письмѣ отъ 13 января 1675-го года къ гетману переяславскимъ полковникомъ подписанъ уже Войца Сербинъ *¹. Такимъ образомъ Дмитрашко почти семь лѣтъ (1667—1674) занималъ полковничій урядъ. Маленькій перерывъ въ его управленіи полкомъ былъ только зимою 1671—1672 гг., когда онъ былъ арестованъ гетманомъ Многогрѣшнымъ и былъ временно замѣненъ бунчучнымъ Константиномъ Стривскимъ.

Съ этого времени Дмитрашко не возвращался болѣе на полковничій урядъ, но зато занялъ выдающееся положеніе, какъ знатный войсковой товарищъ. Главный вѣсъ давало ему, конечно, его богатство. Не даромъ гетманъ Дорошенко говорилъ о супругахъ Дмитрашкахъ, что они люди богатые и спесивые, когда отговаривалъ каневского полковника Якова Лизогуба отъ намѣренія женить сына на падчерицѣ Дмитрашка Аннѣ Золотаренковой. Частію путемъ „заимки“, частію покупкою и захватомъ у козаковъ *² собралъ онъ въ своихъ рукахъ огромное пространство земли въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губерніи, на кото-

*¹ См. А. Ю. З. Р. XII, стр. 21—22.

*² См. Лучицкій, Сборникъ матер. для исторіи земель и угодій, Кіевъ 1884, стр. 17—27, 149—154, особенно стр. 153.

ромъ расположились селенія: Семеновка, Березань, Недра, Корнѣевка, Парышковъ, Лукаши, Лукьяновка, оба Круполы (Великій и Малый), Войтово, Пилипчичи, Ярешки, Лехновка, Малая Березанка и Жуковка. Пользуясь разными случаями, онъ хлопоталъ себѣ на эти маетности и гетманскіе универсалы, и даже царскія грамоты (1674 и 1688 г.). Въ настоящее время въ дачахъ этихъ селеній по даннымъ генеральнаго межеванія числится 59.207 десятинъ земли. Если изъ этого количества исключить около 20.000 десятинъ земли козачей, которая и въ XVII вѣкѣ принадлежала уже козакамъ, то окажется, что Дмитрашко владѣлъ пространствомъ въ 40.000 десятинъ. Центромъ этихъ владѣній былъ хуторъ „Бакумовка“. Частью этихъ земель пользовались „посполитые“ крестьяне Дмитрашка и зато отбывали въ пользу владѣльца „панщину“ и доставляли ему извѣстное количество живности и сельскихъ продуктовъ (чиншъ)*¹. На другой свободной части выпасывались принадлежавшія владѣльцу стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ лѣсахъ, которыми густо поросли берега протекавшихъ по владѣніямъ Дмитрашка рѣчекъ, Недры и Березанки, располагались владѣльческія пасѣки, служившія въ тѣ времена источникомъ большихъ доходовъ. Все это недвижимое имущество давало, конечно, возможность своему владѣльцу и собрать значительные денежные капиталы въ „червонцахъ“ и „талярахъ“, по тогдашнему порядку денежнаго обращенія, и снабдить свой домъ всякаго рода движимостью въ видѣ одеждъ, посуды, оружія, сбури

*1 См. Лазаревскій, Посполитые крестьяне, Черниговъ 1866, стр. 34—35.

и проч. Кромѣ того не мало вещей пріобрѣталъ, вѣроятно, Дмитрашко во время своихъ походовъ по праву войны. Есть извѣстіе, что онъ занимался также торговлею съ греческими купцами *¹ и, конечно, торговые обороты также увеличивали его благосостояніе. Но кромѣ богатства, Дмитрашка выдвигали впередъ и его личныя качества: храбрость, боевая опытность, провицательный умъ и знаніе политическихъ отношеній.

Все вышеизложенное дѣлаетъ вполне понятнымъ, что Дмитрашко не могъ примириться съ оффиціальнымъ устраненіемъ отъ служебной дѣяльности и началъ стремиться къ низверженію того человѣка, отъ воли котораго зависѣло это устраненіе, т. е. гетмана Самойловича. Онъ былъ гордъ и высоко цѣнилъ себя, а потому находилъ, что онъ можетъ быть гетманомъ съ такимъ же правомъ, какъ и Самойловичъ. Этимъ объясняется участіе его въ двухъ заговорахъ противъ Самойловича, въ 1676-мъ и въ 1682-мъ гг.

Заговоръ 1676 года составилъ изъ слѣдующихъ лицъ: нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, генеральнаго писаря Карпа Мокріевича, полковниковъ Петра Рославца, Лазаря Горленка и нашего Дмитрашка. Заговорщики имѣли въ виду убить гетмана и приверженную къ нему старшину („пана судію и пана бунчучнаго“), отложиться отъ Москвы и выбрать новаго гетмана. Относительно Дмитрашка одинъ изъ участниковъ, протопопъ Симеонъ Адамовичъ, показывалъ на слѣдствіи: „Дмитрашко мѣючи зо мною сполне на все совѣтъ

*¹ См. Мотыжинскій Архивъ, Кіевъ 1890, стр. 129,

далъ на томъ слово и говорилъ мнѣ, що я его милость пана гетмана потрафлю застрѣлити съ пистолета, у войску; повторе, онъ же Дмитрашко хвалился—йти въ Запороги и тамъ бунтовати“. Относительно будущаго, по тому-же показанію, были слѣдующія предположенія: „Привѣвши всѣ тѣ наши намѣренія до skutku, на томъ постановились ми, же южъ не подъ царского величества рукою, но съ ханомъ крымскимъ житы, якъ Хмельницкій живъ; а вже тое вчинили быми, хотъ Дорошенко, хотъ Дмитрашко, хотъ Рославецъ мѣвъ бы быти гетманомъ, то подъ ханскою рукою жити“. Заговоръ этотъ не имѣлъ для Дмитрашка никакихъ послѣдствій *1

Второй заговоръ задуманъ былъ, повидимому, Поляками съ помощью только Дмитрашка. Единственнымъ училищемъ его являлся Барышевскій поповичъ „Хвесько“ (Федоръ), который, какъ на первомъ допросѣ 5 декабря 1682 г. въ присутствіи Переяславской полковой старшины, такъ и на второмъ допросѣ 22 января 1683 г. въ присутствіи присланныхъ отъ гетмана Самойловича особыхъ уполномоченныхъ, рассказывалъ слѣдующее:

„Оставивши домъ отца, я пошелъ учиться въ Кіевъ, а изъ Кіева съ студентомъ Иваницкимъ постранствовалъ во Львовъ, а оттуда съ Константиномъ Меєодіевичемъ зашелъ въ Краковъ и тамъ видѣлъ погребеніе умершаго короннаго гетмана князя Дмитрія (Вишневецкаго?). Въ Краковѣ я поступилъ на службу къ слугѣ новаго короннаго гет-

*1 См. Мотыж, Арх. стр. 118—121.

мана Яблоновскаго—Станишевскому, съ которымъ былъ въ Тереховѣ и подъ Бучачемъ. Когда однажды я увидѣлъ, что коронный гетманъ, отправляя Кучинскаго въ польскіе города по военнымъ дѣламъ, далъ ему связку писемъ къ Дмитрашку съ приказаніемъ передать ихъ черезъ Искрицкаго въ собственныя руки Дмитрашка, на котораго, какъ выражался гетманъ, отъ короля польскаго „не лихій вѣтръ повѣваетъ“, то я поблагодарилъ Станишевскаго за службу, присталъ къ Кучинскому и поѣхалъ съ нимъ въ Дымеръ (мѣст. Кіевскаго уѣзда), а оттуда мы объѣхали вмѣстѣ все города, въ которыхъ были порученія. Письма къ Дмитрашку были переданы Кучинскимъ Искрицкому, а Искрицкій передалъ ихъ мнѣ и строго приказалъ, чтобы я, выбравши время, отдалъ ихъ въ собственныя руки Дмитрашку. Наканунѣ отъѣзда моего въ Барышевку, за ужинкомъ у Искрицкаго сидѣли Семенъ, тамошній пѣхотный полковникъ, и Софроній, монахъ Межигорскаго монастыря; разговаривая съ ними о положеніи дѣлъ за Днѣпромъ, Искрицкій сказалъ: „удивляюсь я немало, что Дмитрашко до сихъ поръ тамъ не заколотитъ; мы такъ въ немъ увѣрены, что каждый часъ этого ожидаемъ“. Когда я пріѣхалъ въ Барышевку, то не засталъ Дмитрашка дома; Барышевскій сотникъ послалъ меня разыскивать пана полковника, и я, выѣзжая изъ дому, писемъ съ собою не взялъ, а завернулъ ихъ въ платокъ и спряталъ въ отцовской хатѣ въ стрѣху. Пана полковника мы нашли за Десной въ с. Куковичахъ, и онъ сталъ меня спрашивать, не привезъ-ли я какихъ-либо писемъ. Въ то

время я не сознался относительно писемъ и меня отправили къ господину гетману. Въ скоромъ времени я вернулся опять въ Барышевку, засталъ Дмитрашка дома и вечеромъ въ субботу 19-го ноября, выбравши подходящее время, я вручилъ ему письма. Получивши ихъ, Дмитрашко строго приказалъ мнѣ никому ничего о нихъ не говорить, потому-де, что дѣло это—уголовное; „если я услышу, что ты что-нибудь разболталъ объ этихъ письмахъ, то я собственноручно отрублю тебѣ голову“, добавилъ Дмитрашко поповичу. Того же вечера въ субботу Дмитрашко выѣхалъ на ночь въ Бакумовку“.

Показаніе поповича „Хвеська“, хотя и не опровергнутое Дмитрашкомъ, дастъ только указаніе на какія-то сношенія Дмитрашка съ Поляками, но несколько не выясняетъ, какіе именно замыслы имѣлъ Дмитрашко противъ гетмана Самоіловича. Подобнаго показанія было-бы недостаточно для обвиненія человека въ измѣнѣ, если бы не существовало закоренѣлой вражды Самоіловича къ Дмитрашку. Но въ данныхъ условіяхъ обвиненіе сочтено было доказаннымъ, и угодливый гетману судъ приговорилъ Дмитрашка къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Приговоръ суда былъ посланъ изъ Переяслава на утвержденіе гетмана въ Батуринъ, а между тѣмъ Дмитрашку данъ былъ извѣстный срокъ на устройство домашнихъ дѣлъ. 31-го января 1683 г. получена была конфирмація отъ гетмана и казнь назначена была на понедѣльникъ 5-го февраля^{*1}. Какъ удалось вывернуться Дмитрашку

^{*1} См. Мотыж. Арх. стр. 123—129.

изъ этого критическаго положенія и избѣжать смертной казни, мы не знаемъ. Можно только представить себѣ, въ какой мѣрѣ разгорѣлась въ немъ съ этого времени ненависть къ виновнику всѣхъ пережитыхъ тревогъ—гетману Самойловичу! Тѣмъ не менѣе прошло еще четыре года, прежде чѣмъ судьба помогла Дмитрашку свести свои счеты съ ненавистнымъ гетманомъ.

Съ весны 1687 г. начался такъ называемый крымскій походъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына. Малороссійское войско соединилось съ московскимъ на поляхъ между р. р. Орелю и Самарою. Въ числѣ участниковъ похода, какъ знатный войсковой товарищъ, былъ и Дмитрашко. Изъ монографіи покойнаго Н. И. Костомарова „Руина“ извѣстны всѣ подробности этого похода *¹. Достаточно выяснено, что Самойловичъ явился очистительной жертвой за чужія ошибки и что на него свалили вину за всѣ тѣ бѣдствія, которыя претерпѣло соединенное малороссійско-московское войско отъ зноя, безводья, степныхъ пожаровъ и т. д. Когда негодованіе противъ гетмана достигло высшей степени, князь Голицынъ приказалъ привести его къ себѣ въ шатеръ. Дмитрашко, находившійся тутъ-же, хотѣлъ ударить гетмана саблей, но князь Голицынъ остановилъ его и сказалъ: „онъ приведенъ сюда, чтобы судить его, а не для того, чтобы убивать его безъ суда, незаконно“. Сначала бояринъ сообщилъ гетману въ короткихъ словахъ, въ чемъ его обвиняють, а затѣмъ, не смотря на то, что гетманъ все отрицалъ и выражалъ

*¹ См. Руина, изд. 1882, стр. 665 и слѣд.

готовность оправдаться передъ судомъ, объявилъ, что такъ какъ онъ негоденъ войску, то отрѣшается отъ гетманскаго уряда. Гетманъ былъ посаженъ подъ караулъ и Дмитрашко могъ наслаждаться паденіемъ своего самого заклятаго врага.

25 іюля 1687 г. въ лагерѣ на Коломакѣ избранъ былъ новый гетманъ—Иванъ Степановичъ Мазепа. Со свойственною ему вкрадчивостью онъ постарался привлечь на свою сторону такого храброго и опытнаго дѣятеля, какимъ былъ Дмитрашко. Но хорошія отношенія сохранились, кажется, не долго. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по вступленіи въ должность гетмана, Мазепа послалъ его въ Москву, яко-бы съ порученіями, а на самомъ дѣлѣ, чтобы отъ него избавиться. Здѣсь видѣлъ его знаменитый генералъ Патрікъ Гордонъ и рассказываетъ о немъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „18 мая 1688 г. прибылъ въ Москву Переяславскій полковникъ Дмитрашко по поводу одного пустого проекта; онъ былъ хорошо принятъ и передъ нимъ очень притворялись. Между тѣмъ въ засѣданіи Тайнаго Совѣта было рѣшено задержать его въ Москвѣ, чтобы лишить его возможности поднять возстаніе противъ Мазепы и возбудить беспорядки, такъ какъ онъ былъ очень дѣятельный человекъ и не былъ особенно хорошо расположенъ къ гетману. 19 іюня Переяславскій полковникъ Дмитрашко противъ всякаго ожиданія былъ отпущенъ. Гетманъ написалъ, что для предотвращения беспорядковъ на Украинѣ его слѣдуетъ подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ задержать въ Москвѣ. Однако онъ нашелъ средство открыть себѣ обратный путь. И въ Москвѣ считали благоразум-

нымъ возможно болѣе полковниковъ сдѣлать независимыми отъ гетмана (Мазепы) и не позволять, чтобы нынѣшній гетманъ (Мазепа) опять получилъ такое значеніе и такую силу, какими пользовался предыдущій (Самойловичъ)*1.

Возвратившись домой въ Переяславщину, Дмитрашко съ помощью племянника своего Марка Дмитрашка принялся мстить одному также изъ злѣйшихъ враговъ своихъ, бывшему передъ избраніемъ Мазепы офиціальнымъ полковникомъ Переяславскимъ (1682—1687), Леонтію Полуботку. Онъ посылалъ своихъ людей разбивать пасѣки Полуботка, разорять строенія въ его дворахъ, забирать рыбу изъ его рыболовенъ, захватывать его воловъ и лошадей, вывозить муку изъ его мельницъ и т. д. Во главѣ посылаемыхъ людей становился иногда племянникъ его Маркъ Дмитрашко, который и заслужилъ за это названіе „явнаго грабителя и на чужіе дома нападателя“. Леонтій Полуботокъ обратился къ защитѣ гетмана Мазепы и послѣдній послалъ генеральнаго судью, Михаила Вуяхевича, съ нѣкоторыми другими лицами въ Переяславъ разобрать жалобы Полуботка на Дмитрашкова. Обвиненія противъ нихъ подтвердились, и судъ 18 декабря 1688 г. присудилъ, чтобы Дмитрашки вознаградили Полуботка за причиненные ему убытки. Въ случаѣ неисполненія судебного приговора они должны были заплатить въ войсковую казну „тысячу талярей вини“*2.

*1 См. Tagebuch des generals Patrik Gordon. Veröff. durch Posselt. 2 B. Spb. 1851, S. 218, 220. Очевидно, пользуясь пребываніемъ въ Москвѣ, Дмитрашко исклоноталъ себѣ подтвердительную царскую грамоту на маестности отъ 26 іюня 1688 г.

*2 См. Мотыж. Арх. стр. 130—135.

Съ этого времени Родіонъ Дмитрашко сходитъ съ политическаго поприща. И времена измѣнились, и старость не располагала уже къ прежней удалой, безпокойной жизни. Какъ спутники старости, пришли религіозное настроеніе и стремленіе богоугодными дѣлами загладить грѣхи жизни и приготовить примиреніе съ Богомъ въ загробномъ мірѣ. Поэтому съ этихъ поръ встрѣчаются только извѣстія о немъ, какъ о строителѣ и благодѣтелѣ храмовъ. Въ концѣ 1680-хъ годовъ по какимъ-то связямъ съ Золотоношей онъ обстроилъ вновь находящійся въ 4-хъ верстахъ отъ нея Красногорскій монастырь^{*1}, а въ началѣ 1690-хъ годовъ соорудилъ онъ церковь у себя въ Бакумовкѣ, нынѣ упраздненную. Въ музеѣ церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи хранятся двѣ громадныя иконы изъ иконостаса этой церкви съ слѣдующими любопытными надписями: на одной иконѣ значится:—„(Ив)ан Миславскій року Божого 1693 (1693) мѣсяца“..., на другой—„жертвою пана Радиона Думитрашка—Райчи за пана (Ни)колая старости Березанского, Михаила Паліенка (Пилипенка?) сотника“^{*2}... Онъ былъ также фундаторомъ Троицкой церкви въ м. Барышевкѣ.

Умеръ Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко въ хут. Бакумовкѣ около 1705 года глубокимъ старикомъ послѣ сорока-лѣтней кипучей дѣятельности въ предѣлахъ Малороссіи (1665 – 1705). До насъ дошло его духовное завѣщаніе, которое мы и приводимъ

*1 См. Максимовичъ, Собр. соч. т. II, 1877, стр. 378.

*2 См. Извѣстія церк. арх. Общества за 1879 г., Кіевъ 1880, стр. 80.

здѣсь цѣликомъ, какъ интересный историческій документъ:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Святыя живоначальныя и нераздѣлимыя Троицы, да будутъ сие нижеименованныя рѣчи ку вѣчной памяти, аминь.

Я Дмитрашко Райча (=Родіонъ), бывший полковникъ Переясловскій, чиню вѣдомо и явно признаю тимъ остальной волѣ моей добровольнымъ тестаментомъ вшелякому суду и праву, теперъ и напотомъ будущому,—будучи подъ державою пресвѣтлѣйшаго монархи, Его Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексѣевича, всея Великия, и Малыя, и Бѣлыя Росей Самодержца, и подъ отческимъ защитомъ и ласкою милосердною ясне вельможного гетмана войскъ Запорожскихъ Его Милости пана Іоанна Стефановича Мазепи зостаючи. Отъ которого мѣсце всеподлѣйшимъ заслугамъ и працамъ моихъ (=признаніе гетманомъ Мазепою моихъ ничтожныхъ заслугъ и трудовъ), зъ молодости моей ронячимся за гоноръ престола столицы великороссийской, въ экспедиціяхъ военныхъ давно зоставшимся, побудило (подлежащее: мѣсце) ласковость Его Вельможности, абыхъ при давнихъ привѣлѣяхъ вѣчно достоблаженной памяти въ дни царствующаго царя Алексѣя Михайловича зоставалъ на убогихъ маетностяхъ моихъ спокойне, а особливе на грунтахъ, которіе я нажилемъ съ кривой моей праці. Теди на мое прошеніе его вельможного пана милость ухадатайствовала тым своим попеченіемъ, жемъ подтвержденную повторную грамоту и от сегодне царствующаго щастливе Монархи, Царя и Великого Князя Петра Алексѣевича,

и блаженное памяти брата его Іоанна Алексѣевича, Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества, благодарнѣе принялемъ. А теперь, видячи сближеніе моего вѣку, а будучи на тѣлѣ моемъ болѣзнью знятимъ, въ которой же сподѣваючися близко ку смерти, а нежели ку животу, попецаю напродъ душу мою въ руцѣ Божиѣ, а тѣло мое грѣшное земли, которое погребомъ христіанскимъ абы было поховано, а въ которомъ мѣстцу устная на тое есть моя назначенная воля; а що за душу мою на монастырѣ и церкви на поминание раздадутъ, туж, въ семь testamentъ, не именую реестромъ; подастся, и черезъ панюю мою тое исполнится, що кому дается. А позосталому добру моему таковое чиню распоряженіе: ижъ, решпектуючи я на великую зичливість и ронячиися противо мене пради панѣ малжонки моей Анастасіи Максимовны и на тое взираючи, жемъ на будинки Березанские и Баришовские и на инние многіе росходи надтратилемъ оной же суми, легкую ей, панѣ моей, зъ внукомъ моимъ Дмитріємъ Марковичемъ двуръ Бакумовский со всѣми господарскими принадлежностями, якъ въ себѣ имѣеть, зъ около него (найдуючимися кгрунтами, то-есть, зъ лѣсами, гаями, полями, сѣножатми и зъ млинками подъ Бакумовкою на рѣчкѣ Березанцѣ стоячими, такъ же и млинъ еденъ съ трома каменями, а другій млинъ зъ двома колами и зъ ступникомъ на нашой греблѣ за Березанью [панѣ отъ Барышовского приезде переднѣй, а Дмитріевъ отъ Семенчикъ села тие кола]. О Войтовской греблѣ и лѣсу Войтовскомъ же не вспоминаю, бо малжонка моя мѣеть то за власніе свои грошѣ. До того тежъ и

двори Баришовские зъ солодовнею, съ фольваркомъ Бекляковскимъ и зъ огородами, лѣсъ Протопопскій и съ хуторомъ, где небожчиковская пасѣвка бывала, и грунтъ Масюкувскій и иніе гаи купленные, тамъ же за пасѣкою застаючіе, и млиновъ два, на греблѣ Баришовской застаючіхъ, отъ Бабича и Мокиевского купленныхъ,—малжонце моей зъ Димитріемъ. Млинъ засъ третій, также на греблѣ Баришовской, зъ двома колами, отказую на церковь Святую Троицу Баришовскую, презъ мене фундованную, вѣчно, подъ такою кондиціею, абы зъ оного млина частей двѣ приходовъ ишли на церковь Божую, а третья часть и въ потомніе часи священникови, который колвекъ при томъ святомъ храмѣ будетъ zostавати. Маеть оный третиною пожитковать и мене, Радіона, и всѣхъ сродниковъ моихъ, въ синодику Свято-троицкомъ вписанихъ, поминать. Такъ-же що отъ рухомихъ рѣчей, въ сребрѣ, въ фантахъ, стадо кунское, товаръ рогатий, вувцѣ, що есть, все тое малжонце моей подаю, волно оной, якъ хотѣти, онимъ владѣти. А Димитрій, безъ вѣдома и позволенія паней малжонки моей, тихъ добръ а нѣ продавати, а нѣ даровати не повиненъ. Волно будетъ панѣ малжонци моей съ того ему, яко синовѣ своему, що хотячи удѣлити. Панѣ Алексѣвой зъ детми ея, якъ давно поданъ двуръ въ Березани зъ грунтами, отъ мене купленными, полями, лѣсами, сѣножатми и греблею Березанскою и иними рѣчами, въ реестру семъ, который при тестаментѣ будетъ припечатаний, вираженными,—тое оной у вѣчное владѣніе вручаю. Иванови Марковичови двуръ Переясловскій зъ грунтами, а млинъ подъ Яготиномъ,

въ Лѣснякахъ, лекгую. А хто бы важился по смерти моей тестаменти албо записи фалшивие на субстанцію мою до якого суду и права презентовати, того я отнюдъ не знаю, бо нѣкому не давалемъ на добра мои а нѣ тестаментовъ, а нѣ записовъ; тилко повторяю: остальной волѣ моей даю тотъ мой добровольный тестаментъ, виражаючи, абы оный ни отъ кого не былъ а нѣ разоренный, а нѣ касованный; а що ся кому наменило изъ доброй волѣ моей, абы на томъ zostавали [каждое на томъ перестаючи, якъ ся више наменило] и, жадныхъ правныхъ заводовъ не чинячи, контентовалися; а костей моихъ абы не нарушали, подъ запрещеніемъ Суда Божого и подъ клятвою Святыхъ Богоносныхъ Отецъ запрѣщаю. А що ся виражило въ початку сего тестаменту ведлугъ маєтности тоей Березани зъ селами,—зъ премногой Монаршой милости и особливимъ отческимъ ясневельможного отца и добродѣя моего, Его Милости Пана Гетмана, исходатайственнымъ попеченіемъ и вложеніемъ Его Панской Милости отческомъ, за кривавие военние служби мои оттримавши повторную грамоту Монаршую, я на тихъ маєностяхъ zostавалемъ и до сихъ временъ держалемъ оные зъ его отческой, премилостивого моего добродѣя, ласки и імѣлемъ при моей старости въ подпору тую маєность. Остатней моей диспозиціи на тогожъ премилостивого пана, Его Панской Милости, ласку спускаючи, и жекгнаючи сей свѣтъ, и всѣмъ ихъ милостямъ, особамъ, zostающимъ при Его Панской Милости, остатний отдаючи мой поклонъ, найпокорнѣйше прошу, аби тие маєности Березань зъ прилеглими селами отъ моего двора, и малжон-

ки моей, и внука моего Дмитрія Марковича за роненіе въ войску пради мои не була отдалена. Такъ же що ся отъ мене дало Алексѣсѣ Забѣловнѣ, моей же невѣстцѣ, сюль чтири, и тие съ тоей же премилостивой добродѣйской милости, абы при ней ненарушнѣ зоставали, многократно прошу. Писанъ сей тестаментъ въ Бакумовцѣ року Ψ Д (=1704) мѣсяца іюля 11 дня при презаднихъ особахъ, которихъ особъ будутъ имена подписани зъ притисненіемъ печатей каждого рукою власною зъ особна. Дмитрашко Райча рукою власною. По желанію и прошенію Его Милости пана Думитрашка писалъ сей тестаментъ я, Андрей Петровичъ, священникъ Троецкой, намѣстникъ протопопія Боришпольской, рукою власною.

Николай Мосцѣцкій, протопопа Переясловский, на томъ тестаментѣ руку подписалемъ.

Будучи я притомний къ сему тестаментовѣ, руку мою подписую Симеонъ Мировичъ, полковниченко Переясловский.

Я будучи притомнимъ при семъ тестаментѣ Иванъ Берло, сотникъ Воронковский и наказный на тотъ часъ въ Переясловлю полковникъ, руку мою подписую.

Григорій Богославский, атаманъ городской Переясловский.

Будучи притомними и ми урядовіе Барышовскіе на томъ же тестаментѣ подписуемся руками своими Ісай Денѣсовичъ, атаманъ городской Барышовский

Я Данило Ивановичъ, писаръ мѣскій Барышовский, Евстафѣй Андрушенко, мещанинъ Бары-

шовский, при томъ же тестаментѣ застаючи, кти-
торъ святой Троицы, яко неумѣтный писма, презъ
писара Баришовского подписуюся.

Я Андрей Рудавинский, мещанинъ Баришов-
ский, при томъ тестаментѣ руку подписую.

Свѣдоми и притомни будучи того жъ теста-
менту и я, Марко Кулишенко, на тотъ часъ на-
казнимъ сотникомъ будучи, подписуюся, Иванъ
Савущенко, войтъ Баришовский, якъ презъ Бари-
шовского писара имя свое подписую, такъ и пе-
чать мѣскую казalemъ притиснути.

Я, Яковъ Киселенко, мещанинъ Баришовский,
при томъ декретѣ руку подписую.

о о о о о о [Мѣста печатей].

Въ року $\Psi\kappa$ (=1702) я, Думитрашко Райча
що далъ в посессію пану Алексѣю Марковичу для
памяти списую напродъ.

Двуръ въ Березанѣ, на которомъ свѣтлицъ
двѣ съ ковнатами и третья съ ковнатою и пекарною.

Сѣлѣ въ подданство чотиры:

Семенчичы село, въ которомъ было пятьдесятъ
человѣка и три.

Село Лехновцѣ, въ томъ було тридцать чело-
вѣка и чотири.

Село Ярешки, и въ томъ було шѣстнадцать
человѣка подданихъ.

Село Пилипчиць и в томъ было человѣка
девять.

Далъ греблю Березанскую, на которой клѣ-
токъ чотири, а колъ девять.

Далъ грунта в трохъ рукахъ, в жадной части

отъ люду до люду булоб где орати, а особливе сѣножати.

Лѣсъ який с пасѣкою купивши ему отдалъ.

Гай, якъ одержалъ отъ Безбородченка, ему далъ.

Гай за рѣкою, зовемою Недрою, купивши отъ Крамаренка Березанского, тамъ же и другой, купленный, — ободва ему далъ.

Подварокъ небожчика Марка ему данний въ Березани.

Товару рогатого и овецъ. Пятьдесять рогатого, з якихъ и воловъ два плуги, небожчику Марковѣ отъ мене даннихъ, ему достало, а овецъ такожъ далъ полтретяста.

Коней четверо, одинъ з рондомъ и сѣдломъ, другой из сѣдломъ, а два и безъ сѣделъ, - тие подавалъ ему.

Сукнѣ. Кунтушъ злогоглавий, соболями подшитый, зъ гузиками щирозлотными, кошту шестсот золотихъ безъ дванадцяти, далъ ему.

Другий кунтушъ аксамитный, такожъ соболями подбитый, съ потребками злоцѣстими, кошту золотихъ полпятаста, далъ ему.

Третий кунтушъ жолтогогоронций табыновий, соболями подшитый, кошту сто двадцять талярей, и той ему далъ.

Жупанъ злогоглавий, зъ гузиками злоцѣстими, кошту сѣмъдесять талярий, ему далъ.

Жупанъ червоний атласовий, китайкою подшитый, кошту сѣмъдесять золотихъ, ему далъ.

Жупанъ лудановий, кошту золотихъ полпятадесять, ему далъ.

Злогоглаву штуку, за вoсѣмѣдесять талярей купивши, и отдалъ.

Поясъ черкизскій, за двадцать талярей купивши, далъ ему.

Шабель двѣ: одна за суму талярей сорокъ, другая, отъ пана полковника Миргородского за палашъ мѣлъ, подъ оправою пестрозлоцѣстою, — тии далъ ему.

Роструханъ великій злоцѣстий и чарку такожъ великую пестрозлоцѣстую отдалъ ему.

Шапокъ оксамитнихъ соболцевыхъ двѣ ему далъ

Баволницъ двѣ, за одну пятьдесятъ талярей, за другую двадцать талярей, обѣ двѣ ему подавалъ.

Поясъ злоцѣстий в гривенъ шесть, що далъ Марчисъ небожчикъ, ей (=Анастасіи Стефановнѣ, женѣ Алексѣя Дмитрашка) позосталось.

Перстенки. Два перстенка з шафирами по сорокъ талярей. Третій перстенокъ такожъ за шафѣромъ доколо рубинами осаженъ; цѣна талярей сорокъ пять. Четвертій перстень зъ шмарагдомъ, талярей двадцать пять цѣна. Пятій перстень зъ шмарагдомъ, такъ же тилко дияментами около осаженный, и тихъ каменцовъ дияментовыхъ вoсѣмъ.

А що далъ сребра в рожнихъ судинахъ небожчику Марковъ, тое на три части зъ собою они подѣлили (т. е. сыновья Марка: Алексѣй, Дмитрій и Иванъ).

Фундушъ отъ ясневельможного добродѣя виправивши, млинъ поставивши на греблѣ Березанской, и той имъ отдалъ.

Дуката далъ ему (Алексѣю Марковичу?), въ которомъ червонихъ золотихъ двадцать пять.

Сагайдакъ дадемъ оправній, за который дадемъ талярей пятьдесятъ.“

Хотя Родіонъ Григорьевичъ былъ женатъ три раза—въ первый разъ, какъ рассказано выше, на вдовѣ казеннаго нѣжинскаго полковника Золотаренка, во второй разъ неизвѣстно на комъ, а въ третій—на какой-то вдовѣ Анастасіи Максимовнѣ, родомъ изъ г. Козельца, но собственныхъ дѣтей у него не было. Наслѣдниками его имени и состоянія явились сыновья его племянника Марка Дмитрашка, Алексѣй, Дмитрій и Иванъ. Отъ нихъ пошли позднѣйшіе Дмитрашки, присоединившіе, по недоразумѣнію, крестное имя своего двоюроднаго дѣда *Родіонъ* въ сербской народной формѣ *Райча* или *Райче* къ фамильному прозвищу, такъ какъ они, очевидно, не знали, что подпись его *Дмитрашко Райча* объясняется только привычкой къ венгерскому обыкновенію писать имя послѣ фамиліи. Прозвище „Думитрашко“ или „Дмитрашко“ укрѣпилось за Родіономъ Григорьевичемъ, вѣроятно, въ Молдавіи и Малороссіи, но самъ онъ, какъ видно, считалъ болѣе правильнымъ называться по сербски: *Дмитровичемъ*, по крайней мѣрѣ на сохранившемся до настоящаго времени перстнѣ его съ гербовою печатью вокругъ герба выгравирована надпись: *Родіонъ Дмитровичъ*.

Кажется, что и послѣ переселенія въ Малороссію Родіонъ Григорьевичъ продолжалъ держать своихъ родныхъ сербскихъ обычаевъ. Мы, на примѣръ, документально знаемъ, что онъ справлялъ домашній праздникъ „Крсно име“, который былъ установленъ въ его семействѣ въ день 19-го

октября на память св. Іоанна Рыльского. Въ письмѣ къ Кіевскому воеводѣ князю Юрію Петровичу Трубецкому изъ Барышевки отъ 22 октября 1673 года онъ выражался такъ: „Дня 19 октября подчасъ отправованья праздника моего, уставленнаго на святаго преподобнаго отца Іоанна Рыльского, прибылъ до мене, въ Барышевку, Янъ Николаевичъ Гречинъ, которой умыслне од насъ до Ясѣ, для вестей, посыланый былъ.“ *1.

Оцѣнивая общественную дѣятельность Дмитрашка, мы не должны, конечно, смотрѣть съ точки зрѣнія нашихъ теперешнихъ идеаловъ, а обязаны взглянуть на нее глазами его современниковъ. Съ тогдашней точки зрѣнія онъ былъ несомнѣнно не только умнымъ и дѣятельнымъ, но и полезнымъ для общества человекомъ. Изъ многихъ частныхъ его жизни видно, что онъ былъ крѣпко убѣжденъ въ необходимости для малороссійскаго народа сліянія съ Москвой, чтобы послѣдній могъ сохранить основу своей жизни—православную вѣру, и глубоко ненавидѣлъ гетманскій режимъ, который открывалъ широкій просторъ для всевозможныхъ личныхъ честолюбій и интригъ. Эти убѣжденія раздѣляла вся масса малороссійскаго народа, и кто проводилъ ихъ въ жизнь, тотъ, безъ сомнѣнія, являлся человекомъ полезнымъ и могъ рассчитывать на популярность. Если онъ сносился иногда съ поляками и добивался отъ нихъ нѣкоторыхъ выгодъ, напр. шляхетства, то при этомъ онъ не поступался своими коренными убѣжденіями, а пользовался только оплошностью поляковъ, чтобы ихъ перехит-

*1 Синбир. Сборн., Малор. дѣла, стр. 40, докум. № 36.

рить, или съ ихъ помощью насолить какому-либо непріятному человѣку. Жажда наживы, мстительность по отношенію къ врагамъ и страсть къ кознямъ, которыя такъ непріятно поражаютъ насъ въ Дмитрашкѣ, были настолько присущи людямъ того грубаго и расшатаннаго въ нравственномъ отношеніи вѣка, что за нихъ нельзя осуждать въ частности Дмитрашка. Здѣсь онъ не составлялъ только исключенія въ лучшую сторону.

Мы знаемъ теперь важнѣйшія жизненные занятія героя нашего очерка: военные походы, сношенія личныя и письменныя съ тогдашними политическими дѣятелями, борьба съ личными врагами и, наконецъ, имущественныя и торговыя дѣла съ ихъ сдѣлками, расчетами и пр. — заполняли его, такъ сказать, рабочее время. Затѣмъ оставался еще досугъ. Часть его уходила на „банкеты“ съ обильными возліяніями Бахусу, какъ это было въ обычаѣ того времени, когда держались поговорки Владимира Св. „Руси есть веселіе пити“ и пили подолгу и неумѣренно. Но Дмитрашко не принадлежалъ къ „піякамъ“, какъ тогда выражались. Съ другой стороны онъ былъ настолько малограмотенъ, что врядъ-ли имѣлъ библіотеку и могъ читать что-либо, кромѣ Часословца, Псалтири и другихъ богослужебныхъ книгъ. Между тѣмъ въ немъ, какъ и въ другихъ людяхъ того времени, должны были быть извѣстныя эстетическія потребности, которыя влекли-бы ихъ къ наслажденію поэзіей, музыкой и пѣніемъ. Я полагаю, что потребностямъ этимъ удовлетворяло слушаніе пѣвцовъ думъ — кобзарей. Для Дмитрашка подобное провозженіе вре-

мѣнѣ должно было быть привычнымъ, такъ какъ у него на родинѣ въ Сербіи *пјевач* составлялъ всегда необходимый элементъ общественной жизни *1. Вѣроятно, въ его *компанѣ* на ряду съ *довбишами*, о которыхъ дошло до насъ случайное извѣстіе въ актахъ Бориспольскаго мѣйскаго уряда, были и кобзари, можетъ быть, изъ тѣхъ-же отуземившихся сербовъ, которые въ числѣ 500 человекъ *товариства хорогвей волоскихъ* пришли съ Дмитрашкомъ изъ Молдавіи въ 1665-мъ году...

Воспоминаніе о дѣятельности Родіона Григорьевича, навѣянное чтеніемъ малороссійскихъ хроникъ, вдохновило въ пятидесятихъ годахъ XIX вѣка одного изъ жившихъ тогда Дмитрашковъ (Тимоосенъ Ивановича) на слѣдующее стихотвореніе „До предка“, по-малорусски:

Дожилая Бакумовка	Тутъ полковныкъ Думи-
До самого краю!	трашко
Була вона колысь гарна,	Боронывъ гряныци.
Мовъ куточокъ раю;	Утикалы Орда, Ляхы,
Тутъ вельможниі живалы	Мовъ одъ орла, птыци.
Паны на всю губу;	Громывъ винъ врагивъ
Воны славу добувалы	лютыхъ,
Ворогамъ на згубу.	Де зъ ными спидкався;
Тутъ гарматы невгомони	Злый татарынъ, ляхъ
День и ничъ гремилы,	зрадлывый
Католики й бусурманы,	Зъ опалу жахався.
Мовъ трясця, тремтилы.	

*1 См. Введеніе въ сочиненіе Дозона *L'épopée serbe*, Paris 1888.

ковымъ товарищемъ. Кромѣ того онъ владѣлъ селами Козловомъ и Студениками во второй полковой Переяславской сотнѣ. Постояннымъ мѣстомъ жительства Марка Дмитрашка было мѣстечко Великая Березань. Умеръ онъ, какъ видно, молодымъ, въ 1690-мъ году, оставивъ на попеченіи дяди трехъ малолѣтнихъ сыновей: Алексѣя, Дмитрія и Ивана. Для воспитанія этихъ сиротъ с. Малая Березанка была оставлена, по милости Мазепы, во владѣніи Родіона Григорьевича, какъ это видно изъ слѣдующаго Мазепинскаго универсала:

„Пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, ихъ царского пресвѣтлого величества, войска запорожского гетманъ Иванъ Мазепа.

Ихъ же царского пресвѣтлого величества войска запорожского пану полковникови Переяславскому, зо всею его полковою старшиною, сотниковѣ Яготинскому, атамановѣ, войтомъ, товариству и посполитимъ людямъ, в той сотнѣ найдующимся, ознаймуемъ, ижъ, маючи мы певноеть, же небожчикъ Марко, братаничъ пана Думитрашка Райчи, з ласки нашей войсковой держалъ село Березанку в своемъ завѣдованью, теперъ з певнихъ респектовъ пуцаемъ в держанье и в зупольное завѣдованье до ласки войсковой пану Думитрашку Райчѣ, для выкормленія небожчиковскихъ Марковихъ дѣтей, в опецѣ его пана Думитрашка застающихъ, о якой волѣ нашей вѣдаючи, абы нѣхто зъ старшины полковой и з товариства не важилъся ему, пану Думитрашку, наименшой перешкоды в держанью того села помененного и в отбиранью з него всякой повинности чинити, а

войтъ зъ селянами тяглими, людми Березанскими, опрочъ козаковъ, жебы во всемъ послушными были и повинность належную неотмовне отдавали оному, яко державцѣ своему, пилно приказуемъ. Данъ въ Батурцѣ нѣ (18) марта 4471 (1691) года“ *1. Въ 1731 г. Малая Березанка (9 дворовъ) была утверждена за Андреємъ Дмитріевичемъ Дмитрашкою *2.

2) Алексѣй Марковичъ Дмитрашко былъ любимѣйшимъ изъ внучатныхъ племянниковъ Родіона Григорьевича. Когда онъ достигъ брачнаго возраста, то Родіонъ Григорьевичъ задумалъ выискать ему богатую и знатную невѣсту, и выборъ его остановился на дочери Нѣжинскаго полковника Степана Забѣлы, Анастасіи. Чтобы привлечь родителей невѣсты къ согласію на этотъ бракъ, Родіонъ Григорьевичъ обѣщалъ, что онъ отдастъ Алексѣю Марковичу и его женѣ свой Бакумовскій дворъ и всѣ другія имѣнія. Но потомъ обстоятельства измѣнились. Самъ Родіонъ Григорьевичъ женился въ третій разъ на вдовѣ Анастасіи Максимовнѣ, у которой была дочь отъ перваго брака. На этой дочери женился второй изъ сыновей Марка, Дмитрій Марковичъ. Такимъ образомъ у Родіона Григорьевича установилась болѣе тѣсная семейная связь со вторымъ изъ внучатныхъ племянниковъ. Между тѣмъ Алексѣй Марковичъ умеръ. Родіонъ Григорьевичъ передумалъ относительно своихъ обѣщаній и сдѣлалъ приведенное выше завѣщаніе, по которому оставлялъ Бакумовскій дворъ своей вдовѣ и ея зятю Дмитрію Марковичу, не обижая впрочемъ и

*1 Изъ архива А. М. Лазаревского.

*2 См. Сборн. Харьк. Ист. Филол. Общ., т. VIII, 1896, стр. 264 и 270.

вдовы Алексѣя Марковича. Тѣмъ не менѣ Анастасія Степановна осталась недовольною и послѣ смерти Родіона Григорьевича затѣяла процессъ съ Анастасіей Максимовной, желая оттягать у нея Бакумовку и прочія имѣнія. Генеральный Судъ, не зная, на какую сторону склониться, рѣшилъ оставить завѣщаніе Родіона Григорьевича въ силѣ въ главныхъ его основаніяхъ, отдѣливъ только въ пользу Анастасіи Степановны нижнюю греблю въ Березани и хуторъ, называемый „Пасѣчная“, подъ Барышевкой. (См. декретъ генеральнаго суда отъ 18 сентября 1713 г. въ собраніи актовъ А. М. Лазаревского.)

3) Дмитрій Марковичъ былъ на очень хорошемъ счету у гетмана Мазепы. Когда Мазепа въ 1707 году находился въ Жолквѣ при царѣ Петрѣ, то вскорѣ послѣ Омпной недѣли онъ, по свидѣтельству Орлика (см. письмо къ Стефану Яворскому, Основа 1862 г., № 10), послалъ *„знатнаго товарища войскового Димитрія Думитрашка“* съ указомъ царскаго величества встрѣчь противъ казны, якая отъ Кіева до Жолквы провадилася, для одобранія съ тоей же казны, чаю, 10.000 рублей, отъ его царскаго величества опредѣленныхъ на заплачене за конц, которые подъ драгунію за полковые денги куплены были. Тотъ убо Думитрашко, получа указъ царскаго величества въ канцеляріи, принеслъ до Мазепы купно съ листомъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича до Танского, полковника компанійскаго, а нынѣ Кіевскаго, себѣ даннымъ, который онъ Мазепа видя, удивилъся и велѣлъ ему, Думитрашку, тотъ часъ ѣхать съ указомъ противъ казны, а листъ его свѣтлости оставить и предъ со-

бою положить, который онъ по отъшествіи Думитрашка когда распечаталъ и прочиталъ, порвался съ мѣста отъ гнѣву“.....

Послѣ Полтавской битвы и бѣгства Мазепы Дмитрій Марковичъ былъ арестованъ въ с. Недрѣ, гдѣ онъ случайно находился въ то время, „за измѣну“, какъ тогда выражался, и сосланъ въ Сибирь, откуда ему не суждено было возвратиться на родину. Умеръ онъ тамъ между 1711—1715 годами. Отъ брака съ дочерью Анастасіи Максимовны у Дмитрія Марковича родилось пять дѣтей: сыновья Андрей, Владимиръ, Петръ и Иванъ, и дочь Анастасія, бывшая потомъ замужемъ въ с. Снѣтнѣ (нынѣ Лубенскаго уѣзда) за Яковомъ Новицкимъ. Въ моментъ ссылки отца всѣ дѣти остались малолѣтними. Имѣнія Дмитрія Марковича были объявлены „опальными“ и два изъ нихъ, селенія Лукьяновка и Круполѣ, были отданы по приказанію царя Петра переводчику Кіево-губернской канцеляріи для волошскихъ и мультанскихъ писемъ Оедору Корбѣ, въ потомствѣ котораго и оставались долгое время до продажи Бутовичамъ;*¹ остальные имѣнія послѣ того, какъ „измѣна“ Дмитрія Марковича была забыта, остались за его сыновьями, хотя имъ пришлось пережить не мало тревогъ за цѣлость своего имущества.

Кажется, что сохранить имѣнія главнымъ образомъ помочь сыновьямъ Дмитрія Марковича генеральный писарь Андрей Яковлевичъ Безбородко,

* Въ настоящее время память о владѣніи Корбы въ Круполѣ осталась въ названіи гребли черезъ р. Недру, соединяющей села Войтово, Пидпичичи и др. съ Круполемъ; гребля эта иначе не называется, какъ „Корбинна гребля.“

приобрѣвшій отъ нихъ за эту услугу имѣніе Войтово Село (нынѣ принадлежитъ графинѣ Мусинь-Пушкиной).

4) Василій Алексѣевичъ Дмитрашко былъ очень замѣчательнымъ для своего времени человекомъ. Образование получилъ онъ за границей, въ Сплезіи и въ Прагѣ-Чешской. Изъ Праги онъ перебрался въ Петербургъ, и здѣсь между 1725 и 1730 гг. занималъ учительскую должность при домѣ архіепископа Теофілакта Лопатинскаго, бывшаго въ то время вторымъ вице-президентомъ Св. Синода.*¹ Не задолго до отбытія Теофілакта Лопатинскаго въ Тверь въ 1731 г. Василій Алексѣевичъ отправился на родину. Здѣсь онъ получилъ званіе бунчуковаго товарища, женился на Анастасіи Оедоровнѣ Сулиминой и поселился въ Березани вмѣстѣ съ матерью.*² Въ 1735 г. онъ ѣздилъ въ Москву для участія въ занятіяхъ извѣстной комиссіи „для перевода и свода книгъ правовыхъ.“ Онъ принималъ участіе въ занятіяхъ комиссіи и тогда, когда она была перемѣщена въ Глуховъ, до самаго 1740 года. Въ этомъ году онъ былъ уволенъ изъ комиссіи, „какъ неявившійся къ сроку въ Глуховъ; потому-что состоялъ въ это время при счетной комиссіи и переводилъ съ латинскаго, нѣмецкаго и сербскаго діалектовъ на русскій языкъ“.*³ Въ томъ-же году Василій Алексѣевичъ сдѣлался сотникомъ Березанскимъ и оста-

*¹ См. Кіевская Старина, 1885, т. XI, стр. 330, автобіографія Іліи Турчинскаго.

*² См. Мотыжинскій Архивъ, К. 1890, стр. IV; Сулимовскій Архивъ, К. 1884, стр. 66—67.

*³ См. Кіевская Старина, 1888, т. XXII, стр. 435, статья г. Геличенка „Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права“

вался имъ до самой смерти. Начиная съ 1735 года, Василій Алексѣевичъ велъ продолжительную тяжбу съ вдовой канцеляриста Дмитрія Володковскаго Еленой Володковскою изъ за владѣнія с. Недрою. Со стороны Елены Володковскою особенно хлопотали объ успѣхѣ ея дѣла зятья ея: сотникъ Яготинскій Филиппъ Купчинскій и бунчуковый товарищъ Яковъ Затыркевичъ. Дѣло доходило до Сената и кончилось въ пользу Дмитрашка только благодаря помощи генеральнаго писаря Андрея Яковлевича Безбородка. Годъ кончины Василя Алексѣевича намъ неизвѣстенъ.

5) Андрей Дмитриевичъ жилъ на старомъ гнѣздѣ въ х. Бакумовкѣ. Въ 1730 г. онъ устроилъ мельничную греблю на р. Березанкѣ около с. Паришкова. Въ 1735 г. онъ находился въ составѣ войскъ, двинутыхъ подъ начальствомъ Миниха для успокоенія Польши (Соловьевъ, Ист. Рос., т. 20, 1870, стр. 57 и слѣд.).

6) Ѳеодоръ Андреевичъ служилъ въ 1782—1797 годахъ засѣдателемъ 1-го департамента Верхняго Земскаго Суда въ г. Кіевѣ. А. А. Андриевскому удалось собрать о немъ слѣдующія свѣдѣнія: „Ѳ. А. Думитрашко выбранъ отъ остерскаго уѣзда, служилъ раньше въ Войсковой Генеральной Канцеляріи и Малороссійской Коллегіи, имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ 503 души подданныхъ, женатъ на дочери компанейскаго полковника Игната Чеснока“*1

Дальнѣйшіе представители рода Дмитрашковыхъ не возвышались надъ уровнемъ средняго Перея-

*1 См. Кіевская Старина, 1894, т. XLIV, стр. 198, статья г. Андриевского „Архивная справка о составѣ Кіевского общества 1782—1797 гг.“

славскаго дворянства ни своимъ богатствомъ, ни служебнымъ положеніемъ, а потому и не сохранилось о нихъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній.

О судьбѣ бывшихъ имѣній Родіона Григорьевича Дмитрашка мы сообщили уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ біографіяхъ ближайшихъ его нисходящихъ родственниковъ. Очень интересныя подробности даетъ еще намъ генеральное слѣдствіе о маентностяхъ Переяславскаго полка 1730 года (См. Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Томъ 8. X. 1896. Стр. 244—288).

Приведемъ здѣсь составленныя канцеляристами „сказки“.

1) Село Круполе. По свѣдѣтельству старожиловъ тамошнихъ, здавна не было тамъ села, а за Мазепи бывший полковникъ Переяславскій Дмитрашко оное село осадилъ на войсковой землѣ *¹ и онымъ владѣлъ по жалованной грамотѣ до смерти своей, а по смерти его отъ жени его отобрано и отдано Кіево-губернской канцеляріи переводчику Ѳеодору Корбѣ, которымъ нынѣ владѣетъ жена его Корбы з синами, по жалованной грамотѣ 1719 году, данной мужу ея, помянутому Ѳеодору.

2) Мѣстечко Березань, село Семеновка, деревня Лехновцѣ, по свѣдѣтельству старожиловъ козаковъ Березанскихъ, здавна на булаву за прежнихъ гетмановъ надлежали, а за гетмана ізмѣнника Ма-

*¹ Свѣдѣніе это, повидимому, не совсѣмъ точно. Круполь (Krukrol) упоминается уже въ люстраціи Переяславскаго староства 1636 г., какъ одно изъ мѣстъ, гдѣ добывается селитра въ пользу польскаго правительства. Вѣроятно, въ такомъ центрѣ селитреннаго производства были и осѣдлые жители. См. Żr. dz. t. V, 1877, str. 214.

зепи полковникъ Переясловскій бувшій Дмитрашко завладѣлъ по жалованной грамотѣ, отъ созданія мира 7182 (1674)*¹ данной оному Дмитрашку за службы его, по которой грамотѣ и по унѣверсаламъ гетмана Скоропадского владѣть нынѣ племянника оного Дмитрашка, Алексѣя Марковича, жена, Анастасія Забѣловна з синами, въ 1713 году оной данными в спокойное владѣніе.

3) Село Недра, по свѣдѣтельству старожиловъ тамошнихъ, з давнихъ временъ до мѣстечка Березанѣ, а Березанѣ и вся сотня Березанская на булаву гетманскую належала и владѣли прежніе гетманы до Мазепи, а за Мазепи завладѣлъ полковникъ Переясловскій Дмитрашко, а по немъ владѣла Алексѣева Дмитрашкова наслѣдно по грамотѣ, Дмитрашку оному данной, а въ 1718 году бывшій гетманъ Скоропадскій отдалъ былъ канцеляристѣ Володковскому, почему тое село и жалованною грамотою ствержено, въ 1729 году по челобытю сына ей Алексѣевой Василя Дмитрашка по указу блаженнія памяти Его Императорскаго Величества, до господина гетмана Апостола присланному, опять отдано во владѣніе помянутой Алексѣевой, почему она и нынѣ владѣтъ.

4) Села Паришковъ, Лукашѣ, Войтово Село и Ярески, по свѣдѣтельству старожиловъ Березанскихъ козаковъ, з давнихъ временъ до мѣстечка Березанѣ належали, а Березанѣ и вся сотня со ними се-

*1 Въ „сказкѣ“ допущено противорѣчіе. Приобрѣтенныя Родіономъ Дмитрашкомъ имѣнія были закрѣплены за нимъ грамотою 1674 г., при Самойловичѣ, а въ 1688 г., при Мазепѣ, онъ выхлопоталъ себѣ повторительную грамоту. Такимъ образомъ нельзя было сказать, что Дмитрашко завладѣлъ имѣніями „за гетмана измѣнника Мазепы“.

ламп на булаву за прежнихъ гетмановъ надлежала, а за Мазепи владѣль бувшій полковникъ Переясловскій Дмитрашко, по вышепомянутой жалованной грамотѣ, по которой и нынѣ внуки его Андрей и Петро Дмитрашко владѣють, на якіе села и унѣверсалн гетмановъ Мазепи и Скоропадского бабѣ ихъ*¹ в подтверженія імѣють, а в тихъ унѣверсалахъ написано помянутими селн владѣть до дальней волѣ монаршей, за услуги войсковіе.

5) Село Лукьяновка, по свѣдѣтельству старожитовъ Березанскихъ козаковъ, зѣ прежде до мѣстечка Березанѣ надлежало, а потомъ владѣль помянутой бывшій же полковникъ Переясловскій Дмитрашко за ізмѣнника Мазепи, а по смерти оного и унукъ его Дмитро Марченко владѣль же по вышеписаннымъ крѣпостямъ, а нынѣ владѣсть Кіевогубернской канцеляріи переводчика Корбы Хведора жена з синами по жалованной грамотѣ, в 1719 году данной мужу ея, помянутому Ѳедору Корбѣ.“

По приговору генеральной старшины и полковниковъ 16 января 1731 г. мѣстечко Березанѣ (37 дворовъ), село Семеновка (7 дв.), деревня Лехновцѣ (5 дв.) и село Недра (33 дв.) оставлены во владѣніи вдовы Анастасіи Степановны Дмитрашковой и сына ея Василя; село Паришковъ (19 дв.), Лукаши (16 дв.), Войтово Село съ Ярешками (17 дв.)— во владѣніи бунчуковыхъ товарищей Андрея и Петра Дмитрашковыхъ. Въ составъ послѣдняго владѣнія входилъ и хуторъ „Бакумовка“. Имѣнія Ана-

*¹ Подразумѣвается вдова Родіона Григорьевича, Анастасія Максимовна, приходившаяся бабкой Андрею и Петру Дмитрашкамъ, такъ какъ ихъ отецъ Дмитрій Марковичъ былъ женатъ на ея первобрачной дочери.

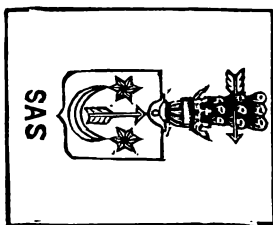
стасіи Степановны перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ безъ уменьшенія ихъ состава, такъ какъ тяжба Василія Дмитрашка съ Еленой Володковской изъ-за с. Недры кончилась для него благопріятно; имѣнія же Андрея и Петра Дмитрашковыхъ нѣсколько уменьшились вслѣдствіе перехода Войтова Села въ руки Безбородка.

Въ позднѣйшее время родъ Дмитрашковыхъ отличался тѣмъ, что у его представителей рождалось болѣе дочерей, чѣмъ сыновей. Вслѣдствіе этого имѣнія Дмитрашковыхъ переходили по бракамъ въ другіе роды. Такимъ образомъ на развалинахъ Дмитрашковскаго состоянія образовались имѣнія Ильяшенковъ, Чубинскихъ, Марковичей, Лукашевичей и т. д. Только хуторъ Жуковка удержался во владѣніи послѣдняго представителя этого рода въ Переяславскомъ уѣздѣ Н. Н. Думитрашка-Райчи, бывшаго въ 1886—92 гг. предводителемъ Переяславскаго дворянства. Послѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 г. многіе изъ прежнихъ владѣльцевъ продали свои имѣнія и такимъ образомъ старая преемственность владѣнія совершенно прервалась *1....

*1 Къ нашей статьѣ прилагаются: 1) факсимиле подписи Родіона Дмитрашка на присяжномъ листѣ 1682 г. на вѣрность наслѣдникамъ царя Федора Алексѣевича, 2) снимокъ съ его печати на перстнѣ, сохранившемся у одного изъ потомковъ его племянника Марка. Посреди печати гербъ Сасъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, вокругъ приведенная выше надпись. Для сравненія прилагается и настоящій гербъ Сасъ,

Дмитро Родіон
Родіон Дмитро

Снимки съ подписи Родіона Дмитрашка, съ его
печати на перстѣ и съ герба Сасъ.

ВУКЪ СЕРБИНЪ, ПОЛКОВНИКЪ ПЕРЕЯ- СЛАВСКІЙ (1675—1682).

Изучая біографіи малороссійскихъ козацкихъ полковниковъ семнадцатаго вѣка, крайне трудно бываетъ собрать въ актахъ того времени какія-либо выпуклыя индивидуальныя черты, которыя позволяли-бы изображать въ живыхъ краскахъ душевный складъ, особенности характера, мотивы дѣятельности и міросозерцаніе отдѣльныхъ лицъ изъ этой среды. Всѣ они болѣе или менѣе похожи другъ на друга, всѣ одинаково воевали, вели интриги изъ-за войсковыхъ урядовъ, наживались захватомъ войсковыхъ земель да военной добычей, и стремились загладить грѣхи жизни пожертвованіями на церкви и монастыри. Только мѣсто службы да нѣкоторыя внѣшнія случайности жизни отличаютъ одного изъ нихъ отъ другого. Поэтому историкъ приходится довольствоваться сухимъ перечнемъ біографическихъ данныхъ, не пытаясь путемъ психологическаго анализа создавать живыя и выпуклыя характеристики этихъ дѣятелей стариннаго козачества.

Вукъ Сербинъ повидимому не имѣлъ никакого фамильнаго прозвища. По національности онъ былъ Сербомъ, по-малороссійски: *Сербиномъ*, а по имени звался *Вукомъ* (Волкомъ), и вотъ такъ и называли его всѣ современники: *Вукъ Сербинъ* (Волкъ

Сербъ) или, употребляя уменьшительное имя отъ *Вукъ*,—*Вуйца*, *Войца Сербинъ*. Известно, что въ Сербіи на ряду съ христіанскими именами въ честь святыхъ угодниковъ до сихъ поръ даютъ новорожденнымъ дѣтямъ прозванія по именамъ животныхъ и растений. Знаменитый творецъ сербскаго литературнаго языка Караджичъ самъ носилъ имя *Вукъ* (Волкъ) и въ своемъ Словарѣ сербскаго языка объясняетъ, чѣмъ руководствуются сербскія матери, давая сыновьямъ имя этого хищнаго звѣря: „Если у какой-нибудь женщины умираютъ дѣти, то она даетъ вновь родящемуся мальчику имя *Вукъ* (Волкъ), *чтобы вѣдьмы не могли его съгнать*.“ *1 Но кромѣ имени *Вукъ*, занимающій насъ Переяславскій полковникъ имѣлъ и христіанское имя *Василій*.

Вукъ Сербинъ пришелъ, вѣроятно, въ Малороссію въ составѣ того *товариства хорошеи волоскихъ*, которое привелъ Дмитрашко въ 1665-мъ году. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ числѣ подписавшихся подъ присяжнымъ листомъ и подъ статьями Козацко-Дубровской рады, происходившей въ іюнѣ 1672 года и выбравшей гетманомъ Самойловича, — съ званіемъ сотника Золотоношскаго. *2 Какъ видно, онъ къ этому времени (1672 г.) обжился уже въ Золотоношѣ и руководилъ постройкой тамъ церкви. Когда полковникъ Переяславскій Дмитрашко и сотникъ Золотоношскій Вукъ Сербинъ уѣхали на раду въ Козацкую Дуброву, то наказной сотникъ Золотоношскій Тимко Бурмака писалъ отъ 8 іюня 1672 года къ наказному пол-

*1 См. Сръпски рјечникъ 1-е изданіе 1818 г., стр. 88.

*2 См. Акты Ю. и З. Р. IX, 908. Лѣтопись Веллчка, т. II, 312.

ковнику Переяславскому Олихверу Максименку: „Изволь, милость твоя, написать въ таборъ къ господину Дмитрашку Райчѣ полковнику, чтобы Войцу, сотника нашего, прислалъ для совѣта подаванія намъ, созиданія ради церкви Божіи; уже мы и плотниковъ наняли“ *1.

Есть извѣстіе, что послѣ Козацко-Дубровской рады Вукъ ѣздилъ съ нѣкоторыми другими лицами въ Москву—хлопотать объ утвержденіи вновь избраннаго гетмана и объ оставленіи за малороссійскимъ войскомъ его старинныхъ вольностей. *2

Во время похода къ Днѣстру полковника Дмитрашка лѣтомъ 1674 года Вукъ Сербинъ былъ посланъ съ передовымъ отрядомъ за р. Бугъ, соединился тамъ съ подольскимъ полковникомъ Мурашкою, и сначала они вмѣстѣ разбили скопища Турокъ и Татаръ, но затѣмъ были осаждены ими въ м. Ладыжинѣ надъ р. Бугомъ. Здѣсь Вукъ Сербинъ показалъ себя плохимъ боевымъ товарищемъ: 6-го августа 1674 года, въ день Преображенія Господня, онъ со своими козаками вырвался изъ Ладыжина, переправился черезъ р. Бугъ, скрывался два дня въ лѣсахъ и затѣмъ присоединился къ главному отряду полковника Дмитрашка, а Мурашка съ своимъ отрядомъ погибъ подъ ударами превосходнаго силами непріятеля *3.

Когда Дмитрашко поссорился съ гетманомъ Самойловичемъ и былъ устраненъ послѣднимъ отъ Переяславскаго полковничества, то полковникомъ

*1 См. А. Ю. II З. Р. IX, 968.

*2 См. А. Ю. II З. Р. XII, 396—97.

*3 См. А. Ю. II З. Р. XI, 600.

Переяславскимъ избранъ былъ Вукъ Сербинъ. 13 января 1675 года онъ доносилъ уже изъ Барышевки, по обязанности Переяславскаго полковника, ясно-вельможному гетману, что Орда разгромила польскій отрядъ короннаго хорунжаго Снявскаго *1.

Въ письмѣ къ гетману отъ 7 февраля 1675 г. изъ Барышевки же Вукъ Сербинъ сообщаетъ новости о Дорошенкѣ:—совѣтникъ Дорошенка Гамалѣя хотѣлъ взять мѣстечко Бубновъ (въ нын. золотоношскомъ у. полтав. губ.), но неудачно; „три приступа чиня, никакихъ радости не воспріавъ“; хотя́ть брать и другіе „понадднѣпрскіе городки“. Пишетъ Сербинъ и о своей дѣятельности: „съ сотнями полку моего конно собрався, къ Днѣпру умышляя, къ Домонтову пошелъ есмь“. Въ заключеніе онъ говоритъ, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не замедлитъ извѣстить (*ко обя́зленію подати*) и проситъ прислать ему военную помощь: „милости твоей прошу, изволь, по милости своей, на оборону и на отпоръ въ тѣ городки поднѣпрскіе котораго полку сколько сотъ пѣхоты и съ запасы своими прислати вскорѣ, какъ милость твоя обѣщаль*2“.

Лѣтомъ 1675 года Вукъ Сербинъ съ другими козацкими начальниками ходилъ на правую сторону Днѣпра къ мѣстечку Мошнямъ (въ пынѣш. черкасскомъ у. кіев. губ.) *добыватъ языка* и здѣсь одержалъ блестящую побѣду надъ компаніей и сердешатами Дорошенка *3.

16 октября 1675 г. Вукъ Сербинъ сообщалъ

*1 См. А. Ю. и З. Р. XII, 21—22.

*2 См. А. Ю. и З. Р. XII, 53—54.

*3 См. А. Ю. и З. Р. XII, 220, 250—51.

новости о Дорошенкѣ Кіевскому воеводѣ князю Алексѣю Андреевичу Голицыну. *1

Черезъ годъ послѣ этого (осенью 1676 г.) Переяславскій воевода князь Ѳеодоръ Волконскій оскорбилъ гетмана Самойловича и полковника Вука Сербина какими-то *укоризненными* словами. Гетманъ жаловался на Волконскаго въ Москву Государю, и 25 октября 1676 г. приказано было воеводѣ Кіевскому князю Голицыну разобрать жалобу на Волконскаго и если она подтвердится, то „князя Ѳеодора посадить на 3 дня въ тюрьму“. Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ извѣстныхъ намъ актовъ не видно *2.

Въ 1679 г. Вукъ Сербинъ содержалъ стражу внизъ по Днѣпру, отъ степей татарскихъ *3.

Кажется, въ 1682 году,—гетманъ Самойловичъ лишилъ Вука Сербина полковничества и засадилъ его за что-то въ тюрьму: по крайней мѣрѣ, въ одномъ актѣ отъ 23 января 1683 года, напечатанномъ А. М. Лазаревскимъ въ Мотыжинскомъ архивѣ, полковникомъ Переяславскимъ является уже Леонтій Артемьевичъ Полуботокъ *4, а 30 апрѣля 1684 года Патрикъ Гордонъ случайно упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, что Вука держатъ еще въ тюрьмѣ (*Woitza würde noch im Gefängnisse gehalten*) *5. Этимъ объясняется, почему у Вука Сербина возбудилось озлобленіе противъ гетмана Самойловича и онъ

*1 См. А. Ю. и З. Р. XII, 265—66.

*2 См. А. Ю. и З. Р. XII, 769, 771.

*3 См. Повѣствованіе Ригельмана, М. 1847, Ч. II, стр. 165, ст 2. Лѣт. Грабянки, К. 1854, стр. 314.

*4 См. Мотыжинскій Архивъ. К. 1890, стр. 123.

*5 См. Gordons Tagebuch, 2 B., стр. 21.

явился однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ при смѣщеніи гетмана въ 1687 году. Когда въ день ареста (20 іюля) гетманъ вышелъ поутру изъ походной церкви и направился къ своей палаткѣ, то Вукъ Сербинъ подошелъ къ нему, схватилъ его за руку и сказалъ ему, что онъ долженъ идти другою дорогою, намекая, очевидно, на приближающійся моментъ ареста *1.

Осенью 1684 года Вукъ Сербинъ былъ уже на свободѣ и проживалъ въ г. Переяславѣ. Къ этому времени относится печатаемый ниже документъ, по которому Вукъ (Василій) даритъ Кіевскому Пустынно-Никольскому монастырю дворовое мѣсто съ домомъ въ г. Переяславѣ близъ Воскресенской церкви.

Подъ статьями объ избраніи гетмана Мазепы (25 іюля 1687 г.) Вукъ Сербинъ подписался уже генеральнымъ эсауломъ (General-Adjutant der Kosaken, по выраженію Патрика Гордона): „Андрей Гамалѣя, вмѣсто перваго Енеральнаго Асавула Войцы Сербина, и за себя, Енеральнаго Асавула, рукою своею подтверждаю“ *2. Изъ этой подписи видно, что Вукъ былъ неграмотнымъ.

Хотя Вукъ ненавидѣлъ Самойловича и содѣйствовалъ избранію въ гетманы Мазепы, однако Мазепа поступилъ относительно него также двучино, какъ онъ поступилъ и относительно другихъ выдающихся дѣятелей малороссійскаго войска: онъ далъ Вуку универсалъ на маестности въ с. Подлипномъ нѣжинскаго полка (близъ г. Конотопа), а ме-

*1 См. тамъ-же, стр. 185.

*2 См. Маркевичъ, Ист. Малороссіи, М. 1842, т. III, стр. 319.

жду тѣмъ написалъ въ Москву, что онъ ему, гетману, не желателенъ *1.

Въ дневникѣ Патрика Гордона подъ 28 ноября 1687 года разсказывается, что Вукъ (Voitz oder General-Adjutant der Kosaken) съ отрядомъ легкой конницы въ 1.000 человекъ сдѣлалъ рекогносцировку къ Кизи-Кермену *2, потерялъ убитыми нѣсколько человекъ и узналъ, что Турки подвозятъ матеріалы и хотятъ укрѣпить Кизи-Кермень *3.

Съ этого времени Вукъ не упоминается болѣе въ историческихъ источникахъ. Изъ приводимой ниже дарственной его видно, что у него было потомство, но о дальнѣйшей судьбѣ послѣдняго мы не нашли никакихъ указаній въ извѣстныхъ намъ актахъ того времени. Годъ смерти Вука Сербина также намъ неизвѣстенъ.

*Приложеніе *4.*

Я, Василій Сербинъ, товаришъ войсковый полку Переяславского и тогожъ города обыватель, теперь его милости пану Полковникови Переяславскому, старшинѣ полковой и мѣской, товариству и посполитимъ людямъ, такъ теперь, яко и въ потоміе векуисти времена, в семъ градѣ дай Боже щасливе по насъ паступующимъ, и всѣмъ кому бы о томъ знати належало, вѣдомо чиню симъ моимъ

*1 См. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изд. 1885, стр. 20, и Лазаревскій, Нѣжинскій полкъ, 1893, стр. 240.

*2 Нын. Бериславль. См. Эварницкій, Запорожье, ч. II, 1888, стр. 132—133.

*3 См. Gordons Tagebuch, 2 B., стр. 205.

*4 Подлинникъ этой дарственной хранится въ Церковно-Археол. Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи. За сообщеніе копій приносимъ искреннюю благодарность проф. Н. И. Петрову.

шкриптемъ, иж, мѣючи я домъ свой на пляцахъ, в певнихъ межахъ и гранпцахъ кождий особъ по-скупленихъ, а мною юж самимъ построенный и незаведенный, близъ церкви Воскресенія Христова, черезъ улицу противко домовъ пановъ Сулимовъ Іоана Стефановича, сотника Гельмязовскаго, Александра Стефановича, хоружого полкового Переяславского, стоячый *¹, з доброе моеи волѣ, не с примусу якого, анѣ з людское намови, за отпущеніе грѣховъ моихъ и за здравіе мое и дѣтей моихъ, также за усопшихъ родичовъ, жонъ и дѣтей моихъ, превелебному въ Бозе Его Милости господину отцу Антонію Радзѣвильовскому *², игуменови Свято-Никольскому, Пустынного монастыра Кіевского, ему теперъ и всей братіи и по нихъ наступуючимъ сукцессоромъ, при той святой обители мешкаючимъ, подаю у вѣчное спокойное владѣніе и завѣдованя; котрым то дворомъ волно Его Милости господину отцу игуменови Свято-Никольскому и всей братіи, кого хочачи даровати, продати его, или вечисте его ку своей монастырской потребѣ держати и вшелякие з оного на тую святую обитель Никольскую розмножати пожиткы; до которого двора, я самъ, дѣти мои, и кривные, близкие и далекіе, од сего часу жадного вступу мѣти не будутъ, але цале за теперешнимъ моимъ доброволнимъ уступенемъ и одданемъ превелебный

*1 Иванъ и Александръ Сулимы, сыновья Бориспольскаго сотника Степана (Стенка) Сулимы, убитаго въ 1659 г.

*2 Антоній Радивилевскій—значенитый проповѣдникъ своего времени. Очень извѣстны были двѣ его книги: Огородокъ Маріи Богородицы (1676) и Вѣнецъ Христовъ (1688). Въ недавнее время г. Марковскій посвятилъ Радивилевскому обстоятельную монографію, озаглавленную: „Антоній Радивилевскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в.“ Кіевъ 1894.

въ Богу Его Милость отецъ Антоній Радзѣвиловскій, игуменъ С.-Никольскій Пустинный Кіевскій, обнявши его, яко власнимъ монастырскимъ владѣти и нимъ завѣдовати часи вечистими спокойне маеть. На чомъ и сее мое писаня и вечистій запис с подписомъ мене самого руки и печати, и за упрощенямъ отъ мене о подписъ руки и притисненя печати самого Его Милости пана полковника нашего Переясловского Леонтія Полуботка, и с подписемъ старшины полковое и мѣское, подаю от себе. В Переяславю, мѣсяца октовра 3ї дня ахїѣ року (17 октября 1684 г.). [Затѣмъ слѣдуютъ печати и подписъ Леонтія Артемьевича Полуботка. Полулистъ съ подписями остальныхъ лицъ не сохранился.]

ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МѢ- СТЕЧКА БОРИСПОЛЯ.

Мѣстечко Борисполе было основано, по приказанію короннаго польнаго гетмана (впослѣдствіи великаго канцлера) Станислава Жолкѣвскаго, позднею осенью 1602 года. Объ этомъ свидѣтельствуесть слѣдующій любопытный документъ, хранящійся въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи въ связкѣ бумагъ Кіевского Пустынно-Никольскаго монастыря:

„Констентинъ, княжа Острожское, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынское, староста Владимирскій, вельможному его милости пану Станиславу Жолковскому, каштеляпови Львовскому, гетманови нашему польному коронному, Грубешовскому, Калусскому, Хмельницкому старости, з верхнего уряду Его Королевское Милости приказуемъ, абы был на рокахъ пришлыхъ кгородскихъ Кіевскихъ, которые сужоны будутъ в року теперешнемъ тисеча шестсотъ третемъ мѣсеца апреля тридцатого дня у Кіеве, самъ завите сталъ ^{*1} правне и skutечне на жалобу в Бозе велебного отца Игнатія, игумена, и всехъ чернцовъ монастыря светого Нико-

^{*1} Приказуемъ, абы был... самъ завите сталъ—по предоставленной намъ королю власти, приказываемъ Вашей Милости, чтобы Вы непременно безъ отговорокъ, лично явились въ судъ въ теченіе трехъ дней отъ назначеннаго срока. Рокъ завитый—срокъ опредѣленный, рѣшительный, срокъ явки въ судъ, вслѣдствіе позыва, опредѣленный закономъ и древнимъ обычаемъ, т. е. три дня. См. Горбачевскій, Словарь древн. акт. языка. В. 1874. Стр. 317.

лы Пустынскаго Кіевскаго очевисто се усправе-
дливити, которые на Вашу Милость жалуются и до
права позываютъ о то, иж дей Ваша Милость,
упросивъшы собѣ у Его Королевское Милости
маетность, в тутошнем воеводствѣ Кіевском лежа-
чую, именье севруцкое *¹ слуг замку Кіевскаго,
называемое Иваньково, которое первой того небож-
чикъ Войтехъ Чановицкій, гетман козаков запо-
рожских, держалъ, то пакъ дей, сам будучи по-
сесором тое маетности Иваньковское и менечи собѣ
наданое од Его Королевское Милости именье Ба-
рышполе, и до маетности, и до кгрунту монасты-
ра светого Николы Пустынскаго, называемое земли
Полукняжевское, на которой земли церковъ старо-
житная мурованая светыхъ мучениковъ Борыса и
Глеба стоит, Ваша де Милость через урядника сво-
его Барышовскаго и Иванковскаго пана Оедора
Козарина и через инъшихъ слуг, бояръ и поддан-
ныхъ своих, которые издавна (живуть) на кгрунте
Иванковъскомъ и на кгрунте коло речки Селпчовъ-
ки и при городищу Барышовскомъ, (втручались); *²

*¹ Севруцкое—принадлежавшее севрукамъ. Въ реестрѣ доходовъ Кіев-
скаго воеводства 1571 г., изданномъ А. П. Яблоновскимъ (Жг. dz. t. XX), на-
ходимъ такую записъ: „Siewruki to jest strzelcy dymów 20 po gr. 16, a ze dwu
ziem po 'gr. 12.“ (Стр. 23 отдѣла 2-го). О севрукахъ вообще—Жг. dz. t. XXII
str. 318—319. Севрукъ=сѣверукъ (анал. съ полѣшукъ)=сѣверянинъ. Одинъ
изъ примѣровъ синекдохіи: собственное имя народа получило нарицательное
значеніе. Сѣверяне „живяху в лѣсѣ“, были звѣроловцами, искусными охот-
никами и стрѣлками; отсюда siewruki=strzelcy. См. Буслаевъ, Историческая
грамматика русскаго языка. Часть II-я, изд. 4-е. М. 1875, стр. 69—70.

*² Ижъ дей Ваша Милость... то пакъ дей... Ваша де Милость [до
маетности и до кгрунту] через урядника своего... пана Оедора Козарина....
втручались=что Ваша Милость (т.е. Жолкѣвскій) въ лицѣ Вашего урядника
Оедора Козарина... вторгались въ имѣніе и землю монастыря т. е. нарушали
владѣніе монастыря его имѣніемъ и землей. Втручатися=вмѣшиваться, втор-
гаться. Городище Барышовское=лѣтопис. городъ Баручъ.

В тих часех новоселыхъ слободъ *¹, умыслне хотечы власность монастырскую безправне собѣ привлащити и с тыхъ слободъ новыхъ *людей з осадми и з будованьями в року прошлом шестсот второмъ уже ув осени передъ зимою килка десят халупъ припровадивъши*, на кгрунте Полукнязевском, на земли церковной, подлие самое мурованое церкви, *слободу-местечко осадил* *², и поля, нивы пашные, которыхъ з давныхъ часовъ подданные монастыра Пустынского Княжицкие и Бортницкие пахали и уживали, вытыкаючи *³ капитулу Пустынскую и подданныхъ Княжицкихъ и Бортницкихъ от того кгрунту, черезъ тыхъ новооселыхъ на семже монастырскомъ кгрунте подданныхъ ку маѣтности Иванковской приворочати хочете *⁴, ку великимъ кривдамъ церкви Божое того монастыра Пустынского. О которое кгвалтовное поседанье добръ церковныхъ и о выбитье з спокойного держанья и уживанья ихъ *⁵ кгрунту Полукняжецкого и церкви мурованое—на роки кгородские, дня осмого, мѣсеца генваря припадающие и потомъ дня трыдцатого мѣсеца апреля, свои позвы впродъ ширей припозывали. Ижли бытые генваровые рочки для сейму валного Краковского, а рочки апрелевые для хвалебныхъ святъ великоденныхъ русскихъ *⁶ не доходили и сужоны не

*¹ В тихъ часехъ новоселыхъ слободъ—въ настоящее время, когда основываются новыя слободы.

*² Осадил—основалъ, подразумѣвается: Ѳеодоръ Козаринъ.

*³ Вытыкаючи—устраняя, отгоняя.

*⁴ Хочете—подразумѣвается: Ваша Милость.

*⁵ Ихъ т. е. монаховъ Пустынно-Никольскаго монастыря.

*⁶ Православная Пасха по старому стилю приходилась въ 1603 г. 24 апрѣля; 30 апрѣля приходилось, слѣдовательно, въ субботу Пасхальной (Свѣтлой) Недѣли.

были, въ которомъ кгвалтовномъ выбитью и безправномъ поседанью менованныхъ кгрунтовъ, за неуживаньемъ ихъ, и кромъ самое лежащее маетности, капитула монастыря светого Миколы Пустынского на две тысячы копъ грошей литовскихъ менуетъ тое шкоды. *1 И заховуючы собѣ належныи (до) тое шкоды волное чиненое правѣ, о кгвалтовное выбитье с посесии добръ, лежащихъ у кгрунту Полукняжицкого и церкви старожитное, Вашу Милость симъ припозываютъ про то, ижъ бы Вапа Милость, на року помененномъ самъ ставшы, тое ведле сего позву и жалобы, в немъ описаное, усправедливили. Писанъ у Кieve року тисеча шестсотъ третего мѣсеца марта 6ї (15) дня. Подп. [м. п.] Андрей Сурин писарь.“

Не смотря на жалобы Пустынно-Никольскихъ монаховъ мѣстечко Борисполе осталось имѣніемъ Станислава Жолкѣвскаго. Устроивши мѣстечко, Жолкѣвскій организовалъ въ немъ „мѣйскій урядъ“ по магдебургскому праву, который съ 1612 года началъ уже исполнять свои обязанности, какъ мы знаемъ объ этомъ изъ сохранившейся книги актовъ сего уряда за XVII-е столѣтіе. *2.

Съ годами населеніе Борисполя постоянно увеличивалось, такъ какъ туда прибывали изъ-за

*1 Капитула Пустынского монастыря на случай, если бы дѣло ея съ Жолкѣвскимъ не рѣшилось на январскихъ и апрѣльскихъ рокахъ 1603 года, оцѣниваетъ свои убытки отъ прекращенія пользованія имѣніемъ (за неуживаньемъ кгрунтовъ) въ 2000 копъ грошей литовскихъ, что составляетъ на наши деньги приблизительно 6700 рублей. Стоимость самаго недвижимаго имущества не принимается при этомъ въ расчетъ (кромъ самое лежащее маетности.)

*2 См. книжку: Мѣстечко Борисполе въ XVII-мъ вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612—1699 гг. К. 1892. Изданіе журнала „Кіевская Старина“.

Днѣпра подданные разныхъ лицъ, бѣжавшіе отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Объ этомъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія изданные А. П. Яблоновскимъ перечни дѣлъ Люблинскаго трибунала 1590—1625 гг. Въ 1607 г. бѣжали въ имѣнія Жолкѣвскаго подданные князя Романа Ружинскаго изъ Паволочи и Мартина Бутовича изъ Дивина; въ 1618 г.—подданные Тыша-Быковскихъ изъ Копачева и подданные Іозефіана Халецкаго изъ Ржищева. *¹.

Въ 1620 г. Станиславъ Жолкѣвскій погибъ на Цепорскомъ полѣ и его имѣнія въ окрестностяхъ Борисполя перешли по наслѣдству къ дочери его Софіи Станиславовнѣ, по мужу Даниловичевой. Прибытіе чужихъ подданныхъ продолжалось и при ней. Въ 1624 г. въ ея имѣнія бѣжали подданные Николая Дахновича изъ Бежова, Іозефіана Халецкаго изъ Ржищева, Яна Корчевскаго изъ Сельца, Стефана Немирича изъ Иванкова-Чернеховскаго, Якова Лемеша изъ Бежова и Ѳедоровки *².

Въ 1628 г., когда составлялась подымная тариффа Кіевскаго воеводства, въ Борисполѣ показано домовъ (dymów): на рынкѣ—10, въ улицахъ—20, бѣдныхъ хижинъ (pożyznych chałup)—40, усадьбы священника, портного, сапожника и скорняка (4), всего—74 дома. Считая на каждый домъ по 5 живущихъ, можемъ опредѣлить численность Борис-

*¹ См. *Żr. dz. t. XXI, str. 93, 94, 217, 236*. С. Паволочь—нынѣ Сквирскаго уѣзда, Дивинъ—Радомысльскаго уѣзда, Копачевъ и Ржищевъ—Кіевскаго уѣзда.

*² См. *Żr. dz. t. XXI, str. 319, 327, 330, 343, 372*. Сс. Бежовъ, Ивановъ-Чернеховскій, Селець и Ѳедоровка—нынѣ Житомирскаго уѣзда на сѣверъ отъ г. Житомира.

польскаго населенія въ 1628 г. въ 370 душъ *1.

27 января 1629 г. Софія Станиславовна Даниловичъ получила отъ короля Сигизмунда III грамоту, разрѣшающую открытіе въ м. Борисполѣ еженедѣльныхъ торговъ по понедѣльникамъ и четвергамъ и двухъ ярмарокъ: на Богоявленіе (6 января) и въ день св. Іліи (20 іюля).

Въ 1630 г. имѣнія Софіи Станиславовны Даниловичевой въ окрестностяхъ Борисполя подверглись страшному опустошенію отъ козаковъ, предводительствуемыхъ Тарасомъ.

Любопытныя подробности этого событія сообщаетъ слѣдующій современный актъ:

„Протестация отъ ее мл. пани воеводиное руское на козаки запорозкие.

Року тисеча шестьсотъ тридцатого, месеца ноября четвертого дня.

На вряде господарьскомъ, в замку Житомирскомъ, передо мѣною, Яномъ Витиньскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, постановивъшися очевисто шляхетный Иван Яцковский, слуга яснее велиможное пании Зофии, на Жолкви, воеводиное руское, оповедал и соленитер зъ освѣченъемъ протестовалъ се в тот способъ, ижъ року тепер идучого тисеча шестьсотъ тридцатого, розъныхъ месяцевъ и дней, кгда некий Тарас козакъ, который, учинивъшися гетманомъ або старъшимъ надъ войскомъ запорозскимъ, зобравъши о килкадесять тисечий розного при себе гултайства и козаковъ, своволне

*1 См. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. 1, стр. 365; *Źg. dz. t. XX*, отд. 2, стр. 69. Въ настоящее время въ Борисполѣ около 1400 домовъ и около 7000 жителей об. пола.

противко его мл. пана гетъмана коронъного войну был зачалъ, где с полками своими, настуивши на маетности ее милости, пани воеводиное руское, за Днепромъ лежащие, мѣста Боришпол и Барышовъ, также и села, до нихъ належачие, оныя лежами и стациями незвыклыми и неслыхаными обтѣжаючи, подданныхъ билъ, мордовалъ, а инъшихъ квалтовне не мало в тое товариство свое козацкое примушал и привернулъ, для чого не мало подданныхъ прочъ ся розышло, а потомъ тот же Тарас в месте его королевское милости Переяславлю се запер, а тут за наступенъемъ войскъ его королевское милости и остатокъ маетности ее милости воеводиное руское презъ розъные часы есть спустошена и спалена, меновите: село Рудницъного футор, село Иванъковъ, село Глубокое, село Селище и Старое Остролучье—есть спалено, а потомъ теперъ тыежъ маетности презъ допущенъе плякки Божое, тоестъ презъ поветрие моровое, и остатокъ людей вымерло, а инъшие проч се розешли, за которым таким гневом Божиим, яко и наступенем войскъ, тые маетности фундытус *1 есть знищоны, же и податковъ его королев. милости, за часомъ наступуючихъ, ее мл. пани воеводиная с тыхъ маетности, яко спустошалых, не маєт с чого отдават, о што помененый пан Яцковский, слуга ее мл. пани воеводиное руское, именемъ пани своее, просил, абы тая протестация его была принята и до книгъ урядовыхъ записана. Што есть записано.“ *2

*1 Фундытус—до основанія, до тла, въ конецъ.

*2 Книга Киев. Центр. Арх. № 14, л. 837 об., № 639.

Послѣ этого не скоро оправилось м. Борисполе, даже „мѣйскій урядъ“ пересталъ судить и рядить, и только въ 1637 г. возобновилъ опять свою дѣятельность.

КЪ БІОГРАФІИ КОЗАЦКАГО ГЕТМАНА ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА СУЛИМЫ.

Въ перечневую книгу актовъ на земельныя владѣнія Сулимъ (см. Мотыжинскій Архивъ, К. 1890, стр. 112—113) внесено извѣстіе, что селенія Сулимовка и Лебединъ „уступлены.... Ивану Сулимѣ отъ Станислава Жолковскаго, гетмана польнаго, убитаго потомъ на Цецорскомъ полѣ Турками, съ операціею*¹ 600 золотыхъ, есть ли бы жена или дѣти его, гетмана, вздумали Ивана Сулпму отдалить отъ владѣнія оными селами“. Въ 1677 г. подданные Оедора Ивановича Сулимы, жившіе въ Сулимовкѣ, Лебединѣ и Кучаковѣ, хотѣли уклониться отъ отбыванія повинностей и освободиться отъ „послушенства“ Сулимѣ. Оедоръ Ивановичъ Сулима пожаловался на нихъ Переяславскому полковнику. По распоряженію полковника, посланъ былъ въ Барышевку значный полковой товарищъ Яковъ Шпилчинскій съ нѣсколькими козаками допросить тамошнихъ старожилонъ, на чьихъ земляхъ (грунтахъ) поселились Сулимовскіе, Лебединскіе и Кучаковскіе „обиватели“. Когда Шпилчинскій явился въ Барышевку и приступилъ къ допросу „на звикломъ мѣсту урядовомъ“, „тебы вынайдени Миско Харченко и Андрей Вѣтченко, мужеве барзо в лѣтехъ подеишлие, по сумленю старости своей ви-

*¹ Операция=обязательство уплатить.

знали, же еще на спочатку, якъся садила Баришовка, тогда тое все положеня, где тие села осѣли, Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ, надалъ *панъ Жолковскій* Ивану Сулимѣ, в заслугахъ, у вѣчность, абы собѣ тамъ овсѣми сколько могъ и хотѣлъ осадывъ людей, ку своему подданству“. *1

Кто же такой былъ Иванъ Сулима по своему общественному положенію, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ Жолкѣвскому и почему Жолкѣвскій отдалъ ему въсобственность такое большое пространство земли изъ своего имѣнія? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ до нѣкоторой степени слѣдующій актъ, хранящійся въ архивѣ Кіевской Археографической Коммисіи:

„Выпис книгъ врядовыхъ замку его кор. милости Жытомирського.

Лета Божого Нарожения тисеча шестсотъ двадцатъ девятого, мѣсяца мая двадцатъ осмого дня.

На вряде его кор. милости в замку господарскомъ Жытомирскомъ, передо мною, Яномъ Витинскимъ, подстаростимъ Жытомирскимъ, ставши обличне велебные отцове законницы монастыра Светого Николы Пустынского Кіевского, економъ Теофилъ Богѣдановичъ и Рафалъ Достоевскій, сами от себе и именемъ в Бозе велебного его милости отца Серафіона Бельского, игумена вышъ речоного монастыра, и всее капитулы—жалосне и обтежливе оповѣдали и протестовалися *противко вельможной еи милости паней Зофии Жолкевского Яновой Даниловичовой*, воеводиной русской, о то, иж, з власного росказаня еѣ милости, урядникъ теперешній ново

*1 См. Сулимовскій Архивъ, К. 1884, стр. 22.

в Барышове и в Барышполи наставленный пан *Ярош Кяглоковский*, збившы волост Барышовскую и Барышпольскую и зобравшы людей войско немалое, чловека о тысячу и далей, пешых и коньных, з стрельбою огънистою великою и малою, и з иным розмоитым оружем, до войны прыналежаачым, з особна з возами [возов под тысячу], с тою такою великою купою людей самъ особою своею, **яко прынцыпаль, с помочниками своими, там в тых волостях на службе сидячими, яко меновите:** Балътромеем Трембидким, **Иваном Сулимою, Елиашом Михайловичомъ** *¹, Корманским, и иными, которых се и на потом в позвех вольное выведоване имен и назвыскъ zostавует, способом и обычаемъ непрыетельским, рано на свитантю дня *двадцат сегого априля* в року теперешнем *тисеча шестсот двадцат девятом*, мощно и кгъвалтовне и великим импетом на маетности жалуючых, на село в кгрунъте, названом полю албо селищу Полукняженцьком, на старом седълиску, за зобранем перед тым через Татар *², над рудькою або речкою Тростенъцом будучее, Тростенъцом названое *³, положенем за рекою Днепром *⁴, от Барышполя у двух милях лежащее, наехавшы, такъ урядника, там будучого, шляхетного Ивана Трушовского, яко и подданных

*¹ Въ 1615 году Ильяшъ Михайловичъ былъ начальникомъ Бориспольскимъ т. е. занималъ ту должность, которая въ 1629 г. принадлежала Ярошу Глоговскому.—См. М. Борисполе, стр. 8, № 10.

*² Объясняется, почему мѣсто поселенія (седлиско) называется *старица*: прежде существовавшее здѣсь поселеніе было разрушено и жители уведены въ неволю (зобраны) Татарами.

*³ Въ настоящее время поселенія съ этимъ именемъ не существуетъ и мы не умѣемъ опредѣлить, гдѣ оно находилось.

*⁴ Подразумѣвается: отъ Кіева.

всех, меновите: Якова, Семена, Грыцка Гладкого, Семена и другого Семена Ивановичовъ, Павла Наумовича, Микиту, Ивана и другого Ивана Вороновича, Яцка, Якова Мисковича, Гарасима, Гавърыла, Онопрея, Лукияна, Петра, Власа, Грышка, Давыда, Ониска, Юска, Оникия, Максима и иных окрутне, нелютостиве бившы, мордовавъшы, оных всех повезавшы и жадного невыпустившы, з жонами з детми и зо всеми их добытками, конъми, быдлом и домовъством вшеляким побрал, и едным, конъным и пешым, до Барышполя провадит, а другим, што з возами, зносечы тое село, будованья вшелякне на возы розбират и тамже отъвозит, остатокъ будынъковъ самых домов, чого зобрати не могли, огънем запалит розказал, и так тое село далеко горей, нижели непрятель крыжа светого, снеслъ, сплюндровал, и спалил, и внивечъ обернул, ку великой и незносной крывде и шкоде церкви Божое и оных жалуючых, которых шкод, кгрунту самого, венъцъ и подданных, там забраных, з маетностями их в то певкладаючи, только за знесенъем того села быти менили на десет тисечей золотых полских, которым таковым кгъвалтовным наездом, знесенъемъ, спаленем и непрятельским праве способом сплюндрованем добръ вышъ менованыхъ, побранъем и запроваженъем подданных, жон и детей, яко до неволи якое, вышъ речоный панъ Кгълогровский право посполитое и вины в нем остре противко таковым свовольником, наездником, палителем и плюндровцом добръ людских описанные попрад, о которые вины яко то все, што ведле права належати будет, оферуючысе правне поступит, незавираю-

чы однакъ дороги до поправы теперешнее протестацыи, в чом бы справа и поступку такового потреба указала, такъ его милости отцу игуменови и капитуле, яко и помененому уряднику своему пану Ивану Трушовскому, и показане на реестре, часу права, маетности подданных забраных. И доводечы того такового екъзсесу сплюндрованъя, спаленъя и знесенъя того села и забранъя урядника и подданных з жонами, з детми и маетностями, ставили очевисто передо мною, на вряде, возного енерала воеводства Киевъского, опатръного Гаврыла Щепинъского, который в моц уряду своего возновского созналъ в тые слова: иж, маючы пры себе сторону, шляхту, пана Данила Баку а пана Матея Новицкого, за прыданем урядовым будучы возванный от вышъ речоного отца игумена монастыра светого Николы Пустынъского Киевского и всее капитулы, року теперешнего тисеча шестсот двадцат девятого, мѣсяца мая второго дня, был в кгрунте жалуючых селищу Полукнязевъском, за рекою Днепром в миль тры, а от Барышполя миль две, положенем лежаком над речъкою Тростянъцом, тамже видел и огледал местца, пляцы, где будованъя—домы подданных з гумнищами и иными розными огорожами были, доценту знесенны, и все с тамтоль спроважено, з особна видел на кильку местцахъ попелиска, где также будованъя подданных были, суть спалены; потом с тамтоль поехавшы до Барышполя, видел в местечку Барышполю урядника, жону, дети, зо всею маетностью, и всех подданных, вышъ менованных, з жонами, з детми и зо всеми их маетностями, власне,

яко ово коли в забег*¹, всих за вартою и за стра-
жою доброю будучых, которые, кгды отец игумен и
капитула (проспили), абы, яко люде невинные, подда-
ные их властные, и помененый слуга — были выпу-
щоны, теды преречоный пан Кгълокговскый, фуры-
озе *² постуруючы, посланцов полаял и посоромотил,
чынечы похвалки на выражене больших деспек-
товъ, крывдъ и шкод церкви Божое и подданным
оное. По котором сознанью возного проспили жа-
лующые, абы тая их протестацыя и реляцыя воз-
ного была до книгъ принята и записана, с которых
и сесъ выпис под печатью кгородскою естъ выданъ.
Писанъ в Жытомиру. Корыкговалъ..... тр.⁴

Итакъ Иванъ Сулима „спдѣлъ .на службѣ“
въ имѣніяхъ Софіи Станиславовны Даниловичевой;
онъ занималъ должность помощника при уряд-
никѣ (въ Бориспольскихъ актахъ это должностное
лицо называется начальникомъ или намѣстникомъ),
которымъ въ 1629 г. былъ вновь назначенъ Ярошъ
Глоговскій. Очевидно, что и при Станиславѣ Жол-
кѣвскомъ Иванъ Сулима былъ однимъ изъ оффи-
ціалистовъ въ администраціи его имѣній *³ и, какъ
усердный слуга, получилъ въ награду землю, съ
правомъ осадить на ней людей „ку своему поддан-

*¹ Яко ово коли в забег — какъ бываетъ это иногда во время непрі-
ятельскаго набѣга. Забег — забѣгъ — набѣгъ.

*² Фурыозе, furios — жестоко, сердито, гнѣвно.

*³ Въ 1615 г. Сулима служилъ уже у Жолкѣвскаго, какъ это видно
изъ акта отъ 13 февраля 1615 г., въ которомъ записано, что нѣкто Евсей Ев-
лашенко въ спорѣ съ жителями с. Вишенекъ за сѣно „доводивъ писанемъ его
мл. пана Сулиминнымъ, же тое сено од пана Сулимы мель, которое Вишенци
своимъ меновали“. Очевидно, Сулима, какъ одинъ изъ помощниковъ управля-
ющаго имѣніемъ Жолкѣвскаго, позволилъ Евлашенку выкосить спорный сѣ-
нокосъ. См. М. Борисполе въ XVII в., стр. 12, № 14.

ству“. Обязанности слуги и офіціалиста не мѣшали Сулимѣ заниматься козакованьемъ; одно совмѣщалось какимъ то образомъ съ другимъ, какъ это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ датъ: 29 декабря 1628 г. Иванъ Сулима пишетъ письмо князю Христофору Радзивилу съ просьбою о предстательствѣ предъ королемъ по дѣлу козаковъ съ Шагинъ-Гиреемъ и заканчиваетъ письмо такъ: „*Dath za porohami, w Sieczy, d. 29 decembris, roku 1628. Waszey X. mci nayniższy słudzy: Iwan Michajłowicz Sulima, hetman, ze wszystkim woyskiem I. K. M. Zaporozskim*“ *1; а 27 апрѣля 1629 г., т. е. всего черезъ четыре мѣсяца, какъ помощникъ урядника въ имѣніяхъ Софіи Станиславовны Даниловичевой, онъ, по распоряженію своего принцепала, принимаетъ уже участіе въ разореніи принадлежавшаго Пустынно-Никольскому монастырю села Тростянца.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1635-го года Иванъ Сулима разорилъ крѣпость, только-что передъ тѣмъ выстроенную французскимъ инженеромъ Бопланомъ, по распоряженію короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго, у перваго изъ днѣпровскихъ пороговъ, Койдацкаго, для противодѣйствія козацкимъ морскимъ набѣгамъ на Турцію, за что и былъ казненъ въ Варшавѣ 12-го декабря того же года. Объ этихъ событіяхъ мы имѣемъ рассказъ самого Боплана (См. Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, Вып. II 1896, стр. 313):

„Въ разстояніи пушечнаго выстрѣла внизъ по Днѣпру (отъ острова Козацкаго) расположенъ пер-

*1 См. Сулим. Арх., стр. 9.

выйй порогъ, Койдацкій. Порогомъ называется рядъ скалъ, протянувшійся поперекъ рѣки съ одного берега на другой и составляющій препятствіе для судоходства. Здѣсь существуетъ замокъ, заложенный мною въ іюлѣ 1635 года; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, августѣ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, нѣкто Сулима, предводитель возставшихъ козаковъ, возвращался изъ морского похода и, замѣтивъ замокъ, затруднявшій ему возвратъ на родину, овладѣлъ имъ врасплохъ и перебилъ весь гарнизонъ, состоявшій примѣрно изъ 200 человекъ подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ француза. Затѣмъ, разграбивъ укрѣпленіе, Сулима съ козаками возвратился на Запорожье. Однако они не долго владѣли этою крѣпостью; вскорѣ они были осаждены и разбиты другими вѣрными козаками, по приказанію великаго Конецпольскаго, Краковскаго кастеляна; наконецъ, предводитель возстанія былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со всѣми соучастниками и отвезенъ въ Варшаву, гдѣ ихъ четвертовали“.

Гораздо подробнѣе излагаетъ эти событія въ своихъ Запискахъ, князь Альбрехтъ-Станиславъ Радзивиль: „12-го декабря, въ день выѣзда моего изъ Варшавы, тамъ публично казнили Сулиму вмѣстѣ съ нѣсколькими другими козаками. Козацкій гетманъ Сулима, состоявшій подъ начальствомъ короннаго гетмана, имѣлъ собственно въ своемъ распоряженіи шесть тысячъ козаковъ, но во время недавнихъ войнъ число козаковъ несмѣтно возросло отъ поступленія въ козаки со всѣхъ сторонъ мужиковъ. Эти козаки нападали на турецкія села и

мѣстечки, грабили и сжигали ихъ, подплывали на чайкахъ подъ самый Стамбулъ, такъ-что прежній турецкій султанъ Солиманъ да и теперешній—не могли пользоваться безопасностью въ Константинополѣ. Отсюда—постоянныя жалобы со стороны Турокъ и угрозы войною Полякамъ. Коронный гетманъ Конецпольскій, желая предотвратить бѣду, выстроилъ на Днѣпровскомъ островѣ крѣпость подъ названіемъ „Кодакъ“ (Кудакъ, Койдакъ) и помѣстилъ тамъ гарнизономъ нѣсколько сотъ драгунъ подъ начальствомъ опытнаго воина Маріана съ приказаніемъ Маріану—не допускать козацкихъ набѣговъ на турецкія владѣнія. Кажется, Маріанъ черезъ-чуръ усердно исполнялъ гетманское приказаніе; онъ не только не пропускалъ козаковъ мимо Кодака, но также запрещалъ имъ ловить рыбу и охотиться по берегамъ Днѣпра; нѣкоторыхъ ослушниковъ, числомъ до двадцати, онъ поймалъ, заковалъ въ цѣпи и засадилъ въ тюрьму; онъ запрещалъ также торговцамъ продавать козакамъ порохъ и огнестрѣльное оружіе. Разгнѣванный этимъ Сулима однажды въ темную ночь взобрался съ своими козаками полѣстницамъ на валы крѣпости, изрубилъ караульных и овладѣлъ крѣпостью. Маріана, раздѣтаго до гола, поставили цѣлью для выстрѣловъ и разстрѣляли, а гарнизонъ изрубили. Козаки полагали, что это пройдетъ имъ даромъ, такъ какъ они знали, что король и гетманъ Конецпольскій заняты прусскою войною и нуждаются въ козацкой помощи. Но когда былъ заключенъ миръ, то козаки разсудили, что Конецпольскій имъ отомститъ за разореніе Кодака и вотъ они сами схва-

тили Сулиму съ пятью его приверженцами и связаннымъ доставили въ Варшаву къ сейму. На пыткахъ Сулима и его товарищи показывали, что они не знали о правительственномъ распоряженіи относительно постройки Кодацкой крѣпости, а полагали, что Нѣмцы, извѣстные прирожденною имъ суровостью, по своему произволу построили крѣпость и такъ ихъ притѣсняли; поэтому, не подавая никакихъ жалобъ, на которыя ушло-бы много времени, они сами отомстили Нѣмцамъ за свои обиды. Эти отговорки не были приняты во вниманіе и они были осуждены на казнь для устрашенія другихъ. Самъ король искалъ предлога, чтобы ихъ спасти, потому-что и въ послѣднюю прусскую кампанію убѣдился въ ихъ отвагѣ. Однажды ночью они на своихъ чайкахъ подплыли подъ Пилаву (по нѣмецки: Pillau); забрезжилъ день, изумились Шведы, увидавши неожиданныхъ гостей. Тотчасъ привѣтствовали ихъ выстрѣлами изъ пушекъ, но не причинили имъ никакого вреда, такъ какъ вслѣдствіе дальности разстоянія снаряды не долетали до козакъ. Потомъ послали спросить у нихъ, кто они такіе, по чьему приказанію и зачѣмъ явились. Козаки отвѣтили: мы де козаки запорожскіе, подплыли по распоряженію короля и ожидаемъ его приказаній. И тотчасъ начали плавать по Гафу, а потомъ бросились на шведскій корабль и захватили его со всѣмъ грузомъ, заключавшемся въ аммуниціи и провіантѣ для солдатъ. Этимъ они очень напугали Шведовъ. При заключеніи мира корабль они должны были возвратить Шведамъ, но находившіеся на немъ съѣстные припасы и напитки они

дочпста сожрали и выпили. Достойно удивленія, съ какой отвагой ввѣряются они морскимъ волнамъ на своихъ чайкахъ, обложенныхъ пучками камыша. *1 Если море бороздятъ бури, но они ныряютъ на волнахъ, хранимые упомянутыми пучками камыша; если вода стоитъ спокойно, то они работаютъ веслами и плывутъ куда хотятъ. Жители Пилавы убѣдились въ этомъ на самомъ дѣлѣ и своими глазами видѣли, какъ буря въ одинъ моментъ разнесла ихъ, не причинивъ имъ никакого вреда, и потомъ они въ своемъ боевомъ порядкѣ стали противъ порта. Сулимѣ, обращенному въ католическую вѣру, палачъ отрубилъ голову мечомъ, а потомъ тѣло его было разрублено на четыре части и эти куски, развѣшенные на четырехъ углахъ городскихъ стѣнъ, представляли печальный и неприятный видъ. Передъ казнью Сулима просилъ, чтобы при похоронахъ положили на его тѣло, въ память его побѣдъ надъ Турками, тотъ золотой портретъ папы Павла V, который папа подарилъ ему, когда онъ, взявши приступомъ турецкую галеру, подарилъ папѣ въ Римѣ триста плѣнныхъ Турокъ. *2 Товарищи Сулимы, оставшіеся православными, были казнены тою же смертью.

Многіе сожалѣли, зачѣмъ Сулима, одержавшій столько побѣдъ надъ врагами вѣры христіанской, Турками, погибъ столь позорною смертью,

*1 См. Описаніе Украины Боплана въ Мемуарахъ, отн. къ ист. Ю. Р. стр. 344.

*2 Павелъ V занималъ папскій престолъ съ 29 мая 1605 г. по 28 января 1621 г. Слѣдовательно только къ этимъ годамъ можетъ относиться появленіе Сулимы въ Римѣ, гдѣ онъ представилъ въ подарокъ папѣ 300 плѣнныхъ Турокъ.

зачѣмъ онъ былъ казненъ мечомъ палача, между тѣмъ какъ въ своихъ многочисленныхъ битвахъ съ непріателемъ онъ не получилъ даже раны". *1

У Ивана Михайловича Сулимы осталось три сына: Степанъ, Северинъ и Ѳеодоръ. Всѣ они играли довольно значительную роль въ послѣдующихъ событіяхъ малороссійской исторіи.... [См. Архивы Сулимовскій и Мотыжинскій].

*1 См. Pamiętniki Albr. Stan. X. Radziwiłła. Wyd. przez Edw. Raczyńskiego. Poznań, 1839, str. 288—290. Перепечатано въ Сулим. Архивѣ, стр. 9—11, № 4.

Въ польской исторической литературѣ имѣется монографія, посвященная специально исторіи Кодацкой крѣпости, довольно обстоятельная и очень красиво написанная,—Маріана Дубецкаго: Maryan Dubiecki. Kudak Twierdza kresowa i jej okolice. Wydanie nowe przejrzone. Warszawa 1900. Взятіе Кодака Сулимою описано на стр. 77—78.

Планъ Кодацкой крѣпости см. у Эварницкаго. Запорожье въ остаткахъ старины. ч. I, 1888, стр. 114, планъ № VIII.

О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЕНИЯ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ С. СУЛИМОВКѢ.

Въ „Архивныхъ отрывкахъ для исторіи Полтавской епархіи“ (Вып. I, Полтава 1887 г.) А. М. Лазаревскій напечаталъ слѣдующую замѣтку о Сулимовской церкви (стр. 41—42): „Село Сулимовка, Переяславскаго уѣзда, поселено въ началѣ XVII в. Иваномъ Сулимою, извѣстнымъ предводителемъ запорожскихъ козаковъ, казненнымъ Поляками въ 1635 г. Сущестующая теперь въ с. Сулимовкѣ Покровская церковь построена, какъ говоритъ мѣстное преданіе, въ концѣ XVII в. Судя по архитектурѣ этой церкви и по толщинѣ ея стѣнъ (церковь каменная), преданіе это должно быть вполнѣ вѣрнымъ. Но этотъ храмъ, кажется, былъ уже вторымъ, построеннымъ вмѣсто прежняго, пришедшаго, должно быть, въ ветхость. На существованіе въ Сулимовкѣ церкви уже въ первой половинѣ XVII в. указываетъ слѣдующій, найденный нами въ архивѣ А. А. Войцеховича, актъ:

„Записка въ какихъ годахъ, мѣсяцахъ и числахъ Сулиминской Покровской церкви колокола отпѣланы, учинена 1799 г. августа 11 дня.

Названіе колоколовъ. 1) Благовѣсть называемый, 1684 г. іюля 20 дня.—2) Субботникъ, въ томъ же 1684 г. іюля 28 дня.—3) Постовый 1750 г., а какого мѣсяца не означено.—4) *Скликунъ большій, 1629*

года, апреля 1 дня.—5) Скликунъ малій, 1761 г., а мѣсяца не означено.—6) Скликунъ меньшій, совсѣмъ не означенъ въ какомъ годѣ, мѣсяцѣ и какого числа сдѣланъ.—7) Кустинскій, такъ же совсѣмъ не означенъ, когда именно онъ сдѣланъ“.

Нельзя ли по этой запискѣ заключить, что первая церковь въ Сулимовкѣ была построена не позже 1629 г., а нынѣ существующая—не позже 1684 г.? “

Мы полагаемъ, что существующая нынѣ въ с. Сулимовкѣ каменная церковь и есть именно та самая, которую построилъ до 1629 года гетманъ Иванъ Мпхайловичъ Сулима. Такое мнѣніе сложилось у насъ вотъ почему:

1) Церковь въ с. Сулимовкѣ около 1684 года могъ построить только Ѳеодоръ Ивановичъ Сулима. Между тѣмъ онъ въ своемъ завѣщаніи 1691 года, отписывая на Покровскую церковь въ с. Сулимовкѣ „срѣбро, що есть въ скрѣнѣ, тамъ и футра и хустки, золотомъ вышиваніе“, и выражая волю, чтобы его тѣло „въ Сулиминцахъ подъ порогомъ въ церкви Покровы Пресвятой Богородици, на однихъ марахъ, безъ цехувъ, поховали“ (Мотыж. Арх. стр. 9), нигдѣ не называетъ себя фундаторомъ (строителемъ) этой церкви, между тѣмъ какъ такого рода близкое отношеніе къ извѣстному храму принято было отмѣчать въ завѣщаніяхъ; такъ, напримѣръ, въ завѣщаніи Родіона Григорьевича Дмитрашка (выше, стр. 165) прямо сказано: „млинь..... отказую на церковь Святую Троицу Барышовскую, презъ мене фундованную“. Затѣмъ Ѳеодоръ Сулима назначаетъ по завѣщанію Сулимовской церкви „золотихъ двѣстѣ

на поправу“. Очевидно, церковь нуждалась въ ремонтѣ, чего не могло-бы случиться, если бы она была выстроена всего за семь лѣтъ передъ тѣмъ, около 1684 года.

Если въ спискѣ колоколовъ отмѣчено, что два изъ нихъ, Благовѣсть и Субботникъ, поступили въ іюль 1684 года, то это приобрѣтеніе нѣтъ надобности связывать съ постройкой новой церкви вмѣсто обветшавшей, а можно объяснить просто желаніемъ Ѳедора Сулимы увеличить число подвѣшенныхъ ранѣ колоколовъ. Такимъ образомъ является предположеніе, что каменная церковь въ Сулимовкѣ была построена не Ѳедоромъ Сулимою, а ранѣе.... Когда же и кѣмъ?

2) Почти навѣрное можно сказать, что Сулимовская церковь была построена гетманомъ Иваномъ Михайловичемъ Сулимою и притомъ до 1629 года, упомянутого въ спискѣ колоколовъ. Иванъ Сулима, находясь на службѣ у Жолкѣвскаго и получивъ отъ него въ награду громадное пространство земли съ правомъ поселить на немъ людей „ку своему подданству“, въ то же время являлся предводителемъ въ морскихъ набѣгахъ запорожцевъ на Турцію. Какіе мотивы заставляли его становиться во главѣ подобныхъ набѣговъ? Конечно, два: желаніе отомстить врагамъ Святого Креста, какъ тогда выражались, и надежда на богатую добычу при разграбленіи жилищныхъ турецкихъ городовъ и селеній. Опасности, сопряженныя съ такого рода предпріятіями, должны были развить въ немъ сильное религіозное чувство, но въ то же время, возвращаясь домой, онъ привозилъ съ собою много золота и серебра въ мо-

нетахъ и вещахъ. Совершенно естественно могло зародиться у Ивана Сулимы желаніе построить у себя дома церковь и посвятить ее Покрову Пресвятой Богородицы, хранившей его жизнь въ годину опасности и пользовавшейся особымъ почитаніемъ на Запорожьи.

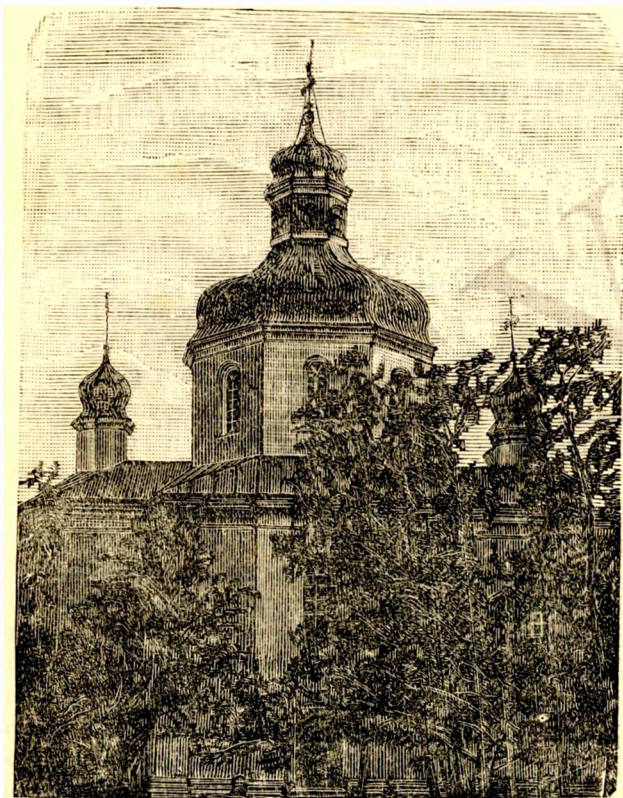
Почему онъ построилъ именно каменную церковь? Въ этомъ выразился съ одной стороны матеріальный достатокъ строителя, который не побоялся расходовъ на созданіе прочнаго каменнаго храма. Съ другой стороны нужно принять во вниманіе, что Иванъ Сулима былъ человѣкъ, выдавшій виды. Вѣдь, чтобы черезъ Стамбулъ попасть въ Римъ ко двору Павла V и оттуда вернуться въ Сулиминцы, какъ тогда называли Сулимовку, нужно было объѣхать чуть не всю южную и западную Европу. Сколько разныхъ зданій видѣлъ на своемъ пути Сулима до Собора св. Петра включительно! Понятно, что у него должно было выработаться сознаніе, насколько каменные европейскія постройки прочнѣе русскихъ деревянныхъ (ср. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XIII, 1870, стр. 52). Понятно, что и дома онъ предпочелъ создать прочную каменную церковь, нежели деревянную, подверженную быстрому тлѣнію и огню.

Время, когда могла быть исполнена эта постройка, слѣдуетъ опредѣлить приблизительно промежуткомъ между 1620 и 1628 гг., т. е. послѣ пребыванія Сулимы въ Римѣ и до отправленія въ Крымскій походъ 1628 г. Очевидно, по возвращеніи изъ послѣдняго похода Сулима снабдилъ церковь одной изъ послѣднихъ принадлежностей—колоколомъ

„Скликунъ большій“. 1 апрѣля 1629 г. онъ какъ разъ былъ дома, потому-что 27 апрѣля того же года, по распоряженію Яроша Глоговскаго, онъ принялъ участіе въ истребленіи принадлежавшаго Пустынно-Никольскому монастырю села Тростянца.

Къ 1825 году Сулимовская церковь нѣсколько обветшала и Полтавское епархіальное начальство прекратило въ ней богослуженіе, предназначивъ ее къ упраздненію. Сулимовскій приходъ предполагалось соединить съ приходомъ Михайловской церкви села Малой Старицы. Только благодаря хлопотамъ тогдашняго владѣльца Сулимовки Іоакима Іоакимовича Сулимы, распоряженіе это было отмѣнено, церковь позволено было обновить и съ 1835 г. въ ней вновь открылось богослуженіе. Въ это время, кажется, шелевочная кровля церкви была замѣнена желѣзною,—что измѣнило ея первоначальный видъ.

Покровская церковь въ с. Сулимовкѣ постройки
1620-хъ годовъ.

(Съ фотогр. княжны Е. П. Багратіонъ)

СТАРИННОЕ ПОУЧЕНІЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОМУ СЕМИНАРИСТУ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЕГО ВЪ КІЕВСКУЮ АКАДЕМІЮ.

Это любопытное поученіе написано Переяславскимъ іеромонахомъ Мисаиломъ Бонячевскимъ, родомъ изъ с. Комаровки Переяславскаго уѣзда, для его внучатнаго племянника и воспитанника Никиты Васильевича Дрозда-Бонячевскаго, когда послѣдній, окончивши курсъ Переяславской семинаріи, вступалъ въ Кіевскую Академію. О. Мисаилъ не только внушалъ своему питомцу правила доброй жизни, но и стремился пробудить въ немъ благородное честолюбіе, рассказывая ему о судьбахъ его предковъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Разсказъ о. Мисаила, основанный на семейныхъ преданіяхъ, имѣетъ и историческій интересъ, сообщая любопытныя подробности о потомствѣ знаменитаго ватажка времени Руины, носившаго титулъ Брацлавскаго полковника, Михаила Дрозда (см. Костомаровъ, Руина, изд. 1882 г. стр. 77—92). Заботы престарѣлаго іеромонаха не пропали даромъ: питомецъ его Никита Васильевичъ Дроздъ-Бонячевскій вышелъ очень образованнымъ для своего времени человѣкомъ и служилъ сначала учителемъ исторіи и географіи въ гимназіи при Московскомъ Университетѣ, а впослѣдствіи переводчикомъ Государственной и Иностранныхъ Дѣлъ

Коллегіи, секретаремъ Россійскаго посольства во Флоренціи, совѣтникомъ Полтавскаго Губернскаго Правленія и Генеральнаго Суда 1 департамента, Директоромъ училищъ Полтавской губерніи и, наконецъ, чиновникомъ при Министрѣ народнаго просвѣщенія. Поученіе печатается съ копіи, сохранившейся въ с. Хоцкахъ Переяславскаго уѣзда въ семействѣ Дроздовъ-Бонячевскихъ.

Благодать Божію присно да будетъ съ тобою, чадо Никито! Аминь.

Зъ десятаго года возраста твоего азъ усыновихъ ты съ братією твоею, и семь лѣтъ до днесь пѣстовахъ ты и трудихся о воспитованіи и просвѣщеніи твоёмъ. Нынѣ же зане совершилъ еси въ Переяславлѣ ученіе твое и отходиши въ Кіевскую Академію, азъ же старъ сый, и Богъ вѣсть еще паки узрю ты: дніе бо лѣтъ нашихъ еще въ силахъ осмьдесятъ и множае ихъ трудъ и болѣзнь: того ради пишу тебе для всегдашней памяти сіе, може послѣднее мое наставленіе. Во первыхъ, имѣй страхъ Божій, пже есть начало всякія премудрости: сирѣчь, соблюдай заповѣди Божіи и вси христіанскіи добродѣтели, въ нихъ же до днесь утверждати ты тщишься. Не пропускай ни единого дне безъ молитвы ко Богу, яко всѣхъ благъ подателю, ниже праздниковъ безъ церковнаго его славословія. Всякую же чотыредесятницу поновляй душу свою святою исповѣдію и пречистыми таинствами. Присно же обучаай себе ко благочестію изъ священныхъ писаній; и буди исправенъ предъ Богомъ и предъ людьми вѣрнымъ сло-

вомъ, и житіемъ чистымъ. Люби родственниковъ твоихъ и добродѣющихъ тебѣ, сирѣчь усердствуй имъ и буди благодаренъ. Чествуй старшихъ, наставниковъ же и учителей своихъ слушайся со благоговѣніемъ. Съ равными обходись тихо и не провозносися; отъ бесѣдъ же нелѣпыхъ и злыхъ уклоняйся. Нижшихъ не презирай, ниже глумися, и никому не твори, чего самъ себѣ не хочешь. Се есть начало премудрости, середина же ей—познаніе сущихъ въ поднебеснѣй и всякое полезное искусство, науками и размышленіемъ стяжаемое; а конецъ—приложеніе сихъ къ жизни, яже тѣмъ и паче оживотворяется, и благодать тебѣ и ближнимъ твоимъ; долготы бо живота, рече Царь Соломонъ, въ десницѣ премудрости, въ 'шуйцѣ же ея богатство и слава. Удобно же видится отъ любящихъ ю и обрѣтается отъ ищущихъ ю. Приступи убо къ ней всею душею, взыщи ю, прилѣжно учася въ Кіевѣ, да поспѣшишь вся сія стяжаеши; да отецъ твой и дядя Никита улучать черезъ тебя отраду и облегченіе подъ старость, и да весь родъ твой Дроздовъ, зъ стародавнаго своего славы и богатства достоянія ниспадшій, паки черезъ тебе возстанетъ. Дрозды бо, праотцы твои, быша издревлѣ на Русѣ и подъ Литвою и подъ Ляхами благородни и сильни крѣпостію и совѣтомъ защитники отечества и православної вѣры противъ Бусурмановъ и Латиновъ; по десятихъ же лѣтѣхъ приложенія Малороссіи къ Московскому Царству, еже бысть въ лѣто отъ воплощенія Господня 4814 (1654), сущу Гетьману Бруховецкому и велію повсюду смятенію, егда злокозненный Дорошенко за Днѣпромъ со единомышлен-

никами своими, враговъ придержавшимися и поставившими его надъ собою Гетьманомъ, искаше вси тамошніи полки покорити, а Михайлъ Дроздъ, полковникъ Братславскій, отецъ прапрадѣда твоего, храбро ему сопротивляшеся, то, оскудѣвшей силѣ его, взять бысть со градомъ Братславомъ и убіенъ отъ Дорошенка за вѣрность къ Царю и къ законному Гетьману, иже за то притекшую къ нему вдову Дроздову и малолѣтняго его сына Данила, прапрадѣда твоего пріи честно, и предстательствомъ старшины Адамовича, родственника ей, и Чечери, даде имъ панскій грунтъ и дворъ съ подданными и всѣми угодіями въ Хоцкахъ на помѣстье. Се начало Дроздоваго роду въ томъ селѣ купно же и вина его упадку: еще бо и бѣ уже старшій Даниловъ сынъ Гавріилъ, прадѣдъ твой, Атамапомъ, обаче отъ раздѣлу реченнаго грунту съ братією несогласія ради, и отъ пожара — домъ его вельми изнеможе, наставшимъ же паки воинскимъ смуткамъ и убіенну ему бывшу отъ Татаръ въ походѣ Крымскомъ, еще въ горшее паде расточеніе: дѣти бо его, сіе есть: дѣдъ твой Григорій съ братією, осиротѣша малолѣтны, подданіи, нажившись ихъ добромъ, отступиша, сусѣдніи же паны и козаки въ долгое межгетманство при новизнахъ управныхъ и земскихъ велию часть Дроздовой земли себѣ присвоиша. Егда убо возросте дѣдъ твой съ братією, никому же ихъ не книжныхъ заступающе, нужда имъ бѣ и самимъ уже остатокъ ей пахати, въ козаки учинившеся, въ нихъ же тако и отецъ твой Василій съ дядькомъ Никитою и ты съ братіями Андреемъ и Грицькомъ родистесь. Ты же прозываешися нынѣ

Бонячевскимъ ради мене, яко пѣстуна твоего и брата твоей бабки, по роду нашему Боняку, а по просту Бу-
 няку, иже произыде отъ одного воеводы иноплемен-
 ническаго, крестившагося въ плѣну въ Кіевѣ съ двои-
 ма сынами въ Литовское обладаніе, и угодивши
 совѣтомъ и храбростію гетьману Предславу Ландзи-
 кронскому и кралою Сигмунду Кажиміровичу Ягай-
 лову, воспрія отъ нихъ волости на Волыни и тамо
 живяше, откуды и Симеонъ Бонякъ, юноша и ри-
 церъ благообразный, бѣ въ нарядѣ у краля Ганрѣя
 Валуя въ лѣто Господне 4854 (1574) и обрѣте благо-
 дать передъ очима его, яко же быти ему при немъ
 и отъити во франьскую страну, идѣже окаянный
 преклонься въ Латинскую ересь, проименовася Мар-
 хисомъ — по писаніямъ его во свояси, отъ нихъ же
 проклятъ. Возставшу же на Боняковъ гоненію, убѣ-
 жаша на сей бокъ Днѣпра въ Комаровку, идѣже
 волією Божією родъ сей до днесь во смиреніи сво-
 емъ ведется. Вся сія памятуй, да паче потщися
 въ наукахъ, обаче не неради о здравіи твоємъ: есть
 бо главизна благодати. Иди убо и пиши мнѣ часто:
 сего ради даю тебѣ со крестомъ, иконою присно-
 дѣвы Маріи и другими потребами еще и печатку
 мою, на ней же по синевицѣ могила, бунякъ бо есть
 сказуемое могила, якоже и наречеса единъ изъ сы-
 новъ предреченнаго воеводы, отшедшій во страны
 греческія. Знаменіе же рода твоего есть птица Дроздъ
 на червленыхъ кроквахъ съ копіемъ и шаблею,
 и свыше шóломъ. Богъ да благословитъ и сохра-
 нить тя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Аминь. Писахъ
 въ лѣто мірозданія 7280, Рождества Христо

ва 4456 (1772) Индикта 7, мѣсяца Августа. Вуй и
 богомолецъ твой, Каоедраальный Екклиціархъ, Геро-
 монахъ недостойный Місиль.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАГРАФЫ КЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ СТАТЬЯМЪ.

§ 1 (къ стр. 29 п 197). Отъ 1603 и 1629 гг. мы имѣемъ свидѣтельства, что построенная Владимиромъ Мономахомъ на мѣстѣ убіенія св. князя Бориса каменная церковь была еще цѣла въ эти годы, но потомъ она куда-то исчезла, на мѣстѣ ея появилась деревянная церковь и только при позднѣйшей перестройкѣ обнаружился фундаментъ изъ дикаго камня старой церкви. Когда же и кѣмъ была уничтожена Мономаховская церковь? Ранѣе мы не могли-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, но теперь послѣ изученія „Путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, описаннаго его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ“ въ переводѣ Г. Муркоса (Москва 1896—1898 гг.) дѣло нѣсколько разъясняется.

Когда Павелъ Алеппскій въ 1655 г. съ отцомъ своимъ возвращался изъ Москвы, то они сдѣлали довольно продолжительную остановку въ Кіевѣ. Отсюда они рѣшили проѣхать къ Хмельницкому въ Чигиринъ и избрали путь по лѣвому берегу Днѣпра. „Въ понедѣльникъ“, рассказываетъ архидіаконъ Павелъ, „мы простились съ монахами (Печерскаго монастыря); они проводили насъ и разстались съ нами на берегу рѣки Днѣпра за вышеупомянутымъ монастыремъ. Здѣсь мы переѣхали

на суднѣ рѣку во второй разъ, направляя свой путь къ Хмелю въ городъ Чигиринъ. Во вторникъ, въ полдень, проѣхавъ пять миль, мы прибыли въ торговое мѣстечко, съ цитаделью и укрѣпленіями, по имени Борисполь, то есть городъ Бориса, сына царя Владимира. *¹ Какъ рассказываютъ, *въ немъ была большая, древняя каменная церковь, во имя св. Глѣба мученика, другого сына царя Владимира* *²; *се разрушили ляхи и увезли ея камни, дерево и желѣзо въ Кіевъ, гдѣ выстроили изъ нихъ большую, новую церковь*, о коей мы раньше упоминали, но съ ней имъ не посчастливилось. *³ Дѣйствительно, въ рассказѣ о первомъ пребываніи въ Кіевѣ въ 1653 г., по дорогѣ въ Москву, Павелъ Алеппскій говорилъ о кіевскихъ католическихъ костелахъ слѣдующее: „Они (поляки—католики) имѣли въ немъ (т. е. въ Кіевѣ) двѣ благолѣпныхъ церкви изъ камня и извести, со сводами на высокихъ столбахъ. Одна изъ нихъ древняя, другая новая, изящная, украшенная всѣми архитектурными красотами. Но будучи доведена до конца, она теперь плачетъ по людямъ, которые ее посѣщали, но которыхъ сокрыли судьба и время. Впрочемъ, ни изображенія на верхнихъ частяхъ ея красивыхъ потолковъ, сдѣланныя изъ гипса, подобнаго тѣсту, ни разнородныя украшенія еще не довершены художниками. Въ настоящее время она въ разрушеніи и служитъ мѣстомъ для нечистыхъ дѣлъ и обиталищемъ для скота и вьюч-

*¹ Павелъ Алеппскій слово *поле* въ названіи Борисполе=Борисово поле принялъ за греческое слово πόλις= городъ.

*² Павелъ Алеппскій неясно понялъ, что храмъ былъ посвященъ не только Глѣбу, но и Борису, по народному: Борисоглѣбу или Глѣбоборису.

*³ См. вып. IV, стр. 189—190.

ныхъ животныхъ. Неблагообразная, потрескавшаяся, она только держится и утверждается на своихъ столбахъ и основаніяхъ, и покрыта темносѣрою зеленью густого мха.“ *1.

Такимъ образомъ устанавливается фактъ, что Мономаховская церковь была умышленно разрушена католиками и что матеріалы изъ нея были перевезены въ Кіевъ и употреблены на постройку католическаго костела.

Если мы сопоставимъ касающіяся католическихъ костеловъ извѣстія Павла Алеппскаго съ записками доминиканца Петра Развидовскаго, то мы въ состояніи будемъ отвѣтить и на вопросъ: какой же именно строившійся въ Кіевѣ костелъ принялъ въ себя остатки Мономаховской церкви?

Петръ Развидовскій рассказываетъ слѣдующее: „Конвентъ Іакинеовъ первоначально основанъ надъ Днѣпромъ, гдѣ бывала церковь Богородицкая, и она-то отдана была Іакинеу. [Слова эти относятся къ Вышгородской Борисоглѣбской церкви, которую доминиканцы, вслѣдствіе смѣшенія мазовецкаго Вышгорода на Вислѣ съ Кіевскимъ Вышгородомъ, принимали за остатки конвента св. Іакинеа. Вторая часть извѣстія не имѣетъ цѣны свидѣтельскаго показанія мѣстнаго жителя, такъ какъ отъ словъ: „гдѣ бывала“...—составляетъ почти буквальный переводъ слѣдующаго мѣста изъ латинскаго Житія св. Іакинеа: „Anno Domini 1222. Venit sanctus Iazecho cum sua societate... in Kyiow,... in eadem civitate conventum in honorem Virginis gloriose fratrum predicatorum recepit, ibique quatuor annis moram

*1 См. вып. II, стр. 76.

fecit.“]*¹. По опустошеніи сего конвента доминикане подселились подъ замокъ (т. е. подъ гору) на Житный торгъ и основали костелъ подъ названіемъ св. Николая, мирликійскаго епископа и исповѣдника. Изъ прежняго костела Іакинеова [т. е. изъ Вышгородской церкви] брали каменья на постройку новаго Николаевского и собрали много стопленнаго свинцу кровельнаго. [Николаевскій костелъ былъ построенъ около 1600 г. при бискупѣ Криштофѣ Казимирскомъ]. Тамъ-же [т. е. подъ замкомъ или подъ горою около Житнаго торгоу] застали мы костелокъ старый деревянный, въ которомъ и службу мы исправляли и крестные ходы на праздникъ Іакинеовъ и другіе. [Существованіе стараго деревяннаго доминиканскаго костелика въ 1594 г. засвидѣтельствовано Верепинскимъ и Лассотой]. А потомъ покойный панъ Стефанъ Аксакъ (около 1640 г.) построилъ новый костелъ каменной и конвентъ, а вышеупомянутый старый костелокъ перенесенъ за Днѣпръ къ благодѣтелю нашему пану Теодору Креницкому, подстолему Черниговскому.“ *²

Изъ этого разсказа, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что передъ возстаніемъ Хмельницкаго у католиковъ въ Кіевѣ было два каменныхъ костела: одинъ болѣе старый—Николаевскій, построенный около 1600 г., и другой совершенно новый, построенный Стефаномъ Аксакомъ. Оба были расположены по близости другъ отъ друга. По мнѣнію

*1 См. Monumenta Poloniae historica, tom IV, Lwów 1884, str. 857.

*2 См. Митр. Евгенія. Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи, К. 1825, Прибавленія стр. 30. Въ прямыхъ скобкахъ заключены наши поясненія.

проф. Н. И. Петрова, Николаевскій костель стоялъ какъ разъ на мѣстѣ нынѣшней семинарской Петропавловской церкви, а построенный Аксакомъ на юго-востокъ отъ него, около юго-восточнаго угла нынѣшняго главнаго семинарскаго корпуса. *¹ Такимъ образомъ извѣстіе Петра Развидовскаго вполне сходится съ рассказомъ Павла Алеппскаго, что католики имѣли въ Кіевѣ „двѣ благолѣпныя церкви изъ камня и извести, со сводами на высокихъ столбахъ. Одна изъ нихъ древняя, другая новая“... Такъ какъ мы знаемъ, что Мономаховская церковь могла быть разрушена не ранѣе 1630 г. (существованіе ея до этого года документально засвидѣтельствовано) и не позднѣе 1648 г., когда католики лишились возможности распоряжаться въ Борисполѣ, то остается принять, что она подверглась разборкѣ передъ 1640 г. и что строительные матеріалы изъ нея были употреблены на костель, созидавшійся кіевскимъ земскимъ судьей Стефаномъ Ивановичемъ Аксакомъ.

Конечно, нужно предположить, что разрушеніе „старожитнаго“ Бориспольскаго храма было выполнено съ согласія и при содѣйствіи тогдашняго Бориспольскаго и Барышевскаго старосты „его милости пана Яна Кухарскаго.“ *².

§ 2 (къ стр. 50—51). Къ толкованію въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о строительной дѣятельности

*¹ См. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Н. И. Петров. К. 1897. стр. 204.

*² См. Акты Бориспольскаго уряда, стр. 17 и 33.

митр. Ефрема слова *баня* въ смыслѣ *верхъ, куполъ церковный* склонялся и академикъ О. И. Буслаевъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ трудовъ. Онъ говорилъ: „Въ бѣлорусскомъ нарѣчїи (К. Калайдовича о бѣлорусскомъ нарѣчїи въ Трудахъ Общ. люб. Росс. Слов. 1822, I): баня—верхъ, куполъ церковный; банный—банѣ принадлежащій; по свидѣтельству Нестора, Ефремъ, епископъ Переяславскій, построилъ въ 1090 году банное строеніе.“ См. О преподаваніи отечеств. языка, Изд. 2-ое, М. 1867, стр. 465.

§ 3 (къ стр. 60—61). По свидѣтельству Павла Алеппскаго, старая Покровская церковь въ Переяславѣ, существовавшая до построенія Мировичами новой, раньше была католическою, а потомъ обращена въ православную. Перечисливъ Переяславскія церкви, Павелъ говоритъ (Вып. IV, стр. 191): „Прежде была церковь, принадлежавшая ляхамъ; теперь ее обратили въ монастырь, въ честь Покрова Богородицы“. Такимъ образомъ выясняется, что Переяславская іезуитская collegія помѣщалась при той старой Покровской церкви, которая была уничтожена въ 1709 г. и замѣнена новой, выстроенной Мировичами между 1704 и 1709 гг. (выше, стр. 63). О Переяславской іезуитской collegіи мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ. Львовскій подкоморій Войтъхъ Мясковскій въ своихъ дневныхъ запискахъ о поѣздкѣ польскихъ комиссаровъ въ Переяславъ для переговоровъ съ Б. Хмельницкимъ подъ 21 февраля нов.

ст. 1649 г. говоритъ: „Widzieliśmy potym zamek pusty, wniwecz zepsowany, y *Collegium w kościele Iezuitów* odartym tak, że żadnego ołtarza y obrazow mieysca niemasz; groby nawet otwarte, trupy wyrzucone szlacheckie; trumna nieboszczyka p. Łukasza Żółkiewskiego, w—dy Braclawskiego, starosty Pereasławskiego, wielkiey pamięci kawalera godnego, rozbita, insignia wojenne wzięte y pierścień diamentowy z palca.“ *1

Въ люстрацію Каневского староства 1636 года занесена „Manifestacya ojców Iezuitów pereasławskich.“ „Когда мы составляли люстрацію Каневского староства“, пишутъ люстраторы, „то достопочтенный ксендзъ Станиславъ Броновскій, ректоръ Переяславскаго іезуитскаго коллегіума, заявилъ отъ своего имени и отъ имени всей братіи, что Лука Жолкъвскій, староста Калусскій, Хмѣльницкій, Переяславскій и Миргородскій, записалъ и на вѣчныя времена подарилъ Переяславскому коллегіуму село Прохоровъ (Прохоровку), со всѣми принадлежностями, лѣсами, прудами, рѣками, озерами, ставищами, млынищами и рѣчками, уходами, пасѣками, рыбными ловлями, будами и селитрами; все это подробно описано въ дарственномъ актѣ. Для того, чтобы это село не подвергалось люстраціи и чтобы не являлось сомнѣнія въ правѣ собственности на него оо. іезуитовъ, онъ (т. е. Станиславъ Броновскій) занесъ эту манифестацію въ наши люстраціонные акты, а мы ее приняли, не желая оспаривать ни права старосты Каневского, претендующаго на это село,

*1 См. Памятники Киевской Комиссіи, Изд. второе, К. 1898, т. I и II. стр. 319. Съ нѣсколькими отличіями этотъ же текстъ напечатанъ въ изданіи: „Jakuba Michałowskiego... Księga Pamiętnicza“, W Krakowie 1864. str. 373.

ни права отцовъ іезуитовъ. Мы указали сторонамъ, что они должны представить это дѣло на сеймѣ на усмотрѣніе Его Вел. Короля и Рѣчи-Посполитой. Въ настоящее время мы освобождаемъ село это отъ люстраціи.“ *1

§ 4 (къ стр. 79, прим. 3). Названіе селища Круглаго и до сихъ поръ сохранилось въ устахъ жителей с. Сошникова. Одно изъ урочищъ на землѣ, принадлежащей козакамъ и казеннымъ крестьянамъ этого села, называется Круглымъ. Вѣроятно, селище Круглое не заселилось вновь вслѣдствіе того, что оно было расположено, какъ это видно изъ положенія нынѣшняго урочища Круглаго, на сыпучемъ пескѣ. См. Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. Т. X. Переяславскій уѣздъ, 1890, Отд. 5, стр. 244.

*1 См. Źródła dziejowe, tom V. str. 220.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
50	1 сверху	ни	на
53	4 снизу	+ 1137	+ 1237
156	13 снизу	Федоръ	Θеодосій

